

ДОКУМЕНТ

АРХИВ

Выпуск **24**

ИСТОРИЯ

СОВРЕМЕННОСТЬ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ДОКУМЕНТ АРХИВ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 24

Издается с 2001 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2024

УДК 002
ББК Ч81 + Т3(2)
Д 638

Редакционная коллегия:

Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент (гл. редактор)
О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор
А. М. Сафронова, доктор исторических наук, доцент
А. А. Бакшаев, кандидат исторических наук, доцент
В. В. Шибаев, кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

М. Б. Ларионова, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета

Н. Г. Суровцева, доктор исторических наук, профессор кафедры автоматизированных систем документационного обеспечения управления Российского государственного гуманитарного университета

Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. /
Д 638 гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования
Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Вып. 24. – Екатеринбург:
Изд-во Урал. ун-та, 2024. – 289 с. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-7996-3897-9

В сборнике представлены статьи по проблемам истории Урала и России, источниковедения, методологии, документоведения и архивному делу.

Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, специалистов в области истории, архивоведения, документоведения и информационного обеспечения управления.

УДК 002
ББК Ч81 + Т3(2)

ISBN 978-5-7996-3897-9

Уральский федеральный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1 ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

Валдайских Д. В.

Метод сетевого анализа в изучении истории горнозаводской семьи
в Пермской губернии конца XIX в. 6

Муравьев А. В.

Образы будущего на страницах журнала «Вокруг света» (1927–1930 гг.) .. 18

Михайлов А. П.

Трансформация садового пространства «малой» и «большой»
рязановских усадеб города Екатеринбурга с середины XIX в. 31

Хорькова В. М.

Жизнь в памятнике истории: преимущества и недостатки
(на примере усадьбы Т. М. Рязанова) 36

Раздел 2 ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА

Коротин В. А.

Петр I как реформатор в публичном дискурсе первой четверти XVIII в. ... 42

Копырина С. Н.

Взаимодействие церковной и горнозаводской власти на Урале
в 1720–1740-е гг. (по документам Государственного архива
Свердловской области) 52

Сафронова А. М.

Словесная и арифметическая школы Лялинского завода (1735–1742) 61

Уланов К. А.

Организация транспортировки грузов с казенных заводов Урала
на пристани в первой половине XVIII в. (по документам
Государственного архива Свердловской области) 79

Гагиева А. К.

Роль крестьянской поземельной общины Коми края
при выполнении фискальной повинности. XVIII век 90

<i>Бакишев А. А.</i> Проблемы выполнения военных нарядов казенными горными заводами Урала в первой четверти XIX в.	100
<i>Чернухов Э. А.</i> Первая городская больница Екатеринбурга в XIX – начале XX в.	109
<i>Кузькало Ю. В.</i> Деятельность Российской лиги равноправия женщин (1907–1917 гг.): в борьбе за политические права	119
<i>Мазур Л. Н.</i> «Не хлебом единым...»: структура питания советского ученого в 1920-е гг. (по материалам бюджетного обследования 1925 г.)	128
<i>Фельдман М. А., Бугров К. Д.</i> Преемница Уральской области – Свердловская область: кадровые и экономические аспекты (к 90-летию создания). Начало: январь 1934 – июнь 1941 гг.	139
<i>Хакимов Р. Ш.</i> Искушение номенклатуры и тяжелая «сталинская длань». 1946–1953 гг. (на примере Челябинской области)	152
<i>Торопов А. Н.</i> К 100-летию Михаила Ефимовича Главацкого: материалы к биографии выдающегося ученого	168

Раздел 3

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

<i>Стогов Д. И.</i> Проблема сохранения малых городов России (на примере г. Ветлуга Нижегородской области)	176
<i>Шаймерденова М. Д., Шаймерденова Н. Ж.</i> Мегаполисы Казахстана: этноязыковое разнообразие и урбонимы	183
<i>Шихова О. Н.</i> Отношение жителей малого города к музеям: по материалам онлайн-исследования	198
<i>Джумантаева Т. А.</i> Музеефикация масляной живописи Спасо-Преображенского храма как стратегия освоения культурного наследия исторического города ...	209

Спиридонова А. Д., Трясучкина К. Д.

Транскрибирование интервью: новые возможности и особенности исследования малых городов России	214
--	-----

Раздел 4

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

Плетнева М. В., Зудова О. М.

Профессиональный рост молодых специалистов в сфере документационного обеспечения управления посредством развития навыков «soft skills»	221
--	-----

Раздел 5

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Кандаурова Т. Н.

Социальное и культурное пространство и социокультурный ландшафт округа Охтенского военного поселения по департаментским отчетным материалам	228
---	-----

Килин А. П.

«Если сложатся так обстоятельства, что очутимся снова с Вами, значит судьба, – будем вертеть свою жизнь в Екатеринбурге»: письма А. С. Когана	257
---	-----

Сведения об авторах	272
---------------------------	-----

Список основных сокращений	275
----------------------------------	-----

Summary	276
---------------	-----

УДК 94(470.54).08:929.532.3

Д. В. Валдайских

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ В ИЗУЧЕНИИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.)

В статье рассматриваются возможности применения методов сетевого анализа в изучении сельских сообществ на примере записей о бракосочетавшихся Христорождественской церкви Усть-Гаревского села Пермского уезда Пермской губернии за 1866–1919 гг. Рассматриваются общие направления использования метода сетевого анализа в исторической науке и проблемы, возникающие при проведении подобных исследований. Дается общая характеристика Усть-Гаревского села. Описываются возможные алгоритмы для отбора и формирования матриц сетей на основе сведений базы данных по записям метрических книг о бракосочетавшихся, а также для оценки свойств сформированных сетей.

Ключевые слова: методы сетевого анализа в исторических исследованиях, метрические книги, сельские сообщества XIX – начала XX вв., село Усть-Гаревское Пермского уезда.

В последние два десятилетия, в особенности в связи с ростом использования информационных технологий, все чаще используются междисциплинарные методы сетевого анализа. Специалисты в области гуманитарных, и в частности, исторических наук, перенимают и адаптируют опыт применения этих методов. Примеры сравнительно немногочисленны и представлены в первую очередь в европейской

практике, в России же данная область находится в стадии своего формирования.

Этим вопросам посвящены публикации журнала «Сообщество исторических сетевых исследователей» («The Historical Network Research Community») [The Historical Network...], издаваемого Люксембургским центром современной и цифровой истории. Всего за 2017–2023 гг. было опубликовано девять выпусков журнала (в 2021 г. издано два выпуска). Выпуски №№ 1–3, 6 и 7 журнала посвящены сетевому анализу. Выпущено также три тематических номера: выпуск № 4 посвящен применению методов сетевого анализа в исследованиях греко-римской политики; выпуск № 5 рассматривает китайские исторические сети; выпуск № 9 включает исследования сетей, построенных на текстовых источниках.

В России результаты подобных исследований публикуются в журнале «Историческая информатика» [Историческая информатика]. С 2017 г. в журнале создана рубрика «Методы и технологии сетевого анализа», в которой на сегодняшний день опубликовано десять статей.

Одной из проблем использования историками методов сетевого анализа является терминология, которая заимствована из теории графов, социальных сетей, а также из других наук. К примеру, для обозначения «объекта» сети (индивидуума или коллектива) применяются не менее трех русскоязычных терминов: актор, узел, вершина; также несколькими терминами обозначается другой ключевой элемент сетевого анализа, указывающий на соединение двух узлов сети: связь, ребро, дуга [Сетевые измерения в социологии..., 2004].

В то же время и зарубежные, и российские исследования меняют свою направленность. Если ранее они были нацелены на оценку свойств построенной сети в соответствии с имеющимися метриками, то современные работы все больше ориентированы на проверку тех или иных гипотез с использованием метрик сети.

Развитие методов сетевого анализа опирается на использование специального программного обеспечения, а также свободный доступ ко всем основным программным комплексам, используемым сегодня в этой области. Наиболее часто в исторических исследованиях используются программные комплексы UCInet и Gephi. Первый ПК содержит наиболее широкий набор функций для оценки свойств сетей. Программа Gephi, в отличие от UCInet, имеет меньше возможностей для анализа сетей, но позволяет визуализировать и анализировать динамичные сети, что дает определенные преимущества. Значительно реже применяются программные комплексы R и Pajek: использование инструментов программы R требует навыков программирования,

а программа Rajeк предназначена в первую очередь для построения и анализа больших сетей (с количеством узлов более тысячи), которые в исторических исследованиях не гарантируют получение корректного (продуктивного) результата. Программы UCINet, Gephi и Rajeк позволяют вводить и выводить данные для анализа в стандартных форматах текстовых файлов, благодаря чему возможно применение разных программных комплексов в рамках одного исследования.

В данной статье с использованием метода сетевого анализа исследуются материалы метрических книг Христорождественской церкви с. Усть-Гаревского Пермского уезда Пермской губернии за период с 1866 г. по 1919 г. Выбор данного комплекса источников определялся степенью его сохранности, а также типичностью рассматриваемого прихода.

Метрические книги Христорождественской церкви сохранились почти в полном объеме [ГАПК, ф. 37, оп. 1, д. 334, 404; оп. 6, д. 405–412, ф. 719, оп. 1, д. 109–111]. Пока не выявлены метрические книги церкви за 1874 г. (записи о родившихся, бракосочетавшихся и умерших) и за 1909 г. (записи о бракосочетавшихся). Кроме того, в Государственном архиве Свердловской области, сохранились ревизские сказки как самого села, так и деревень, относящихся к его приходу за 1834, 1850, 1858 гг. [ГАСО, ф. 179, оп. 1, д. 54; ф. 24, оп. 23, д. 7387; ф. 179, оп. 1, д. 236].

В самой церкви до сегодняшнего дня сохранились оригиналы исповедных ведомостей и брачных обысков за все годы существования церкви, а также другие источники, не поставленные на государственный учет: клировые ведомости, книги учета доходов и расходов, протоколов собраний прихожан, входящих и исходящих документов и другие источники. По поручению губернатора Пермского края Д. Н. Махонина в целях сохранения уникального архива прихода Христорождественской церкви в 2023 г. сотрудники Пермского государственного архива социально-политической истории «опубликовали на официальном сайте архива электронные копии всех содержащихся в нем документов, которые составили отдельный архивный фонд ПермГАСПИ» [ПермГАСПИ...].

Село Усть-Гаревское (Усть-Гаревка, Усть-Гаревая) расположено на берегу реки Камы северо-западнее г. Перми на территории современного Добрянского муниципального района. Первые упоминания о поселении относятся к XVII в., когда на месте «Камского моря», на берегу которого сегодня стоит село, протекала речка Гаревая, давшая название селу. Статус села Усть-Гаревское приобрело в 1869 г., после того как достроили Христорождественскую церковь — однопрестольную деревянную постройку, обитую железными листами.

План строительства Христорождественской церкви был утвержден Пермской строительной комиссией 15 февраля 1863 г. Решение о строительстве храма с открытием при нем прихода было принято Усть-Гаревским волостным правлением в ноябре 1864 г. С 1866 г. к Усть-Гаревскому приходу были причислены крестьяне, относившиеся ранее к приходам Рождество-Богородицкой церкви Добрянского завода, Петро-Павловской церкви села Слудского и Вознесенской церкви Гаревско-Васильевского села [Калинин и др., 2018, с. 355–356].

За период с 1866 г. до 1919 г. должность священника Усть-Гаревской церкви, согласно записям метрических книг, занимали восемь служителей. Известны биографические сведения о некоторых из них. С 1881 г. по 1908 г. должность священника занимал отец Максим Александрович Бурлев, родившийся в Тагильской слободе Верхотурского уезда в 1839 г. в семье дьячка. После окончания Пермской духовной семинарии он служил дьяконом в Пермском Петропавловском соборе, затем в Градо-Пермской Крестовой церкви. В 1879 г. он был рукоположен в священники и в 1881 г. определен на штатную должность в Усть-Гаревскую церковь. В этом же году его утвердили законоучителем при Усть-Гаревском начальном земском училище. В должности священника Усть-Гаревской церкви М. А. Бурлев служил дольше всех своих предшественников и преемников – в течение 26 лет, после чего в 1906 г. был «почислен в заштат». [Там же, с. 362]. С 1907 г. по 1910 г. штатным священником церкви являлся Иван Иванович Будрин, окончивший Пермскую духовную семинарию. Он был вольнослушателем юридических наук при Томском университете, преподавал Закон Божий в земских школах. Его преемником стал Дмитрий Иванович Шувалов, крестьянский сын, окончивший Чердынское 4-классное городское училище и состоявший учителем народных училищ в Чердынском и Соликамском уездах. С 1903 г. занимал должность диакона, а затем, с 1911 по 1913 г. – священника Усть-Гаревской церкви [Там же, с. 363].

К Усть-Гаревскому приходу в разное время были приписаны жители населенных пунктов, относящихся не только к Усть-Гаревской, но и к соседним волостям: Дивьинской, Дмитриевской, Сенькинской и Филатовской. Количество населенных пунктов, жители которых были приписаны к приходу, достигает 57. Такие данные отражены в записях о бракосочетавшихся по материалам метрических книг церкви за 1866–1919 гг. По приходу есть также опубликованные данные за 1891 г., полученные из документов, сохранившихся в архиве церкви: «в приходе Усть-Гаревской церкви числилось 1 459 душ мужского пола и 1 600 душ женского. Они проживали в 44 деревнях» [Там же, с. 365].

Согласно «Списку населенных мест Российской империи по сведениям 1869 г.» в селе Усть-Гаревском значилось 25 дворов и 154 жителя (83 мужчины и 71 женщина), в 1869 г. в селе располагались волостное правление, три хлебных магазина и одна мельница [Списки населенных мест..., 1875, с. 58].

По данным «Списка населенных мест Пермской губернии», изданного в 1908 г., в селе числилось уже 43 двора и 175 жителей (90 мужчин и 85 женщин). Кроме православной церкви, в селе в это время действовали земская школа, волостное правление, земская станция, земская аптека, базар по воскресеньям и торжки. В 1908 г. к Усть-Гаревской волости относилось 96 населенных пунктов: деревень, починков, выселков и однодворков [Список населенных мест..., 1908–1909, с. 148].

В 1929 г. в селе был построен кирпичный завод, который просуществовал до 1990 г. В 1954 г. при возведении Камской ГЭС Усть-Гаревская церковь, бывшая ранее на возвышенности, оказалась на самом берегу водоема, что создает реальную угрозу затопления. Из-за обрушения берега ежегодно уходят под воду несколько метров суши. В настоящее время в Усть-Гаревском селе проживает около 200 человек. Усть-Гаревская церковь остается действующей до настоящего времени.

Для проведения сетевого анализа была сформирована база данных, содержащая сведения о бракосочетаниях, извлеченных из метрических книг за 1866–1873, 1875–1908 и 1910–1919 гг. База данных содержит сведения о датах бракосочетаний, месте жительства брачующихся, их именах, сословии и возрасте, какой по счету брак, а также о приходах, к которым были приписаны жители населенных пунктов.

Всего за указанные годы было зарегистрировано 1 326 бракосочетаний. Наибольшее число браков зафиксировано в книге за 1918 г. (51 запись), наименьшее – в 1915 г. (5 записей). Среднее ежегодное число браков, регистрируемых Усть-Гаревским приходом – 25. При этом распределение количества браков равномерно на протяжении всего изучаемого периода, за исключением времени с 1915 г. по 1919 г.: с 1867 г. по 1914 г. ежегодно регистрировалось от 16 до 36 браков.

Большинство браков заключались в январе (497) и в феврале (408), на долю этих двух месяцев приходится заключение 68 % от всего количества браков, заключенных в период с 1867 г. по 1919 г. За весь период не зарегистрировано ни одного брака в марте и в декабре. Всего 17 браков было заключено в августе, в оставшиеся месяцы заключалось от 31 до 89 браков.

Возраст вступивших в брак мужчин указан в 1 323 случаях из 1 326. Средний возраст женихов, вступивших в брак – 25,8 лет. Чаще

всего женились в возрасте от 18 до 22 лет; всего в этом возрасте вступили в брак 687 мужчин (52 %), при этом только четверо из них вступили в брак во второй раз. 1 100 мужчин вступили в брак впервые, их средний возраст составил 22,4 года. 201 мужчина вступил в брак во второй раз, их средний возраст составил 41,8 лет. В третий раз вступили в брак 24 мужчины, средний возраст которых составил 49,2 лет. В возрасте 50 и более лет вступили в брак 70 мужчин, при этом только двое из них – впервые. Самый ранний возраст вступления в брак – 17,6 лет, в целом в возрасте полных 17 лет вступили в брак четверо мужчин. Самый старший возраст вступления в брак – 70 лет (1 чел.). Средний возраст женитьбы служащих (бессрочно-отпускных солдат, уволенных в запас из армии, запасных солдат и др.), общее число которых за весь период составило 183 чел. – 27 лет. Средний возраст крестьян, не относящихся к категории служащих, составил 25,5 лет.

Возраст вступивших в брак женщин указан в 1 325 случаях из 1 326. Средний возраст невест, вступивших в брак, за весь период – 21,3 лет. Чаще всего выходили замуж в возрасте от 17 до 21 года, всего в этом возрасте вступили в брак 900 женщин (68 %), при этом только пятеро из них вступали в брак во второй раз. 1 231 женщина вступила в брак впервые, (средний возраст – 20,4 года). 88 женщин вступили в брак во второй раз, их средний возраст составил 32,5 лет. В третий раз вступили в брак 7 женщин, средний возраст которых составил 43,9 лет. В возрасте 50 и более лет вступили в брак пять женщин, при этом две из них – впервые. Самый ранний возраст вступления в брак – 16 лет, в целом в возрасте полных 16 лет вступили в брак 103 девушки. Самый старший возраст вступления в брак – 65 лет (1 чел.).

Кроме крестьянства, среди женихов были отмечены представители других социальных групп: два личных почетных гражданина, трое мастеровых и трое мещан, при этом только один из перечисленных (почетный гражданин) являлся жителем Усть-Гаревской волости.

Из невест, кроме крестьянок, в брак вступали также дочери представителей духовенства (5 невест), дочери и вдовы мастеровых (11 невест), солдатские дочери и вдовы (16 невест), дочь потомственного гражданина. Для невест в записях имеются отметки об иной вере: 7 чел. принадлежали к единоверчеству, еще двое – к беглопоповской секте. Все отметки об иной вере невест относятся к периоду 1871–1883 гг., все невесты иной веры до вступления в брак проживали в селах и деревнях Усть-Гаревской волости или волостей, соседних с Усть-Гаревской.

Населенный пункт, являющийся местом жительства жениха на момент вступления в брак, указан в 1 291 случае из 1 326, еще для пяти случаев указаны только наименования волости, из которой происхо-

дил жених. Семь женихов из всех бракосочетавшихся были родом не из Пермской губернии: пятеро из Вятской, один из Вологодской, один из Екатеринбургской. 1 274 жениха являлись жителями населенных пунктов Пермского уезда, еще 15 – жителями других уездов Пермской губернии, в первую очередь Соликамского (10 чел.). Среди всех женихов – жителей Пермского уезда – 936 проживали в населенных пунктах, относящихся к Усть-Гаревской волости, 134 – к Дивьинской волости, 92 – к Сенькинской, 33 – к Филатовской, 24 – к Дмитриевской, еще 55 – к другим волостям. При этом 1 227 женихов из всех сочетавшихся браком жили в населенных пунктах, жители которых были приписаны к Усть-Гаревскому приходу (в том числе не из Усть-Гаревской волости). В приходе Усть-Гаревской церкви венчались также и женихи – жители населенных пунктов, приписанные к другим приходам: 15 – к Филатовскому, 8 – к Добрянскому, 6 – к Васильевскому, 19 – к другим приходам Пермского уезда.

Населенный пункт, являющийся местом жительства невесты до вступления в брак, указан в 1 323 случаях из 1 326, еще для двух случаев указано только наименование уезда, из которого происходила невеста. Четыре невесты из всех бракосочетавшихся были родом из других губерний: Вологодской, Вятской, Нижегородской и Уфимской. 1 189 невест проживали в населенных пунктах Пермского уезда, 112 – в Осинском уезде, еще 19 – в Соликамском уезде, и еще одна – в Оханском. Среди всех невест, проживавших до замужества в Пермском уезде, 530 проживали в населенных пунктах, относящихся к Усть-Гаревской волости, 181 – к Дивьинской волости, 107 – к Сенькинской, 72 – к Слудской, 59 – к Филатовской, 34 – к Добрянско-Заводской, 18 – к Дмитриевской, 16 – к Полазинской, еще 172 – к другим волостям. При этом 777 невест из всех сочетавшихся браком жили в населенных пунктах, жители которых были приписаны к Усть-Гаревскому приходу (в том числе не из Усть-Гаревской волости). В приходе Усть-Гаревской церкви венчались также и невесты из населенных пунктов, приписанных к другим приходам: 184 – к Слудскому, 114 – к Добрянскому, 53 – к Филатовскому, 45 – Полазинскому, 36 – к Ильинскому, 29 – к Сенькинскому, 24 – к Васильевскому, еще 31 – к другим приходам Пермского уезда.

Женихи из населенных пунктов, жители которых были приписаны к Усть-Гаревскому приходу, чаще всего брали в жены девушек из своего прихода, таких случаев всего 726; из Слудского прихода – 175, Добрянского – 103, Филатовского – 47, Полазинского – 40, Ильинского – 35, Сенькинского – 28, Васильевского – 21.

Наибольшие сложности при составлении базы данных возникли в части определения административно-территориальной принадлеж-

ности отдельных населенных пунктов и/или отнесения их к церковному приходу. Этому способствовали следующие факторы: появление с течением времени новых и исчезновение существовавших населенных пунктов, изменение административно-территориальной и приходской принадлежности населенных пунктов, изменение наименований населенных пунктов, а также их типов, несовпадение во многих случаях волостного центра деревни с селом, которое являлось для этой деревни приходским центром, наличие нескольких вариантов наименований одного населенного пункта, которые использовались священниками при заполнении метрических книг, возможность посещения жителями деревень прихода, к которому они не были приписаны, наличие ошибок и упущений служащих церкви при заполнении метрических книг. К примеру, до 1880 г. в записях о бракосочетавшихся для женихов, состоящих на службе в армии, не записывались наименования населенных пунктов – мест их рождения и жительства, такие сведения стали вноситься только с 1881 г., что, очевидно, связано с утверждением на должность священника М. А. Бурлева.

Так как в метрических книгах для каждого жениха и невесты указывался приход, к которому они были приписаны, то эти материалы использовались при составлении базы данных для заполнения графы о принадлежности населенного пункта к церковному приходу. Для заполнения графы о волостной принадлежности населенных пунктов в первую очередь использовались материалы «Списка населенных мест Российской империи по сведениям 1869 г.» [Списки населенных мест..., 1875] и «Списка населенных мест Пермской губернии», изданного в 1908 г. [Список населенных мест..., 1908–1909].

На следующем этапе исследования были определены параметры для построения сетей. Среди возможных параметров рассматривались ограничения сети, зависящие от содержания источника (хронологические и пространственные рамки); тип актора-1 – сущностный элемент сети, «объект» для вертикали матрицы сети (приход, фамилия, населенный пункт); тип актора-2 – для горизонтали матрицы сети (также приход, фамилия или населенный пункт); тип связи между акторами (вступление в брак); тип сети по дифференциации связей (бинарная (невзвешенная или взвешенная); тип сети по направлению связей (неориентированная (симметричная) или ориентированная (несимметричная)); тип сети по числу модальностей (одномодальная или двухмодальная).

Из всего многообразия сетей, возможных для построения, были исключены все, которые не отвечали хотя бы одному из трех критериев:

- 1) для построения сети достаточно данных;
- 2) результаты, которые может дать анализ свойств сети, нельзя получить другими методами, например, статистическими или методами кластерного анализа;
- 3) построение сети имеет смысловое содержание.

С учетом перечисленных критериев были исключены все возможные сети, в которых в качестве акторов выступали отдельные жители, так как для построения таких сетей недостаточно данных: подобные сети будут иметь смысл только при создании базы данных по материалам частей метрических книг о родившихся и об умерших – в этом случае в сети будут отражены все взаимосвязи отдельных людей. Также были исключены вариации сетей одномодального типа: примером подобной сети может служить сеть, задачей которой является определение, какие фамилии в отдельных населенных пунктах были распространены в большей степени, а какие – в меньшей. В этом случае при построении матрицы сети, представленной в виде таблицы, актором-1 (по вертикали) могла быть фамилия, актором-2 (по горизонтали) – населенный пункт, а связью – присутствие носителя фамилии в населенном пункте в числе его жителей. В такой матрице в каждой ячейке будет указано количество жителей по фамилиям для каждого населенного пункта. Подобные результаты можно получить простым подсчетом, поэтому построение сети для решения данной задачи является избыточным и не имеет смысла.

В результате, а также с учетом содержания комплекса исследуемых метрических книг, были выделены несколько наборов параметров сетей, результаты оценки свойств которых могут иметь смысл для определения плотности и силы взаимосвязей между жителями отдельных населенных пунктов Усть-Гаревского прихода, а также для сравнения этих характеристик в двух хронологических отрезках.

Для построения сетей были составлены матрицы, учитывающие только взаимные связи между населенными пунктами Усть-Гаревского села. То есть в матрицу не были включены данные о браках между прихожанами Усть-Гаревской церкви с прихожанами других церквей. В матрицы также были внесены данные только по Усть-Гаревскому селу и тем населенным пунктам, которые существовали на протяжении всего исследуемого периода и не меняли на протяжении своего существования приходскую принадлежность. По данным метрических книг, таких населенных пунктов выделено 30: село Усть-Гаревское, деревни Антипьева, Баранова, Батина, Березовый Мыс, Верх-Туево, Губничат (она же – Дровневая), Гушат, Ершовка Заполье, Захарова, Зырянова, Ковина, Костят, Лапят, Липова, Лобашат, Опутят, Патра-

кова, Полуденский Мост, Попонина, Рожнят, Романова, Скородум, Сухоплечева, Тюлька, Удебки, Усть-Дивья, Ямская и Чудиновский починок.

Исследуемый период был разделен на два равных хронологических отрезка: 1866–1893 гг. и 1894–1919 гг. В период с 1877 по 1907 г. к приходскому сообществу, состоящему из 28 деревень, одного починка и Усть-Гаревского села были присоединены еще 27 населенных пунктов. Сравнение свойств аналогичных сетей, но за разные промежутки времени, может дать информацию об изменении силы и плотности связей между первыми появившимися населенными пунктами и их индивидуальной значимости в Усть-Гаревском сельском сообществе в контексте появления вновь созданных и/или приписанных к приходскому сообществу населенных пунктов.

30 отобранных населенных пунктов стали акторами матриц сетей, как по горизонталям, так и по вертикалям. Тип связи сетей – вступление в брак жителей деревень и приходского села, в том числе браки между жителями одной деревни, починка или села. Тип всех сетей по дифференциации связей – взвешенные (для оценки сетей имеет значение количество браков между каждой парой населенных пунктов), по направленности связей – неориентированные (выдача замуж жительницы деревни за жениха из соседней деревни, и наоборот – женитьба мужчины из этой деревни на девушке из соседней, имеют равный вес и значение), по числу модальностей – одномодальные (исследуются связи между акторами одного типа, т.е. и по вертикали, и по горизонтали матрицы сетей зеркально расположены наименования одинакового набора населенных пунктов).

Матрицы двух аналогичных сетей за разные хронологические отрезки были сформированы средствами программы Excel на основе ранее составленной базы данных и загружены в модуль анализа сетей программы UCInet. В качестве метрик оценки полученных сетей были выбраны следующие:

1) размер сети – значение, учитывающее количество ближайших акторов, с которыми связан каждый актор сети;

2) средняя степень – средний вес всех связей у каждого актора сети;

3) плотность – отношение имеющихся у каждого актора сети связей к потенциально возможному;

4) центральность (модель «ядро» или «сердцевина») – алгоритм определения плотности связей каждого актора с другими акторами по отношению к остальной части сети.

К составленным матрицам также были применены следующие общие метрики оценки свойств сетей:

- 1) средняя степень: средний вес связей у одного актора сети;
- 2) плотность: отношение имеющихся в сети связей к потенциально возможному, принимает значения от 0 (нет ни одной связи) до 1,0 (все акторы связаны со всеми);
- 3) связность: доля пар узлов, между которыми существует путь, принимает значения от 0 (нет никаких связей между узлами) до 1,0 (между любой парой акторов есть путь);
- 4) транзитивность: оценивает наличие путей между любой парой акторов через третий актор; чем выше транзитивность, тем больше связей внутри сети, больше вариантов прохождения информации; принимает значения от 0 (нет путей) до 1,0 (все связаны со всеми, можно достичь любого актора через посредство любого третьего).

Согласно полученным данным, общие значения сети по метрикам средней степени, плотности и связности во втором хронологическом отрезке выше, чем в первом. При этом общее значение сети по метрике транзитивности в период с 1894 по 1919 г. снизилось, что может быть объяснено ростом числа прихожан церкви и увеличением числа населенных пунктов, составляющих сельское сообщество, что в свою очередь увеличило пути для взаимосвязей между любой парой населенных пунктов.

Таблицы метрик оценки свойств сети для отдельных населенных пунктов показывают, что лучше всего во времени населенные пункты сохраняют средний вес своих связей, то есть значимость по отношению к другим населенным пунктам. Это видно по тому, что в значениях средней степени сети деревни хоть и изменили со временем свои позиции по отношению к другим участникам сети, но при этом 80% представителей первых десяти населенных пунктов, имеющих наибольшие значения в первом хронологическом отрезке, попали в десять позиций по этому значению во втором хронологическом отрезке. То же самое относится и к десятке аутсайдеров этого списка.

В целом результаты оценки свойств метрик первой группы сетей показали, что значения размера сети, ее плотности и центральности зависят в том числе и от количества жителей в отдельно взятых населенных пунктах. Для учета этого параметра в данные матриц для двух уже рассмотренных сетей был введен дополнительный параметр: отношение числа зарегистрированных браков к среднему числу жителей пары населенных пунктов, в которых проживали жених на момент бракосочетания и невеста до вступления в брак. Т.е. в первой группе сетей в ячейки матрицы вводилось число браков между жи-

телями пары населенных пунктов, а во второй – значение отношения числа браков между жителями пары населенных пунктов к среднему арифметическому количеству жителей в этих двух населенных пунктах. Для расчета показателей матрицы к сети за период 1866–1893 гг. были использованы данные о числе жителей согласно «Спискам населенных мест Российской империи на 1869 г.»; для периода 1894–1919 гг. использованы данные о числе жителей согласно «Списку населенных мест Пермской губернии. 1908–1909».

Результаты сравнения сетей первой группы с аналогичными сетями второй группы показывают, что отдельные населенные пункты изменили свои позиции, но группы населенных пунктов, имеющие первые позиции, так и остаются первыми, а последние соответственно завершают списки, то есть первые 10–15 населенных пунктов в метриках, не учитывающих количество жителей в населенных пунктах, также остаются в числе первых 10–15 позиций метрик, учитывающих количество жителей в населенных пунктах. Эти результаты говорят, вероятно, о том, что между населенными пунктами с наибольшим количеством жителей устанавливалось не просто больше связей, но они являлись и более прочными.

Установление прямой связи между численностью населения в Усть-Гаревском селе, деревнях и Чудиновском починке на 1869 г. и количеством браков между жителями этих населенных пунктов за период 1866–1893 гг. не позволяет получить корректные данные для полноценного анализа. То же самое относится и к сведениям о численности жителей на 1909 г., экстраполированных на хронологический отрезок 1894–1919 гг. Скорректировать результаты анализа метрик сетей второй группы поможет включение в исследование материалов, содержащих сведения о ежегодной динамике численности жителей для каждого населенного пункта прихода.

Ввод в научный оборот уникального по своей полноте комплекса источников, содержащего сведения об истории Усть-Гаревского села и прилегающей к нему местности может стать основой не только для исследования истории Усть-Гаревского сельского сообщества, но и для оценки возможностей применения методов сетевого анализа в исторических исследованиях.

Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетей, 2016.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 37. Пермская духовная консистория Ведомства духовного исповедания. 1796–1919.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление Министерства торговли и промышленности Российского правительства, г. Екатеринбург. 1918–1919.

Ф. 179. Ревизские сказки казенных и частных сибирских заводов (коллекция). 1747–1858.

Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. URL: <https://kleio.asu.ru/> (дата обращения: 29.05.2024).

Калинин М. А., Норина Н. И., Сиднев С. В., Рогальников В. И. «Господний дом надежды и спасения...». История храмов Добрянского благочиния / под ред. М. А. Калинина. Пермь: [Б.и.], 2018.

ПермГАСПИ в Храме Рождества Христова в селе Усть-Гаревая // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspi.ru/news/2376/1179/permgaspi-v-hrame-rozhdestva-hristova-v-sele-ust-garevaya.html> (дата обращения: 29.05.2024).

Сетевые измерения в социологии : учебн. пособие / под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004.

Список населенных мест Пермской губернии. Пермь: Перм. губ. земство, 1908–1909.

Списки населенных мест Российской империи на 1869 г., составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 31: Пермская губерния: ... по сведениям 1869 года / обраб. Н. Штиглицом. 1875.

Чупин Н. К. Географический и статистический словарь. Пермь: Тип. Поповой, 1874.

The Historical Network Research Community. URL: <https://jhnr.uni.lu/index.php/jhnr/issue/archive> (дата обращения: 29.05.2024).

УДК 94(47).084.6:316.75

А. В. Муравьев

ОБРАЗЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО В ЖУРНАЛЕ «ВОКРУГ СВЕТА» (1927–1930 гг.)

Со второй половины 1920-х гг. происходит отход от идей революционного романтизма в сторону научно-ориентированных картин будущего. Актуальными источниками по изучению данной темы являются научно-популярные журналы. На основе материалов журнала «Вокруг света» за 1927–1930 гг. в статье анализируются образы коммунистического будущего. Рассмотрены основные теоретические подходы к построению коммунизма, научно-популярные представления. Дается оценка информационного потенциала журнала с точки зрения образов будущего. Делается вывод о том, как материалы научно-популярной периодики способствовали формированию советского мифа и укрепляли веру в него.

Ключевые слова: журнал «Вокруг света», образ будущего, социализм, коммунизм, наука, советский миф.

© Муравьев А. В., 2024

Представления о коммунизме составляли важную часть советского мифологического цикла. Коммунизм в трудах классиков рассматривался как закономерный этап развития общества и был охарактеризован в самых общих чертах [см., например: Ленин, 1953, с. 77–88]. Эти идеи требовалось оживить, создать такие образы будущего, за которые миллионам простых людей – рабочих и крестьян – не страшно было отдать свою жизнь. Представления о коммунизме во многом определяли ментальность и психологию раннесоветского общества, воплощаясь в песнях, фильмах, научных и художественных текстах.

Роль футуристических представлений и эволюция образов будущего, циркулирующих в раннесоветском обществе, была рассмотрена в работах российских и зарубежных ученых [Брандис, Дмитриевский, 1965; Бритиков, 1970; Егоров, 2007; Раннесоветское общество..., 2018; Тимофеев, 2021]. Особо следует выделить исследования И. В. Желтиковой, которая предложила типологию этих представлений [см. Желтикова, 2020, с. 12–16], а также Т. С. Паниотовой, проанализировавшей концепции социалистического и коммунистического будущего, разрабатываемыми учеными и политиками в начале XX века. Среди них теории В. Ленина, А. Богданова, А. Гастева, А. Чаянова [Паниотова, 2021, с. 104–111].

Методологическую основу исследования составили идеи Ф. Полака, а также Д. Датора, Э. Блоха, Т. Ломбардо, Г. Троммсдорфа [см. подробнее: Желтикова, 2021, с. 4–11].

В качестве основного источника для изучения образов будущего, циркулировавших в советском обществе 1920-х гг., были использованы научно-популярные журналы, в частности, материалы журнала «Вокруг света». На его страницах публиковались художественные, научно-популярные и научно-публицистические тексты. С 1927 по 1930 гг. журнал издавался в двух редакциях: ленинградской («Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений и приключений») и московской («Вокруг света: путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе»). Московская редакция следовала проверенным путем дореволюционного издания, а сотрудники ленинградской версии журнала выступали за революционное обновление, уделяя много внимания идеям коммунизма. Редакция интересовалась новейшими научными идеями, нашедшими отражение в зоопсихологии, футурологии, космобиологии, киноведении и т. д. Помимо научно-популярных статей, журнал «Вокруг света» включал обширный блок литературных произведений, написанных преимущественно в жанре научной фантастики. 1920-е гг. были временем расцвета научно-фантастической

литературы (А. Толстой, А. Беляев, В. Орловский, Е. Замятин и пр.), которая позволяла заглянуть в будущее, основываясь как на реальных достижениях, так и на воображаемых перспективах науки и техники [см. Брандис, 1959, с. 4].

Анализируя материалы журнала, следует иметь в виду, что их публикация определялась не только целью издания – популяризация научных открытий и знаний, но и политико-идеологическими факторами, среди которых важнейшую роль играла цензура. Она была направлена на контроль и запрет информации, порочащей социализм, способствовала сакрализации идеи коммунизма и приближению ее к категории мифа.

В научной литературе образ будущего определяется как коллективное представление о будущем, свойственное определенным социальным группам, воображаемая картина, в которой схвачены и запечатлены в своей целостности ожидания социума [Желтикова, 2021, с. 15–16]. Для раннесоветского общества характерно многообразие представлений о будущем, которые зависели от взглядов людей, принадлежащих к различным социальным группам. Важным фактором влияния на умонастроения была активность и действенность пропагандистского аппарата, нацеленного на формирование коммунистической перспективы в сознании масс. Кроме того, определенные ожидания были связаны с научными прогнозами и уровнем научно-технического развития общества. Не все они получили отражение на страницах журнала. С учетом его специфики мы имеем возможность изучить прежде всего научно- и идеологически-ориентированные картины будущего.

И научный, и идеологический образы будущего характеризуются дуализмом. Так, научный метаобраз будущего включает представления о будущем планеты Земля как пространства, полностью подконтрольного человеку. Планете людей противопоставляется обожествленная Вселенная. Будущее человечества связывалось с покорением космоса и колонизацией других планет солнечной системы (в частности, Венеры и Марса).

Идеологические образы будущего подразделяются на капиталистическую антиутопию и коммунистическую утопию. Капиталистическая антиутопия – это близкое будущее, которое ожидает страны, не вставшие на путь социального прогресса (социализма). Для нее обычные ожидания войны. Будущая война будет непохожа на Первую мировую войну. На линии фронта главным оружием станут танки и авиация. Человечество будет использовать технологии по управлению погодой. Поддержка фронта обеспечивается по специальным тоннелям и траншеям. Появится морская авиация. Главной особенно-

стью будущей войны станет угроза тылу. Химическое оружие и постоянные бомбардировки приведут к новым градостроительным решениям. Так, автором под псевдонимом Л. Д. был предложен проект города-бункера [см. Л. Д., 1927, с. 23–25].

Другим распространенным образом капиталистической антиутопии стал город-небоскреб, где все построено на неравенстве и контрасте. В нем нет природы, это «каменные джунгли». Основой образа города-небоскреба послужили деловые районы Америки. Именно такой предстает антиутопия в рассказах «Город далекого будущего», «Стальной замок» и пр. [см. Мак, 1927; П. Н. Г., 1928, с. 1–3].

Коммунистическая утопия содержит образы близкого (социалистического общества) и отдаленного будущего (коммунизма). Исследователи отмечают, что 1920-е гг. особо богаты на футуристическое творчество [Желтикова, 2020; Паниотова, 2021]. Но наиболее влиятельные концепции будущего содержались в трудах идеологов революции. К ним можно отнести ленинское учение о диктатуре пролетариата как переходной форме к всенародному государству; теорию организационного коллективизма А. Богданова, машинный мир А. Гастева, крестьянский Эдем А. Чаянова. [см. Паниотова, 2021, с. 104–111].

В. Ленин и А. Богданов осмысливают будущее с точки зрения марксистской теории. Социализм рассматривается как первая стадия коммунистического общества. Главное ее отличие – сохранение пережитков капитализма, в том числе частной собственности и неравенства. Ленин выделяет такие черты социалистического общества как отмену частной собственности, реализацию принципа работы «от каждого по способностям – каждому по труду», отмирание государства как института [Ленин, 1953, с. 86]. Общественное устройство, описанное Лениным, дополняется философскими взглядами А. Богданова, который описывает преимущественно техническую и социальную стороны общества будущего. Для Богданова социализм – это власть общества над природой на основе научно-технического прогресса, исчезновение всех институтов права и принуждения [Богданов, 1990, с. 92, 94]. Общество стремится к универсальности. Человек будущего – инженер, управляющий машинами [Там же, с. 38–40]. Общественный строй будущего – коллективизм на основе научной организации [Там же, с. 93]. Центром общественных отношений является производство. Свой идеи А. Богданов художественно отразил в романах «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», в которых показал жизнь коммунистического общества на Марсе.

Основные разногласия между В. Лениным и А. Богдановым касались путей достижения социализма. Вслед за К. Марксом и Ф. Эн-

гельсом В. Ленин полагал, что построение социализма происходит в условиях классовой борьбы. Этот тезис был положен в основу «научного коммунизма» – квазинаучной дисциплины, составной части ортодоксального марксизма-ленинизма [см. Адоратский, 1923]. Богданов же полагал, что ведущей силой общественного развития является не классовая борьба, а развитие науки и технологий [Богданов, 1990]. За это В. Ленин упрекал А. Богданова в утопизме.

Еще одна концепция будущего в 1920-е гг. была предложена А. Гастевым. Идеалом для него становится модель машинного мира. А. Гастев не был теоретиком и поэтому детальных картин социалистического будущего не оставил. Его идеи получили отражение в сборнике «Поэзия рабочего удара» [см. Паниотова, 2021, с. 104–111]. Работы А. Гастева связаны с популяризацией движения НОТ и деятельностью Центрального института труда (ЦИТ), который стал первым учреждением, разрабатывавшим проблемы подготовки квалифицированных рабочих на экспериментальной основе. Его базами были лаборатории и «трудовая клиника» ЦИТа, опытные станции («оргастанции»), учебно-установочные цехи на предприятиях [Бобова, 2012, с. 135].

Наиболее неординарной является модель будущего по сценарию крестьянского Эдема А. Чаянова. Крестьянская утопия была представлена А. Чаяновым в романе «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» [Чаянов, 1981]. Утопия для А. Чаянова подпитывается не только идеями марксистов, но и взглядами Н. Михайловского. Для Чаянова идеальным и наиболее вероятным будущим является ретроутопия на основе крестьянской самобытности и культуры (от ватрушек до икон) в сочетании с прогрессом и решением актуальных проблем 1920-х гг. (экология и управление погодой). Идеальным пространством утопии для Чаянова является безграничный агрогород с центром в Москве, где и разворачивается действие романа. При этом все население давно переместилось в деревню [Тимофеев, 2021].

В крестьянской утопии А. Чаянова общественные отношения упрощаются, а усложняются. Сам идеал интерпретируется в виде сочетания индивидуальности и коллективизма. Идея массового машинного производства сочетается с возделыванием каждого колоска. Революционная память сосуществует с христианской верой. Крестьяне сочетают черты крепостных и помещиков. Структура политического управления зависит от региона. В некоторых видах производства сохраняется конкуренция. Культура сочетает в себе черты всех направлений (от античности до неореализма).

Интересно, что Чаянов по-своему интерпретирует идею всенародного государства. По его версии, после победы мировой революции идиллия длилась недолго. Земной шар был поделен на несколько зон влияния, при этом в России была провозглашена крестьянская республика под управлением творческой интеллигенции [Чаянов, 1981, с. 46–49]. В то же время в остальном мире назревала война с Германией, а сам он находился в шаге от антиутопии. Таким образом, крестьянская ретроутопия А. Чаянова носила региональный характер.

Научные концепции послужили основой для образов коммунистического будущего, представленных на страницах журнала «Вокруг света», но лишь опосредованно. Крестьянская утопия А. Чаянова не нашла поддержки в среде ленинградской интеллигенции, однако идея дезурбанизации была весьма популярна до 1928 г. Взгляды А. Гастева также не были привлекательными, так как редакция видела читателя свободным творцом, а не подобием машины. Идеи же марксизма-ленинизма оказывали косвенное влияние, так как вопросы политического и экономического устройства в журнале обычно не рассматривались.

Наиболее часто встречаются вариации на тему идей А. Богданова, в наибольшей степени приближенных к построениям советского сциентизма. Наиболее близкие Богданову идеи изложены в рассказе «Электрополис» О. Ганштейна, опубликованном в 1929 г. По сюжету, немецкого инженера приглашают в Австралию, где строится Электрополис – город будущего. Владельцем Электрополиса оказывается родной дядя героя. Вместе они пытаются построить город, но власти Англии и Австралии стремятся помешать инженерам. В результате катастрофы дядя погибает и завещает своему племяннику довести дело до конца. Электрополис должен принадлежать тем, «кто будет работать над дальнейшим совершенствованием его». Другое условие – все чудесные машины Электрополиса должны служить только его защите, но не нападению [Ганштейн, 1929, с. 3]. Будущее Электрополиса – это технократия, жизнь которой проходит в пространстве города-сада, в центре которого располагается фабрика, работающая на экологических источниках энергии. Автор не описывает сам Электрополис, читатель видит лишь фабрику будущего, где все механизировано. Место человека на фабрике – за пультом управления, откуда он может управлять всем городом, в том числе и погодой (рис. 1).

Авторские вариации социалистического общества встречались и в научно-популярных очерках. С 1927 по 1928 г. в журнале был опубликован цикл футурологических очерков М. Ильина (псевдоним И. Я. Маршака). И. Маршак являлся не только братом известного поэта С. Маршака, но и физиком, писателем, популяризатором науки.

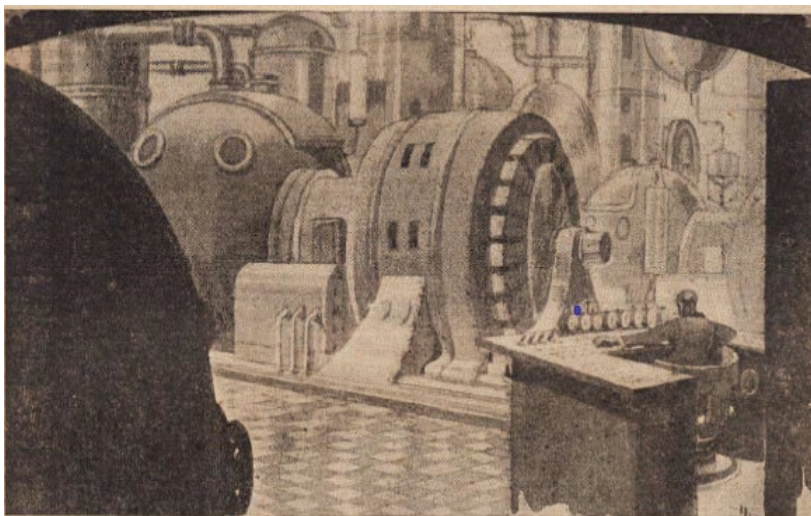

Рис 1. Фабрика Электрополиса. Илл. Н. Кочергина. Источник: Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений и приключений. 1929. № 27. С. 1.

Еще один вариант социалистического идеала был предложен неким В. Д. в очерке «В 2000 году» [В. Д., 1928, с. 17–20]. Интересно, что и М. Ильин, и В. Д. были едины в выборе даты: оба описывают 2000 год. Рассмотрим каждый из образов более детально.

Вслед за А. Богдановым и авторами технократических утопий М. Ильин рисует образ будущего, опираясь на научные прогнозы. При этом М. Ильин критикует предсказания романистов-утопистов, в частности, В. Одоевского и его роман «4338-й год: Петербургские письма» [Ильин, 1927, с. 25].

Предлагаемый М. Ильиным сценарий можно охарактеризовать как дезурбанизационный. Деление на город и деревню было ликвидировано. Мир социализма – это город-сад, созданный в результате транспортной революции. Развитие автомобильного транспорта привело к превращению отдельных городов в агломерации, развитию маятниковой миграции и, как итог, – расселению человека далеко за пределами условного города на берегах рек и озер. Но идеальным транспортом в обществе будущего стал не автомобиль и не самолет, а не зависящий от дороги «вездеход», в котором сочетались различные технологии (танк, подлодка, лодка, самолет), разработанные по аналогии с двигательным аппаратом животного. Внешне вездеход походил на гигантского жука, стрекозу (рис. 2).

Рис 2. Вездеход. Источник: Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений и приключений. 1928. № 31. С. 21.

С появлением вездехода изменился облик условного города: «Это не город. Улиц нет. Не видно ни рельс, ни дорог» [Ильин, 1928, с. 21]. Вместе с дорогами исчезнут мосты и тоннели – изменится облик Земли в целом. «Земля снова зазеленела. Там, где раньше густой дым заволакивал небо, где гремели над головой вагоны подвесной дороги, где пылали огни раскаленных заводских печей – теперь в двухтысячном году – снова цветы и луга, как в те времена, когда человечество было еще молодо» [Там же]. Картину довершает описание облика Земного шара из другого очерка. «Во всех частях света – огромные парки, вроде Йеллоустоунского в Америке» [Ильин, 1927, с. 28].

Вездеход изменит и досуг человека. Привычным станет путешествие в свободное от работы время «на берега Амазонки или склоны Алтайских гор» [Там же, с. 28]. Человек станет полноправным хозяином Земли. Идея зеленого мира в условиях технического прогресса, с одной стороны, согласуется с глобальными экологическими проблемами, накопившимися к 1920-м гг., а с другой – с классовой борьбой и межформационным военным временем (апокалиптическая картина). По Ильину, прогресс связан с освобождением человека от природы, минимизацией человеческого присутствия на Земле.

Экологическую проблематику продолжает образ фабрики будущего. Это бесшумное, механизированное, безотходное и экологичное производство. Отсутствуют фабричные трубы. В фабрике большие окна, обеспечивающие полноценное освещение [см. Ильин, 1927,

вообразить. Писать
сказывать легко,
не всякое предсказание
сбывается.

Все это, разумеется, верно.
Но есть предсказания, которые
сбываются непременно.

Жюль Верн безошибочно предсказал
подводный корабль. Это ему удалось тогда
потому, что уже в его время делались первые
попытки построить подводную лодку.

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» появился
в 1870 году. А за семь лет до этого подводные лодки
применялись в Америке, в войне севера против юга.

Правда, лодки эти были очень несовершенны. После
каждого раз, когда их пускали в ход, они тонули вместе
со всем экипажем. Одну лодку поднимали со дна

с. 28]. Автор описывает и процесс управления фабрикой. Руководитель через систему «дальновидения» наблюдает за подчиненными. В основе труда лежит научная организация (НОТ) по системе Джильберта. Рабочий день на фабрике длится шесть часов [Там же, с. 27–28].

Ильин уделяет внимание и описанию человека будущего – это универсальный рабочий, который посменно работает и на фабрике, и на земле. Так как всю тяжелую физическую работу выполняют машины, человек должен активно заниматься спортом, чтобы не допустить физического вырождения [Там же, с. 27].

Главное расхождение с классическими представлениями о социализме выражается в представлениях о жилье. Возможно, под влиянием новой экономической политики понимание социалистического идеала трансформировалось. М. Ильин говорит, что после 6-часового рабочего дня рабочие отправляются в свой дом [Там же, с. 28]. При этом ни о какой коллективности вне производства речи не идет.

Таким образом, М. Ильин акцентирует внимание не столько на общественной организации, сколько на науке будущего и его пространственном аспекте. Именно наука и новые технологии приведут к построению нового социалистического мира. В нем человек является хозяином, при этом его влияние, благодаря наукоемким технологиям, сводится к минимуму. Центром общественной организации является фабрика, но ценность приобретает и время, проведенное вне фабрики, то есть активный досуг.

Другой вариант социалистического мира предложен в очерке В. Д. «В 2000 году». К сожалению, пока не удалось определить, кто скрывается за данными инициалами. Отправной точкой представлений В. Д. служит не столько наука, сколько реальные архитектурные проекты того времени, в частности, план жилого дома-коммуны по проекту германских архитекторов.

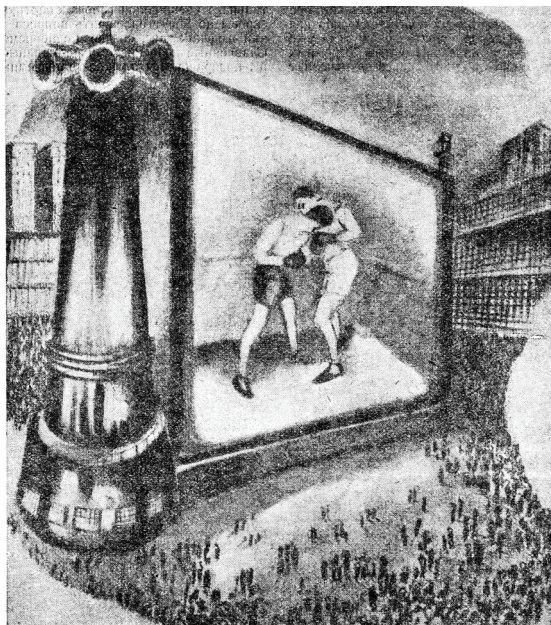
Сценарий 2000 года, предложенный В. Д., отличается от описаний М. Ильина. В. Д. представляет город, в котором проживает несколько сотен тысяч человек. Он окружен жилыми пригородами и деревнями [В. Д., 1928, с. 18]. Большинство транспортных коммуникаций располагаются под землей. В противовес М. Ильину, город будущего В. Д. «изрезан тоннелями и дорогами» [Там же, с. 19]. Транспорт будущего являются автомобиль и метро. В отличие от М. Ильина, автор не придает транспорту градообразующего значения. Транспорт лишь иллюстрирует экологичность и бесшумность коммуникаций будущего.

Город В. Д. – индустриальный, основу его экономики составляет высокотехнологичная фабрика. Как и М. Ильин, В. Д. считает инженера человеком будущего. Тяжелую фабричную работу выполняют машины. Они работают от электричества, получаемого из возобнов-

ляемых источников энергии. Производство фабрики является безотходным.

Естественная природа в версии будущего В. Д. заменена зелеными насаждениями (парки, скверы и пр.). В парках обустроены спортивные площадки, бассейны [Там же, с. 18]. Природа сочетается с архитектурой небоскребов, выполненных в стиле конструктивизма. На крышах таких зданий обустроены спортивные площадки, площадки для водных процедур и принятия солнечных ванн [Там же].

В. Д. также описывает систему коммуникаций общества будущего, основу которой составляет воздушная почта, совмещенная с пневмопочтой и громкоговорителями [Там же, с. 19]. Автор описывает также «дальновидение», благодаря которому распространяется информация о жизни общества в разных уголках Земного шара [Там же, с. 20] (рис. 3).

Все мировые события будут передаваться в города с помощью аппаратов дальновидения и громкоговорения

Рис 3. Дальновидение. Источник: Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений и приключений. 1928. № 36. С. 17–20.

Интересно то, как автор описывает квартиру будущего. Она находится в жилом небоскребе, всю домашнюю работу выполняют ма-

шины. В комнатах стоят маленькие аппараты дальновидения [В. Д., 1928, с. 20].

Таковы картины ближайшего будущего эпохи социализма. Помимо социалистического идеала, в марксизме была заявлена идея коммунизма как высшей стадии развития общества. Если социалистический идеал достаточно прочно опирался на теоретическо-идеологические установки, то с описанием коммунизма были проблемы. Теоретики марксизма обходили данный вопрос стороной. В работе «Государство и революция» В. Ленин так описал черты коммунизма: исчезновение противоположности умственного и физического труда; реализация принципа «каждый по способностям, каждому по потребностям»; а также достижение равенства. Но эти тезисы носили декларативный характер. А. Богданов описывает коммунизм в утопиях «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», но только низшую его стадию.

В журнале «Вокруг света» картины общества далекого будущего опосредованно служат для раскрытия смысловой нагрузки произведения. Так, научная фантазия Д. Остена «Конец земли» – это предупреждение о последствиях использования приливных гидроэлектростанций. По контрасту с человеческой трагедией Д. Остен описывает эру процветания, которая наступила через 10–11 млн лет существования человечества. Ученый представляет общество будущего так: «все инстинкты людей получили полное удовлетворение, науке удалось продлить жизнь человека до 3 тыс. лет... Человек растопил льды и оросил пустыни» [Остен, 1927, с. 23]. Человек изменился: у него исчезли зубы, он перестал чувствовать боль. Искусство достигло небывалой высоты и процветания [Там же]. Но все это было разрушено, так как человек затеял игру с силами гравитации. После эры небывалого процветания человечества началась эпоха гибели Земли. Луна разрушила Землю. Людей спасла лишь колонизация Венеры [См.: там же, с. 24].

В контексте описания высшей стадии коммунистического общества наиболее интересным кажется фантастический рассказ С. Кленча «Из глубины вселенной». Сюжет рассказа связан с инопланетянами. В 1936 г. в Подмоскowie приземляется инопланетный корабль, на котором находятся 50-метровые пришельцы с Альфы Центавра. От них человечество узнает, как устроено коммунистическое общество. Центавры не имеют городов и живут в домах, окутанных синеватой растительностью. Наука центавров совершенна. Благодаря культурному развитию они обрели бессмертие. В описании дома центавров узнается измененный город-сад. Общество центавров является сциентистским.

Долгое время центавры учат людей, рассказывают о тайнах космоса, а затем улетают в глубины Вселенной [Кленч, 1929, с. 4–5]. Да-

лекая звезда, где процветает раса центавров, подчеркивает беспомощность человека перед бесконечностью космического пространства и чувство одиночества.

* * *

Высшая стадия коммунистического общества в журнальных образах представлена крайне схематично. В рассказах «Конец Земли», «Из глубины вселенной» не показано общественное устройство. Общество далекого будущего виделось через достижения технического и научного прогресса, в том числе межпланетное сообщение, относительное бессмертие, решение экологических проблем, ликвидацию полюсов недоступности, внеземные контакты.

Таким образом, журнал «Вокруг света» является важным источником для изучения образов будущего, характерных для советского общества второй половины 1920-х гг. Социалистический идеал осмысливался системно в рамках вполне реалистичных проектов будущего. При этом в силу специфики журнала на первый план выходил научный аспект будущего. Наиболее востребованными у авторов журнала были идеи А. Богданова. Социализм связывался в первую очередь с образом фабрики будущего и города-сада. Но некоторые идеи классика были переработаны. Например, идея города-сада была переосмыслена М. Ильиным в образах «зеленого мира».

Что же касается высшей стадии коммунистического общества, или коммунизма, то он представлен крайне схематично. Вопреки теории, коммунизм воспринимался не как радикально новый строй, а в контексте цивилизации модерна. Читатель видит лишь научные достижения цивилизации будущего. При этом аспект общественных отношений не рассматривался. Очевидно, что редакцию и читателя гораздо меньше интересовало далекое будущее по сравнению с ближайшим, в котором будет жить поколение детей и внуков тех, кто делал революцию и боролся за советскую власть. Обоснование научной и технологической стороны социализма придавало последнему фактурность, реальность и осязаемость. Социализм олицетворял советскую мечту.

Адоратский В. Научный коммунизм Карла Маркса. М.: Красная новь, 1923.

Бобова К. Н. Влияние идей А. К. Гастева на развитие российской школы НОТ // Экономика. Общество. Человек : сб. науч. работ. Вып. XVIII. Белгород: Белгос. технолог. ун-т им. В. Г. Шухова, 2012. С. 134–141. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22024693> (дата обращения: 17.10.2023).

Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет / под ред. Л. И. Абалкина, Г. Д. Гловели, В. К. Пармёнова, Н. К. Фигуровской. М.: Политиздат, 1990.

Брандис Е., Дмитриевский В. Мир будущего в научной фантастике. М.: Изд-во «Знание», 1965.

Брандис Е. П. Советский научно-фантастический роман. Л.: Общ-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР. Ленингр. отд., 1959.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970.

В. Д. В 2000 году // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1928. № 36. С. 17–20.

Ганштейн О. Электрополис // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1929. № 27. С. 1–4.

Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство, 2007.

Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. С. 15–32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302 (дата обращения: 24.06.2024).

Желтикова И. В. Образ будущего. Орел: Изд-во «Картуш», 2021.

Желтикова И. В. Образы будущего протяженностью в 200 лет: возможное и действительное российского будущего. Ч. 2 // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2 (87). С. 12–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44414687> (дата обращения: 01.06.2024).

Ильин М. Вездеход // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1928. № 31. С. 17–21.

Ильин М. Транспорт будущего // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1927. № 24. С. 22–24.

Ильин М. Фабрика будущего // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1927. № 17. С. 25–28.

Кленч С. Из глубины вселенной // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1929. № 39. С. 1–5.

Л. Д. Газовая война и будущее города // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1927. № 12. С. 23–25.

Ленин В. И. Государство и революция. Л.: Гос. полит. изд-во, 1953.

Мак. Город далекого будущего // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1927. № 10. С. 23–25.

Остен Д. Конец земли // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1927. № 8. С. 23–25.

Паниотова Т. С. Будущее России в утопическом дискурсе 20-х гг. XX века // Образ будущего : материалы междунар. науч.-практ. конф. Орел: Изд-во «Картуш», 2021. С. 104–111.

П. Н. Г. Стальной замок // Вокруг света: журнал путешествий, открытий, изобретений, приключений. 1928. № 1. С. 11–15.

Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. В 2-х ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Тимофеев М. Предчувствие утопии: репрезентации города будущего в повести А. В. Чайнова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) и в газетном романе Вл. Федорова «Чудо грешного Питирима» (1925) // Новое литературное обозрение. 2021. № 1(167). С. 36–48. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23134/ (дата обращения: 10.07.2024).

Чаянов А. Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Нью-Йорк: Серебряный век, 1981.

ТРАНСФОРМАЦИЯ САДОВОГО ПРОСТРАНСТВА «МАЛОЙ» И «БОЛЬШОЙ» РЯЗАНОВСКИХ УСАДЕБ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА С СЕРЕДИНЫ XIX в.

В данной статье предлагается историко-культурный анализ садового пространства «малой» и «большой» усадеб Рязанова в период с середины XIX в. по настоящее время в контексте проблемы сохранения культурного наследия дореволюционной России. Выявлены основные причины и этапы трансформации указанных памятников, дана характеристика изменений их состояния с точки зрения практического использования и исторической ценности. Особое внимание уделяется аспектам садово-паркового ландшафта территории, впервые предпринимается попытка его анализа в процессе трансформации.

Ключевые слова: усадьба, культурное наследие, Екатеринбург, исторический памятник.

В современной России в последние годы обострилась проблема сохранения культурного наследия. В особенности это касается разного рода объектов, появившихся до 1917 г. Часть их была утрачена еще в советский период. Причинами этого являлись активная борьба с религией в 1920–1930-е гг., неправильная эксплуатация или ремонт помещений, отсутствие должного ухода за территорией. В настоящее время исторические памятники находятся в аварийном состоянии или утрачивают свою историческую ценность в основном из-за бюрократических сложностей в порядке их владения и использования, а также отсутствия финансовых средств у хозяев или местных властей на реставрацию. Данная проблема особенно актуальна для г. Екатеринбурга, одного из крупнейших центров современной России, в котором сосредоточено большое количество объектов культурного наследия страны.

Одним из важнейших вопросов, связанных с угрозой исчезновения исторических памятников, является судьба екатеринбургских дореволюционных парков и кладбищ. К такого рода территориям относятся участки, прилегающие к улице Куйбышева – так называемые «большая» и «малая» усадьбы Рязанова. Хотя на сегодняшний день застройка или иная форма уничтожения подобных территорий вызывает общественный резонанс, при советской власти практика застраивания кладбищ, хозяйственных участков и других подобных территорий была достаточно широко распространена.

© Михайлов А. П., 2024

Одной из основных проблем при проведении исследований таких культурно-исторических объектов является небольшая база исторических источников. Упоминания о рязановских садах можно найти в работах Л. А. Козинец и С. С. Агеева, а также в городских путеводителях и газетных статьях. Однако в целом информация о данной территории представлена недостаточно. Таким образом, представляется важным проведение углубленного анализа трансформации садового пространства усадеб Рязанова с целью обоснования его культурно-исторической ценности.

История Екатеринбурга неразрывно связана с родом Рязановых. В XIX в. представители рода имели высокий авторитет среди горожан. Они неоднократно избирались градоначальниками, занимались торговлей, салотопным промыслом, а в дальнейшем – и разработкой золотых приисков [Агеев, Микитюк, 1998, с. 42, 45, 65–68]. Также Рязановы имели авторитет и среди старообрядцев. Все это позволило им лоббировать постройку молельного дома, ныне являющегося Свято-Троицким кафедральным собором, а также заложить в 1815 г. будущую «большую» усадьбу [Там же]. В настоящее время основное здание усадебного комплекса можно увидеть на улице Куйбышева, 40. В 1818 г. первый этаж дома, спроектированный уральским архитектором М. П. Малаховым, был достроен. Первым его строителем и владельцем был Терентий Рязанов, а впоследствии, когда усадьба перешла его сыну Аникию, в 1853 г. она была перестроена: был добавлен второй этаж, появились портик и колоннада – усадьба начала приобретать современный вид [Козинец, 1989, с. 100].

Еще до начала работ Аникий Терентьевич подал прошение городским властям «...о проекте устройства при своем доме каменной оранжереи и пристроя к каменному дому по проектам архитектора Турского» [ГАСО, ф. 35, оп. 1, д. 2392, л. 296]. С этого момента можно отсчитывать историю возникновения сада «большой» усадьбы Рязановых. К 1860-м гг. территория усадьбы полностью сформировалась. Ее площадь составила 4 320 кв. саженей¹. Она располагалась вдоль Сибирского проспекта (нынешняя улица Куйбышева) и тянулась до реки Исеть. На территории были размещены конюшни, три флигеля, многочисленные службы, оранжерея и сад [Козинец, 1989, с. 100].

В 1830–1840-х гг. во владение рода перешел дом, на данный момент расположенный на улице Куйбышева, 63, – так называемая «малая усадьба Рязанова». В планировке двора позади дома были размещены конюшни, сараи и другие службы, соединенные крытыми переходами и навесами в единый комплекс. Располагался на этом участке и небольшой сад. За счет протекавшей через территорию

¹ Около 20 тыс. кв. м.

усадебной реки Малаховки (в 60–70 гг. XX в. она была закопана) удалось создать искусственное озеро. Вокруг обоих садов была возведена массивная каменная ограда со вставками из металлической решетки, что исключало возможность для посторонних просматривать внутреннюю территорию [Там же, с. 103].

Каких-либо фотографий сада или двора как «малой», так и «большой» усадеб не сохранились. Также неясно, какие растения находились на этой территории. Однако, основываясь на плане города Екатеринбурга, составленного французскими топографами Аллори и Бержье в 1856 г., можно назвать приблизительное количество деревьев, там произраставших [ГАСО, ф. 59, оп. 4, д. 4820]. Исходя из плана, можно насчитать около 111 деревьев на территории «большой усадьбы» и около 35 – «малой» (рис. 1).

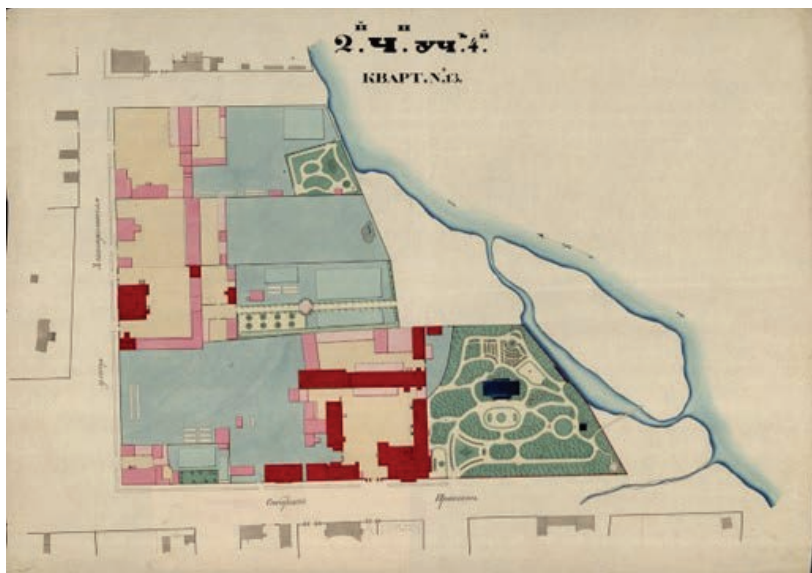

Рис 1. План города Алори и Бержье 1856 г. с изображением «большой» рязановской усадьбы [ГАСО, ф. 59, оп. 4, д. 4820].

Сведения о рельефе сада при усадьбе, расположенной по адресу Куйбышева, 40 имеются также в труде Л. А. Козинец, где автор описывает его как «имеющий черты, свойственные садово-парковому искусству классицизма первой половины XIX в., характеризующимся умелым использованием естественных форм рельефа, имеющего плавное понижение в сторону реки и основанном на подражании

природе...» [Козинец, 1989, с. 101]. Сад при «большой усадьбе» можно сравнить с аналогичной территорией при усадьбе Харитоновых-Рас-торгуевых. Каждый из них выполнен в стиле английского сада и включает в себя водные объекты. Согласно плану Алори и Бержье, эти два приусадебных участка являлись наиболее крупными в Екатеринбурге с 50–60-х гг. XIX в. и до начала XX в. Так или иначе, сад при «большой усадьбе» Рязанова был ярким представителем английского стиля в Екатеринбурге.

После революции 1917 г. с садовыми участками при обеих усадьбах происходят большие изменения. Хотя сведения об этом периоде достаточно отрывочны, мы можем установить основные события. Согласно С. С. Агееву и В. П. Микитюку, после Гражданской войны территорию сада начали использовать в качестве городской свалки [Агеев, Микитюк, 1998, с. 54]. По данным газеты «Свердловский рабочий», летом 1926 г. там состоялось открытие «Сада текстильщиков» [Вопилов, 1926], впоследствии менявшего название на «Сад Союза рабочей связи» (1929) и «Сад Промкооперации» (1938). Известно, что в здании самой усадьбы находилось общежитие рабочих ткацкой фабрики имени В. И. Ленина, при котором находился огород [ГАСО, ф. Р-97, оп. 1, д. 104].

Еще одним важным событием, повлиявшим на историю Рязановского сада, была прокладка в 1936 г. трамвайных путей по улице Куйбышева и строительство моста через реку Исеть [Козинец, 1989, с. 100]. В связи с этим территория сада оказалась на 1,5–2 м ниже уровня улицы. В последствии это привело к уничтожению каменной ограды и гибели часть древесных насаждений, располагавшихся рядом с ней. Подобные преобразования могли проводиться в связи с непризнанием парка значимым культурным объектом, а также из-за сложного рельефа местности, где для прокладки трамвайных путей требовалась достаточно высокая насыпь. Так или иначе, подобные преобразования окружающей среды привели к отграничению парка от окружающего пространства, затруднению доступа в него горожан, а также к уменьшению количества солнечного света, поступающего к растениям. Так же стоит отметить масштабные строительные работы по улице Куйбышева, которые не могли не отразиться на качестве почвы, и повлекли за собой гибель отдельных древесных растений и кустарников.

Об истории сада «большой» Рязановской усадьбы в послевоенные годы сохранилось достаточно мало сведений. Известно, что с 1960 по 1963 гг. на его территории располагался ДЮСШ «Спартаковец», а зимой 1963 г. там начали устанавливать канализационный коллектор. По завершении работ перепад высот между проезжей частью и территорией сада стал более плавным.

Сложно точно сказать, когда парк начал превращаться в пустырь, но ближе к 1990-м гг. он уже находился в плачевном состоянии. В период с 1990 по 2005 гг. началась активная застройка данного места. Сейчас здесь находятся здание бывшего ресторана «Харбин» и Екатеринбургская синагога. До лета 2021 г. на территории находилась и недостроенная гостиница «Дели».

Территория «малой» усадьбы в советские годы также пострадала. После Октябрьской революции сад зарос, а пруд был закопан. Вероятно, так получилось из-за перепланировки и перестройки хозяйственных помещений и самого жилого дома. Несмотря на это, части сада удалось сохранить до 1980–1990-х гг. [Там же, с. 102]. Однако впоследствии и они были утрачены. Сейчас данное место представляет из себя пустырь с частично сохранившейся каменной оградой.

Таким образом, крупные изменения в садах Рязановых, произошедшие с 20-х гг. XX в. до начала XXI в., связаны прежде всего со строительными работами, проходившими на данных территориях. В случае с садом при «большой» усадьбе преобразования были вызваны преимущественно политикой организации парков и других подобных пространств для рекреации населения. Так, согласно газете «Свердловский рабочий», к лету 1926 г. «в саду переоборудована сцена, построена площадка, буфет и кинобудка» [Вопилов, 1926]. Эти трансформации привели к росту посещаемости парка, что способствовало ускорению процесса уплотнения почвы. Совокупность всех перечисленных факторов привела к утрате древесных и кустарниковых форм, возраст которых к тому времени мог достигать 100 и более лет. К сожалению, провести подробный анализ древесной и кустарниковой растительности, произраставшей на указанной территории за весь период существования садов вследствие ограниченности источниковой базы сложно. Однако проведенное исследование ландшафта территории и исторических изменений, происходивших с ней, позволяет оценить значимость усадебной культуры для сохранения материального и духовного наследия нашей страны.

Агеев С. С. Микитюк В. П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург: УрО РАН, 1998.

Вопилов В. Открытие рабочего «Сада текстильщиков». Свердловский рабочий. 1926. № 45.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 35. Екатеринбургская городская полиция.

Ф. 59. Чертежная уральского горного управления.

Ф. Р-97. Свердловская льно-прядельно-ткацкая и шпательная фабрика им. В. И. Ленина народного комиссариата легкой промышленности.

Козинец Л. А. Каменная летопись города. Архитектура Екатеринбурга – Свердловска XVIII – начала XIX века. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1989.

ЖИЗНЬ В ПАМЯТНИКЕ ИСТОРИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ (НА ПРИМЕРЕ УСАДЬБЫ Т. М. РЯЗАНОВА)¹

В статье рассматривается состояние памятника федерального значения и проводится анализ объекта, позволяющий выявить триггерные точки, определяющие его место в городской среде. Из-за того, что город с момента возникновения не может сохранять свой первичный облик, его трансформация приводит к утрате многих прежних его «лиц», однако следы истории так или иначе остаются, распадаясь на отдельные объекты разных эпох. Одна из задач при выборе вектора городского развития – определить место архитектурного наследия в мегаполисе, находящемся в постоянном движении. Таким объектом является усадьба Т. М. Рязанова в г. Екатеринбурге, построенная в XIX в. и представляющая сегодня одновременно и жилое пространство, и объект культурного наследия. Двойственность ее положения становится основной проблемой, осмыслению которой посвящена данная статья. В качестве основного источника информации использованы интервью с представителями различных групп населения, взаимодействующих с этим местом.

Ключевые слова: городская среда, объект культурного наследия, усадьба Рязанова, интервью.

Одна из знаменитых фраз У. Черчилля, находящаяся в поле внимания урбанистов, гласит: «Сначала мы формируем здания, потом здания формируют нас». Это не просто слова: существует особое направление в теории архитектуры, которое называется нейроархитектурой. Так как мозг пластичен, а в результате воздействия с окружающей средой способен меняться, то архитектура играет ключевую роль в формировании современной личности – человека, проживающего в городе. Поэтому проблема выбора траектории развития города и роль архитектуры, как важной его составляющей, очень актуальны. Именно архитектура сохраняет следы истории, а горожанин считывает их и угадывает время, схваченное визуальными архитектурными формами из дерева, бетона или стекла.

Однако данная статья не ставит своей целью раскрыть связь между архитектурой и нейробиологией; здесь я хотела бы конкретизи-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты».

ровать тему и раскрыть ее на примере одного дома, расположенного в Екатеринбурге на ул. Куйбышева, 40 – усадьбы Т. М. Рязанова (рис. 1). Предполагается рассмотреть проблему взаимодействия человека и памятника истории, их связь и противоречия, сложность и особое значение этого пограничного состояния как с юридической, так и ментальной точки зрения.

Рис 1. Усадьба Т. М. Рязанова. Современный вид. Источник: Уралинформбюро.
URL: <https://www.uralinform.ru/news/society/354247-chast-usadby-ryazanova-v-ekaterinburge-mojet-byt-snesena/> (дата обращения: 06.08.2024).

Краткая история Усадьбы такова. Большая рязановская усадьба является примером архитектурного ансамбля эпохи классицизма. В 1815 г. Т. М. Рязанов начал возведение дома и уже на плане Екатеринбурга 1818 г. значатся главный дом и флигель. Позднее А. Т. Рязанов достроил второй этаж, построил каменную оранжерею, организовал сад. Полностью усадебный комплекс с каменным двухэтажным главным домом, флигелями, службами, оранжереей, двором и садом оформился к концу 1850-х гг. В строительстве и отделке усадебного дома принимал участие М. П. Малахов. Каменная оранжерея и пристрой к дому возведены по проектам архитектора К. Р. Турского в 1840-х гг. [Лукулянин, Никулина, 1998, с. 96].

В советское время Усадьба претерпела ряд трансформаций, преобразуясь последовательно в детский дом имени Красной армии, в стройконтору зерно-тракторного центра; с середины и до конца про-

шлого столетия она была приспособлена под коммунальные квартиры. Когда я увидела большой рязановский дом, мне стало интересно, кто же живет сегодня за воротами, погружившимися в землю (во время прокладки трамвайных путей по ул. Куйбышева скрылся почти весь первый этаж). Я познакомилась с командой «Усадьбы Рязанова», ее жителями, которые рассказали историю этого необычного места.

Итак, сейчас у меня есть два интервью с жителями дома, в которых он представлен по-разному. Во-первых, информанты относятся к разным поколениям, и не только срок пребывания в Усадьбе, но и исторический контекст, социальная обстановка сильно повлияли на то, каким видится им дом, что волнует, что они считают важным. Во-вторых, обе респондентки живут в разных частях Усадьбы, что тоже важно: часть дома, где живет одна из них, юридически вообще не относится к территории, признанной культурно-историческим памятником. Однако общий двор и общие воспоминания, то, как раньше были связаны все части строения, делают невозможным относить здания пристроя к «не-усадьбе».

Первая респондентка живет в доме с рождения и называет его не усадьбой, а именно домом или, что даже чаще, двором. Ее детство пришлось на послевоенные годы, она вспоминает чувство голода, отсутствие хорошей теплой одежды, сложности с санитарно-гигиеническим состоянием места. И все же несколько раз в ходе интервью она произносит: «как же мы были счастливы, как нам всегда было весело!», а потом рассказывает о многочисленных играх, вылазках на ближайшую территорию, которые всегда происходили в компании ребят из Усадьбы в пространстве двора или его окрестностях – бани с одной стороны (сейчас там находятся помпезные Сандуны), речки – с другой. Она живет в здании пристроя. Это здание не так износилось, и проблем, которые есть у главной части дома, не возникает. Внешне это строение довольно сильно отличается от главного здания – нет колонн и балконов, стены серого оттенка, что далеко от теплой охры главной части Усадьбы. Тем не менее, оно является важным элементом истории старинного дома.

Встречи взрослых за игрой в домино и музыка на аккордеоне, пока дети ставят свою версию «Тарзана», кидают мяч и воруют посаженую недалеко от дороги картошку или бегут к баням, где еще не остыл уголь. Это повседневная, запечатленная в памяти как по-настоящему счастливая жизнь в сложное послевоенное время и сейчас вызывает улыбку у жительницы дома. И все же, несмотря на чувство общности, по ее словам, разница между домами, объединенными общим двором, существовала. В середине прошлого века в «исторической» усадьбе какое-то время жила свердловская интеллигенция: артисты и служи-

тели драмтеатра, врачи и их дети. По воспоминаниям, некоторые дети не хотели играть с простыми ребятами из «пристроая». В то же время одно из ярких воспоминаний респондентки – это велосипед девочки Лилии из «господского дома», на которым она великодушно разрешала всем желающим прокатиться по одному кругу.

Также важно отметить, что, будучи ребенком, наш респондент и ее друзья (компания насчитывала примерно 15 человек) не интересовались историей дома. Были случаи, когда прошлое само неожиданно давало о себе знать. Так, однажды в ворота зашла незнакомка в зеленом пальто, которая сказала маленьким жителям, что приехала посмотреть на дом, где жила ее семья. Или, гуляя по двору, кто-то наталкивался на яму – это значит, искали рязановский клад. Сейчас респондентка бережно хранит фотографии с Усадьбой и ее друзьями детства, а еще вырезает статьи из газет, где фигурирует дом по ул. Куйбышева, 40. Усадьба в прямом и переносном смысле – фундамент ее жизни. На вопрос, каким ей видится наилучшее решение вопроса о дальнейшей судьбе Усадьбы, она выразила надежду, что это место останется ее домом.

Иная история у другой респондентки. Она поселилась здесь недавно, приобрела жилье целенаправленно и основательно взялась за изучение вопроса реконструкции, потому что многое в доме, конечно, оставляет желать лучшего. Жительница рассказывает, что проживала какое-то время в многоквартирном доме. Усадьба сразу привлекла ее внимание своей аутентичностью, а также удобным расположением по отношению к центру города. Несмотря на обветшалый вид, здание предстало перед ней как устойчивое, надежное и одновременно утонченное строение, в стенах которого заключена нетривиальная история. Идея «дворянского гнезда», «родового поместья», вопреки тому, что дом уже давно не принадлежит кровным родственникам Рязановых, так или иначе витает в воздухе Усадьбы, отмечает респондентка. Соединив все эти моменты, ей захотелось жить именно в Усадьбе, продолжить изучение истории дома и попытаться сохранить его. Здесь, как и в предыдущей истории, здание формирует своего жителя. Она работает вместе с участниками команды «Усадьба Рязанова», до этого проходила специальное обучение в «Школе наследия». Мне очень понравилось, что житель дома интересуется возможными вариантами развития пространства Усадьбы и поисками решения проблемы сохранения данного памятника. Она говорит так: «Усадьба – это в первую очередь дом, а то, что она является и культурно-исторической ценностью, придает ей значимость, а на нас налагает ответственность». Вопрос об ответственности любопытен и включает изучение прав, которые есть у жильцов, а также в целом юридическое положение дома.

Усадьба Рязанова является объектом культурного наследия федерального уровня и находится в ведении Министерства культуры РФ, осуществляющего контроль и надзор за ее сохранением, использованием и охраной. Усадьба имеет две формы собственности – муниципальную и частную, здесь и начинаются сложности. Так, жители не могут самостоятельно ремонтировать дом, в частности, его внешнюю часть, а государство, в свою очередь, тоже не стремится в ближайшее время проводить реставрационные работы. В данной ситуации проблему пытаются решить отдельные инициативные горожане. Если невозможны масштабные работы, то стоит попытаться небольшими действиями, не влекущими юридической ответственности, поддерживать хотя бы текущее состояние дома и попытаться популяризировать историю этого места. Так, в Усадьбе проводятся субботники, в ходе которых расчищается территория. Важным мероприятием можно считать организацию общественного огорода. На месте пустыря в теплое время можно увидеть небольшой, но очень красивый садик. Кто знает, может через некоторое время тут будет восстановлен большой сад, некогда заложенный первыми хозяевами. Помимо этого, здесь регулярно проводятся экскурсии, которые знакомят жителей города с Рязановыми и их родовым гнездом.

Вновь вспомним о двух жительницах Усадьбы и сделаем выводы. Каждая из них воспринимает это место не как абстрактное культурно-историческое явление, а как важную составную часть повседневной жизни. Воспоминания, связанные с домом и двором, не дают возможности представить Усадьбу как лот на аукционе. В то же время, для одной из них Усадьба – это память, а для другой – новые идеи и решения; кому-то важно передать воспоминания, а кому-то – не допустить физического уничтожения памятника. Это обусловлено возрастом жильцов и временем проживания в доме, а также личным опытом. Прошлое и будущее дома подчиняет себе настоящее, которое находится в подвешенном и неопределенном состоянии.

Респондентки соглашаются, что нельзя полностью отдавать памятник в частное пользование: ведь отнюдь не каждый житель видит в нем ценность. Отсутствие интереса к дому у самих жильцов – одна из ключевых проблем, а еще – недоверие к тем, кто пытается разобратся в ситуации с домом извне. С другой стороны – передавать здание исключительно в государственную собственность (что, с большей вероятностью, решит проблему контроля и физического износа пространства) – для жительниц является исключительно нежелательным вариантом, они любят это место, да и на протяжении своей истории Усадьба большую часть времени была именно домом.

Таким образом, главным преимуществом жизни в Усадьбе можно считать наличие по-настоящему богатой истории (отдельного изучения заслуживает история дома в советский период), воспоминаний, которыми делятся старые жители с новыми и, конечно же, увядающая, но несомненная красота колонн и других сохранившихся элементов декора. Основным недостатком является двойственное положение Усадьбы, создающее материальные и юридические проблемы. Усадьба требует общей реконструкции, которую жителям нельзя сделать самостоятельно. Выше было сказано о сложности вопроса изменения формы собственности, здесь требуется дальнейшая работа по поиску решения. И, конечно, по причине отсутствия должного интереса как у многих жильцов, так и горожан необходимы дальнейшие усилия для привлечения внимания к дому, созданному известным архитектором для знатной семьи г. Екатеринбурга.

Так или иначе, мне хотелось бы показать, что проблему сохранения и дальнейшего развития памятника истории и культуры нужно решать, активно взаимодействуя с его обитателями. Это «человеческое» измерение поможет, как мне кажется, открыть новые возможности для изучения данной темы и внимательнее взглянуть на то, как здания формируют каждого из нас.

Лукиянин В., Никулина М. Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.

УДК 94(47).05

В. А. Коротин

ПЕТР I КАК РЕФОРМАТОР В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Статья посвящена изучению процесса формирования образа Петра I как реформатора в публичном дискурсе периода его правления. Акцент сделан на языковой инструментарий, с помощью которого авторы конструировали образ Петра-реформатора. Основными источниками для работы стали панегирические сочинения и торжественные проповеди, преамбулы к законодательным актам и историческое сочинение «Гистория Свейской войны». Рассмотрены риторические приемы, исторические персонажи и ситуации, с которыми сравнивался Петр-реформатор. Процесс формирования образа соотнесен с историческим контекстом петровской эпохи. На основе проанализированного материала сделаны выводы об особенностях сформированного к моменту смерти Петра образа, а также о его положении в рамках петровской идеологии.

Ключевые слова: Петр I, публичный дискурс, общественно-политическая мысль, царь-реформатор, панегирики, «Гистория Свейской войны», Феофан Прокопович, история понятий, законодательные акты.

В современной исторической науке особое место занимает проблематика формирования публичной сферы в Российском государстве, а также соотношение этого процесса с Западной Европой. Петровская эпоха является предварительным этапом, который дал толчок к развитию Российской общественной жизни, поэтому время правления Петра I стоит рассматривать скорее в контексте придворной публичности. Несмотря на большой интерес историков к петровской эпохе, проблема формирования образа Петра I в рамках обозначенной придворной публичности его периода остается одной из неизученных тем, когда панегиристы хоть и обращались к публике, главным

адресатом их выступлений был монарх. Вопросы идеологии петровского царствования затрагивались еще в работах дореволюционных [Богословский, 1902; Сыромятников, 1911, 1943] и советских историков [Павленко, 1964, 1973]. Большой вклад в изучение темы внесли представители московско-тартуской школы [Живов, Успенский, 1987; Лотман, Успенский, 1982; Успенский, 1976]. Главной чертой их исследований являлся семиотический подход, совмещающий в себе методы истории, филологии, литературоведения и культурологии. Семиотики отмечали, что петровская эпоха – один из ключевых периодов российской культуры из-за произошедшей в это время смены знаковой системы. Петровская эпоха дала новый набор «знаков» или «понятий», к которым можно апеллировать при конструировании образа правителя. Современные исследователи [Агеева, 1999; Анисимов, 2022], в том числе представители семиотического подхода [Живов, 1996; Кагарлицкий, 1999], в большей степени обратили внимание на проблему репрезентации власти в петровскую эпоху. Ближе всего теме нашей работы рассмотрела Е. А. Погосян в монографии «Петр I – архитектор российской истории» [Погосян, 2001]. В ней исследовательница изучила ряд аспектов формирования петровской идеологии на примере исторических сочинений, показав Петра как создателя своего образа.

Среди западных ученых можно отметить Н. В. Рязановского, который первым осветил вопрос формирования образа Петра I в общественной мысли с 1700 г. до 1984 г. [Riasanovsky, 1985], но петровскому периоду посвящена лишь малая часть монографии, что не позволило автору раскрыть влияние Петра на создание собственного образа. Частично этот пробел закрыли американские исследователи Р. Уортман [Уортман, 2002] и Э. Зицер [Зицер, 2008], однако образ Петра в публичной сфере не был главным предметом их исследований. Таким образом, несмотря на немалый интерес российских и зарубежных историков, комплексно проблема формирования образа Петра I остается не изученной.

Одной из ключевых характеристик, с которой ассоциируется петровская эпоха, является реформаторская деятельность монарха. В историографии закрепилась точка зрения, что Петр I был главным идеологом и практиком в преобразовании России [Баггер, 1985, с. 44–45; «Культура духа»..., 2022, с. 531–532], моментом поворота монарха к внутриполитическим делам принято считать 1712 г. [Буганов, 1989, с. 129; Павленко, 1973, с. 83–85]. Мы предполагаем, что подобное влияние должно было преобразовываться в понимание реформ как основной заслуги правителя, став причиной возникновения дискурса о Петре-реформаторе. Вследствие вышесказанного представляет интерес вопрос о развитии образа Петра I как царя-реформатора в период его правления.

Целью представленной статьи является реконструкция процесса формирования образа Петра I как реформатора в отечественном публичном дискурсе первой четверти XVIII в. Особенность статьи заключается в использовании нескольких комплексов исторических источников, которые можно отнести к категории «публичный дискурс»: панегирические сочинения и торжественные проповеди, исторические сочинения, преамбулы к законодательным актам. Следует отметить, что указанные источники носят официальный характер, их авторами являлись приближенные к монарху в формальном или неформальном отношении авторы или даже сам Петр. Методологической базой исследования служит концепция истории понятий, сформулированная в трудах К. Скиннера и Дж. Покока. Мы стремимся изучить политический язык, с помощью которого авторы конструировали Петра-реформатора, т. е. авторский языковой инструментарий и интенции в отношении образа правителя.

В начале XVIII в. образ Петра-реформатора практически не обсуждался. Исключением можно считать проповедь одного из ведущих панегиристов и священнослужителей петровской эпохи Стефана Яворского «Колесница торжественная» 1703 г. В проповеди были продемонстрированы авторские интенции по использованию римской истории как ориентира для России. Рим являлся образцом государственности, а новая столица Российского государства Санкт-Петербург – новым Римом, у коего должен был появиться свой Октавиан. Стефан Яворский в «Колеснице торжественной» напрямую называл Петра I «Российским Августом» [Стефан Яворский, 1805, с. 164] или «Августом государства Московского» [Там же, с. 167]. Эти сравнения скорее служат фундаментом для формирования инструментария образа Петра-реформатора, но не предоставляют содержательной характеристики.

В 1709 г. по случаю Полтавской битвы преподавателями Славяно-греко-латинской академии было написано сочинение «Политико-лепная апофеоси», описывающее поставленные к празднованию победы над шведами триумфальные врата. Из-за события, к которому был приурочен панегирик, большая часть содержания посвящена военным характеристикам Петра I. Авторы отмечают и важность гражданских дел в совокупности с военными:

«Что бо построены пограничные фортецы, что взятие неприятельские города, что толико воинских землею и морем припасов приуготовлено, что обновленна и совершенна гражданская, и военная политика, что с заморскими монархиями и политиками их коммуникация, что основанна и совершенна свободных художеств учения и употребления, токмо высокопарящаго ОРЛА в благоразумнейших и благоразсмотрен-

нейших замыслах своих Его Царского Пресветлаго Величества являет. Иже врожденным себе благоразумием гнездо свое российскую монархию крепкими фортецами» [Политиколепная апофеосис, 1709, с. 117–118].

«Труды» Петра I по реформированию России авторами характеризуются как «обновление» и «исправление»:

«Знаменает убо символ сие благоразумное Его Царского Пресветлаго Величества строение монархии своея ово обновлением политики гражданския и воинския, ово исправлением лишняя отсекающий, отъятая возвращающий, и яже прежде оскудеваху, якоже суть учения художества и прочия: вновь прибавляющий. Сия егда о благоразумии и благоразсмотрении монархам свойственным пишу. приходим ми на память еже написа политиконачалник аристотель в и князе» [Там же, с. 119–120].

Примечателен и заголовок, под которым идет указанное выше описание – «ОБНОВЛЯЕТ И ИСПРАВЛЯЕТ». Небольшое количество примеров, в которых Петра представляли как реформатора, объясняется тем, что в этот период панегиристов больше интересовали военные успехи. Это подтверждается тематикой панегириков этого периода [Феофан Прокопович, 1961; Панегирическая литература..., 1979].

Переход к полноценному конструированию образа Петра как реформатора происходит в середине 1710-х гг. Конструирование образа мы встречаем в «Объявлении к Уставу Воинскому» от 31 марта 1716 г., в котором подробно освещается процесс реформирования армии. Если следовать тексту, сначала российские войска «не точию с регулярными народы, но и с варварами (речь идет о турках. – *В. К.*), (и без стыда), что ни против кого стоять могли». Старый обычай ведения войны в России был «смеху достойной, и никакова добра из оного ожи(дать) невозможно». Но Петр I, учинив «великие прогрессы», преобразовал армию [Воскресенский, 1945, с. 52–53]. Тем самым в преамбуле формировалось понимание реформаторства Петра как перехода России в новое качество.

Тем же 1716 г. датируется проповедь наиболее приближенного к Петру панегириста и главного идеолога эпохи Феофана Прокоповича «Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», в которой автор сопоставил Петра и Августа как преобразователей своих государств:

«Август он римский император, яко превеликую о себе похвалу, умирая, проглагола: “Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю”. Нашему пресветлейшему монарсе тщета была бы, а не похвала сие приласити. Исповести бо воистинну подобает: деревянную он обрете Россию, а сотвори златую: тако оную и внешним и внутреним видом

украши, здании, крепостями, правилами, и правителями, и различных учений полезных добротой» [Феофан Прокопович, 1961, с. 45].

Феофан возвысил Петра по сравнению с Августом, придавая ему статус великого реформатора несмотря на то, что многие петровские реформы еще не были проведены. Панегирист поставил особый акцент на изначальном положении России – она была «древяной», но стала «златой» благодаря Петру I.

В 1717 г. был опубликован известный трактат «Рассуждение о причинах Свейской войны» дипломата П. П. Шафирова. В «Дедикации» наследнику Петру Петровичу Шафиров помимо прочего остановился на реформаторской деятельности Петра I. В качестве важного преобразования Шафиров указал создание флота, учреждение которого подобно чуду:

«На воде же кто слышал быти Российского государства единому караблю. Ныне же презрядной флот равняющейся, или еще и превосходящей неприятельской, аще не в числе, то однакож в препорции, красоте, и удобном хождении караблей военных. И хотя за чудо возможно было принять, ежели бы кто мог видеть единого из российского народа на море на караблях плавающего...» [Захаров, 2014, с. 177].

В конце Шафиров описал, что большой заслугой монарха является то, что он не оставил гражданские дела во время войны со Швецией:

«И хотя по присловию Латинскому, под звоном оружия права гражданские молчат, сиречь во время войны мало о гражданских разпорядках и правилах возможно попечения иметь, однакож его величество противно тому присловию, не оставил и в сию настоящую так долговременную и тяжкою войну, и в том попечения своего. Ибо ныне вновь учреждаемая коллегии ко управлению внутренних и внешних государственных дел, по образу и прикладу других политизованных или правильно распоряженных государств, тому доволной документ есть, и уповаем на Бога, что и то мудрым его величества управлением и прилежанием верных его рабов исполняющих повеление его к ползе всего государства, и ко облегчению верных его подданных, о которых милосердудя его величество сие и чинить изволит учредится, ибо его царское величество и сам высокою особою своею, не смотря на другие свои в воинских и политических и протчих делах многие труды, своею высокою особою по часту в том трудится» [Там же, с. 178].

Для Шафирова Петр как реформатор значим ввиду чрезвычайных условий, в которых проводились преобразования. Примечательно, что указанные фрагменты, судя по количеству правок, наиболее тщательно редактировались самим монархом, что демонстрирует важность образа реформатора для Петра [Там же, с. 177–178].

В 1717 г. Феофан в проповеди «Слово в неделю осмунадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося» вновь противопоставил допетровскую и петровскую Россию, отметив новое, «нынешнее состояние» России:

«Засвидетельствовал еси о политическом твоём искусстве толики-ми премудрыми советами, промыслами, законами. И что много глаголяти о сем! Довольно всякому (аще бы кто завистию и злобою слепствовал, ниже бо может кто не ведети сего прямым невежеством), довольно, глаголю, всякому сие рещи: зри на Россию, воспомяни прежнее и виждь нынешнее состояние. Что же, егда еще и в живой, яко же рех, школе сей политической, в многостранной peregrinacii вянущаго и вянущаго искусства навывати тщимся! То бо воистинну любомудрие: никогда же приобретенным вещей познанием довольтися, но большаго всегда света поисквати. О военных искусствах твоих что речем!» [Феофан Прокопович, 1961, с. 66].

По схожей линии с Феофаном действовал видный переводчик и проповедник Гавриил Бужинский. В «Слове в похвалу Санктпетербурга» Гавриил сопоставил Петра I и Константина Великого как основателей двух городов, которые претендуют на звание нового Рима:

«Провидел сие мудрый и великий в Християнех Константин, новый Рим при исходящих морских воздвигнувший и град оной своим именем нарекший. Сия предзрев и Российский обладатель, иже обретши сие все преждедеченныя пользы содержащее место, град сей в превеликую России создал помощь» [Гавриил, 1784, с. 22].

Таким образом, во второй половине 1710-х гг. в российском публичном дискурсе возникают представления о значимости реформаторской деятельности Петра. Важна, во-первых, сама постановка вопроса, во-вторых, то, как этот вопрос начинает осмысливаться. На примере панегириков особенно заметно, что Петра сразу награждают статусом реформатора подобного Августу и Константину, который своими преобразованиями придает России новое состояние. Авторы заостряют особое внимание на плачевном состоянии России в допетровскую эпоху.

В начале 1720-х гг. описанная выше риторика сохраняется. «Объявление к Морскому Уставу» от 13 января 1720 г. содержало в начале описание нереализованного стремления Алексея Михайловича к созданию флота, где оно противопоставляется чаяниям Петра:

«Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и прот. и пр. и пр. учиня Устав Воинской сухопутной, ныне, с помощью божиею, приступает к Морскому, которое також прежде сего начинаемо было, а именно, при блаженной и вечно достойной памяти

Е. В. государя отца нашего для мореплавания на Касписком море. Но тогда чего ради тому не исполнитца, и на нас сие бремя воля Вышняго правителя возложит изволила, оное оставляем, оставляем непостижимым судбам его. И понеже сие дело необходимо нужно есть государству, [по оной пословице, что всякой потентент, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет], того ради сей Воинской Морской Устав учинили» [Воскресенский, 1945, с. 74].

Тем самым законодатель продемонстрировал весомость своего вклада, так как благодаря его усилиям удалось воплотить в жизнь замысел Алексея Михайловича.

Еще одним примером для сравнения стал образец «христианских областей», следуя которому, как указывается, Петр проводил свои реформы. Эту тенденцию демонстрирует преамбула к Генеральному регламенту:

«Понеже Е. Ц. В., всемилостивейший наш государь, по высокохваленым примерам других христианских областей, милостивейшее намерение восприял, для исправления полезной юстиции и политики, для порядочного управления государственных своих дел, для справного определения и зчисления своих приходов, також чтоб по возможности охранять верных своих, а долго бывшее тяшкою войною оскуделых своих подданных, для содержания своей военной силы на водяном и сухом путех, для исправления комерцей, художеств и манифактур, також доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и для споможения и приращения рудокопных заводов и протчих государственных нужд, следующие к тому потребные и надлежащие Государственные Колегии учредить» [Там же, с. 413].

Здесь перечисляются практически все сферы деятельности государственного аппарата, которые, по словам Петра, должны быть «исправлены» по примеру европейских государств путем учреждения коллегий. Примечательно, что процесс конструирования образа Петра-реформатора фиксируется к середине 1710-х гг., в момент указанного ранее поворота Петра к внутренним российским делам.

Формирование образа правителя прослеживается и в «Истории Свейской войны» – главном историческом труде о петровской эпохе, созданном в правление монарха. Основной темой «Истории Свейской войны» стали события на полях Северной войны, в ней подробно описываются маневры и военные операции российских войск, в том числе под командованием монарха. Известно, что Петр I стремился отразить свою деятельность в гражданской сфере даже в «Истории» [Павленко, 1973, с. 87], причем данное обстоятельство было закреплено законодательными актами [Воскресенский, 1945, с. 115]. Самый об-

ширный отрывок о преобразованиях Петра в «Гистории» содержит описание событий 1699 г.:

«Того ж году исправлена друкарня в чистоте печати, и начали многия книги переводить и печатать инженерския, артиллерийския, механическия и протчих художеств, также и историческия и календари» [Гистория..., 2004, с. 200].

Далее в тексте перечислялись прочие мероприятия: отправка поданных на Запад для обучения, учреждение ордена апостола Андрея, введение европейского платья и т. д. После этого фрагмента встречаются менее подробные описания того, как Петр занимался гражданскими делами [Там же, с. 327, 365, 518]. Само упоминание реформаторской деятельности монарха в поденной записке представляется показательным моментом, являясь маркером осмысления важности преобразований, ведь подобные вставки выбивались из общего повествования «Гистории», сконцентрированной больше на военных событиях.

При изучении общественно-политической мысли особый интерес представляет изучение дефиниций, применяемых авторами при описании тех или иных событий. В отношении образа Петра I как царя-реформатора понятийный аппарат был сформулирован в основном в 1720-е гг. Гавриил Бужинский и еще один приближенный к Петру панегирист Феофилакт Лопатинский сравнивали монарха с архитектором и строителем [Там же, с. 262–263; Гавриил, 1784, с. 13–15, 23]. Кроме того, Феофилакт описывал Петра как домостроителя [Панегирическая литература..., 1979, с. 260]. Итоговое состояние России после преобразований Петра Феофан Прокопович называл «оздоровлением» [Феофан Прокопович, 1961, с. 43] и «исправлением» [Панегирическая литература..., 1979, с. 277]. Набор понятий позволяет более четко определить роль Петра I как реформатора – он не был демиургом и создателем России в прямом смысле этого слова, он скорее воскреситель и исправитель. Петр – архитектор, который по замыслу Бога с помощью реформ пересобрал Россию и придал ей состояние державы порядка Римской империи.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что отдельные элементы формирования образа Петра I как царя реформатора встречаются в 1700-е гг., однако полноценное конструирование образа началось во второй половине 1710-х гг. Объяснить такое позднее формирование образа можно несколькими факторами. Во-первых, Петр-реформатор мог быть просто не актуален до тех пор, пока на первом месте для монарха и панегиристов была война со Швецией. Во-вторых, во второй половине 1710-х гг. – первой половине 1720-х гг.

случился пик реформаторской активности Петра, поэтому возникла необходимость зафиксировать это стремление монарха. Несмотря на все сложности реализации замыслов Петра [Редин, 2007; Киселев, 2015], в представленных сочинениях авторы создавали впечатление, что реформы и все идеи правителя были успешно воплощены в жизнь. Тогда же увеличилось число законодательных актов, и благодаря обширным преамбулам они приобретают определенную риторичность, становясь частью петровского мегатекста [«Ментальное государство»..., 2022, с. 10]. Все эти факторы в совокупности, возможно, и стали толчком к формированию образа Петра-реформатора. Его актуальность привела в том числе к тому, что образ частично представлен в «Истории Свейской войны», для которой этот сюжет не являлся необходимым в повествовании, но являлся актуальным для дискурса в целом.

Основным риторическим приемом в формировании образа было сравнение с античными правителями, что обуславливалось ориентацией на Рим, а также постулирование плачевного положения России до Петра, что позволяло более ярко продемонстрировать значимость петровских преобразований. Важной частью инструментария образа выступило представление о Петре как ремесленнике. Описывая Петра как архитектора или строителя, панегиристы применяли метафору монарха-зодчего, который по замыслу божьему преобразовал Россию. Характеристики Петра как реформатора и как зодчего переплелись в умах проповедников. В некоторой степени царь-реформатор подчинил царя-ремесленника, сделав его частью собственного риторического инструментария.

Агеева О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в. // Мир истории. Рос. электр. журнал. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения: 10.05.2024).

Анисимов Е. В. Петр Великий и его империя // Кунсткамера. 2022. № 1(15). С. 6–11.

Баггер Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований / пер. с дат. В. Е. Возгрин. М.: Прогресс, 1985.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–1727 гг. М.: Университетская типография, 1902.

Буганов В. И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакция и проекты законов, заметки, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I: Акты о высших и государственных установлениях. М.-Л.: 1-я тип. Акад. Наук СССР, 1945.

Гавриил. Полное собрание поучительных слов... М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) : в 2 вып. / сост. Т. С. Майкова; под. общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М.: «Кругъ», 2004.

Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 528–583.

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 47–153.

Захаров А. В. Рукопись «Дедикации» П.П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 172–181.

Жицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / авториз. пер. с англ. Д. Хитровой и К. Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Кагарлицкий Ю. Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влияния имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 66–77.

Киселев М. А. Создание Берг-мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2015. № 4 (31). С. 39–47.

«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2022.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 236–249.

«Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.

Павленко Н. И. Идея абсолютизма в законодательстве XVIII века // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сб. ст. к 70-летию Б. Б. Кафенгауза. М.: Наука, 1964. С. 389–427.

Павленко Н. И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 40–102.

Панегирическая литература петровского времени / подгот. изд. В. П. Гребенюк; под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979.

Погосян Е. А. Петр I – архитектор российской истории. СПб.: Искусство – СПб, 2001.

Политиколепная апофеозис достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса пресветлейшаго, и великодержавнешаго, богом венчаннаго, и богом укрепляемаго, и богом прославляемаго, великаго государя нашего и великаго князя Петра Алексеевича всяа великия, и малыя и белыя России императора и автократора. М.: Московский Печатный двор, 1709.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: «Волот», 2007.

Стефан Яворский. Проповеди... Ч. 3. М.: Синодальная типография, 1805.

Сыромятников Б. И. Абсолютная монархия в России в XVII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М.: Товарищество И. Д. Сытина: «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1911. Т. II. С. 511–548.

Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра и его идеология. Ч. I. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1943.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 519–527.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961.

Riasanovsky N. V. *The Image of Peter the Great in Russian history and thought*. New York; Oxford: Oxford Univ. press, 1985.

УДК 94(470.5).061/063:322

С. Н. Копырина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКОВНОЙ И ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВЛАСТИ НА УРАЛЕ В 1720–1740-е гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

В статье анализируется история взаимодействия церковной и горнозаводской власти на Урале во второй четверти XVIII в. Деятельность церкви на территории горнозаводского Урала контролировалась митрополитом Тобольским и Сибирским. Автор анализирует особенности контактов между архиерейским домом Тобольска и Уральским горным управлением. На основе архивных документов рассматривается вопрос запрета государственным органам проникать и влиять на принятие решений по определенным вопросам в церковные дела. Законность неприкосновенности церковных дел на местах гарантировалась Синодом, который в XVIII в. являлся органом государственной власти, ведавшим обширным кругом вопросов, связанных со священнослужителями. В. Н. Татищевым были предприняты меры по обучению церковных детей в светских школах, что мешало планам их родителей. Кроме того, его указом было определено, что строительство церкви во Имя Св. Анны Пророчицы начато в ненадлежащем месте и с неверными пропорциями, что послужило основанием для принятия решения о ее сносе. Также рассмотрена деятельность митрополита Арсения (Мацеевича) по восстановлению прав церкви в 1740-х гг., породившая длительные разбирательства с горнозаводской властью Урала.

Ключевые слова: православная церковь, Уральское горное управление, Синод, Екатеринбург, В. Н. Татищев, митрополит Арсений (Мацеевич).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.».

Учреждение Святейшего Синода и оформление на Урале, помимо губернской, новой горнозаводской власти, послужило основой установления новых видов взаимодействия между митрополитом, архиерейским домом Тобольска и руководителями регионального органа горного ведомства. Объективно и закономерно духовные и светские власти проводили общую и единую политику, серьезных конфликтов до середины 30-х гг. XVIII в. не отмечалось.

Об истории взаимодействия церковных и государственных властей в XVIII столетии исследователи писали начиная с XIX в. В 1805 г. митрополитом московским Платоном была опубликована «Краткая российская церковная история» [Платон, 2016]. Государственные реформы Петра I и их непосредственное влияние на церковное управление проанализированы в труде С. Князькова [Князьков, 1914, с. 423–463]. Взаимоотношения государственной и церковной власти, общие и различные интересы церкви и государства исследовались Н. И. Костомаровым [Костомаров, 1912]. М. Ф. Владимирский-Буданов предложил периодизацию взаимоотношений церкви и государства [Владимирский-Буданов, 1915]. Политику огосударствления церкви в XVIII–XIX вв. представил в своей диссертации А. Г. Закржевский. Автор проследил эволюционные изменения архиерейской власти, которые возникли под влиянием новых церковно-государственных отношений [Закржевский, 2000]. Новаторскими в методологическом плане являются исследования Н. Д. Зольниковой, которая на основании массовых источников проанализировала историю взаимоотношений государства и Русской православной церкви в области сословной политики [Зольникова, 1987, 1990].

Что касается непосредственно горнозаводского Урала и православной церкви, то история их взаимоотношений была рассмотрена в ряде работ, в том числе посвященных истории становления промышленности в регионе. В юбилейном издании, приуроченном к 125-летию Екатеринбургской епархии, показывается история церкви на территории Урала, представлены сведения о епархиальном управлении, жизни приходов, назначении церковных служителей, которые находились в ведении горнозаводского управления [История Екатеринбургской епархии, 2010].

Источниковую базу исследования составили документы Государственного архива Свердловской области (ГАСО), сосредоточенные в ф. 24 Уральского горного управления. Исследование архивных документов позволяет проанализировать особенности взаимодействия церковных и горнозаводских властей на Урале в 1720–1740-е гг., их роль в обеспечении нормальной жизнедеятельности населения казенных горнозаводских поселков. 30 марта 1740 г. в Тобольске умер ми-

трополит Антоний [Антоний (Стаховский), 1900, с. 226–227]. На его место был назначен митрополит Арсений (Мацеевич). Впоследствии за активные выступления против государственной политики секуляризации церковных земель он был подвергнут Екатериной II жестоким гонениям, а затем пожизненно заточен в Ревельский каземат, где и умер. В 2000 г. на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви митрополит Арсений был причислен к лику святых [Митров, 2016, с. 8–29]. Известно, что в 1730–1733 гг. иеромонах Арсений находился в Тобольске в качестве проповедника и учителя [Снегирев, 1862, с. 7], затем принимал участие «не по одолжению», т. е. добровольно, в морской экспедиции 1734 г. Архангельск – Обская губа [Там же, с. 16].

В ГАСО имеются некоторые сведения об экспедиции. Документы сохранились потому, что в задачу экспедиции среди прочего входило обследование прибрежных территорий на предмет «руд и минералов» поэтому в ней должны были участвовать горные специалисты. По приказу из столицы 13 мая 1733 г. с Урала в Архангельск отправились горный офицер Дмитрий Одинцов и иностранный штейгер Илиас Шелль. В Архангельске Одинцов встретился с руководителями экспедиции – лейтенантами флота Муравьевым и Павловым. В 1735 г. в Пустозерске во время зимовки, будучи нетрезвым, Д. Одинцов выкликнул «слово и дело» на двух командиров экспедиции – поручиков С. Муравьева и М. Павлова [Цеменкова, Черноухов, 2022, с. 192–194]. В исследованиях упоминается об аресте Арсения; Муравьева и Павлова отстранили от руководства [Снегирев, 1862, с. 21–37]. Руководить экспедицией назначили новых лиц [Русская Арктика, 2017, с. 39]. После ее завершения, в 1737 г. И. Шелль вернулся в Екатеринбург и представил подробный отчет. Отстраненные от экспедиции Д. Одинцов и другие члены команды были отправлены в Тайную канцелярию. Следствие велось с 10 декабря 1735 г. по 1 сентября 1739 г. По императорскому указу 1730 г. Д. Одинцова ждало суровое наказание за «слово и дело», сказанное в пьяном виде [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 198, л. 38]. Но в итоге обошлось – на основании именных указов от 23 октября [ПСЗ РИ-І, т. 11, № 8263] и 15 декабря 1740 г. [Там же, № 8298] по амнистии военным, духовным и статским чинам «за непорядочные поступки» все прощены, Муравьеву и Павлову вернули чины [ГАСО, ф. 24. оп. 1, д. 890, л. 253]. Таким образом, Арсений как косвенный свидетель был привлечен к следствию, но до окончательного решения освобожден и отправлен в Синод и был окончательно амнистирован на основании вышеприведенных указов.

После назначения Арсения на пост митрополита Тобольской и Сибирской епархии в 1741 г. служители архиерейской канцелярии

предоставили ему сведения о состоянии дел в обширном регионе. Сообщили информацию и о «непорядочных поступках» команды В. Н. Татищева в отношении церковной власти во второй половине 1730-х гг., в частности, о разногласиях, завершившихся только в середине 1740 г., связанных с обучением церковных детей в светских школах [Сафронова, 2004, с. 71–99]. Уезжая на Урал, В. Н. Татищев в 1734 г. получил обширную инструкцию за подписью Анны Иоанновны. В ее 17-м пункте было четко зафиксировано: «устраивать школы», брать в них «дворянских, подьяческих, не служащих церковных детей», всех «прилежно обучать». В 1735 г. Татищев приказал провести перепись, «не пророня никого», и по ее итогам забрал в школы 84 ученика. В их число включили всех подростков, а не только «не служащих церковных детей» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 907, л. 84]. В епархиях получали жалобы от служителей, которые рассчитывали, что их дети пойдут по стопам родителей и продолжат работу при церкви. В 1739 г. дело дошло до Сената и Синода. В итоге 30 сентября 1740 г. последовал указ Генерал-берг-директориума – вернуть детей родителям. Они должны были обучаться в школах архиерейских домов «на коште отцов». Истраченные на учителей и школьников 2 100 руб. «положили» на горнозаводскую власть [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 901, л. 1010–1011].

В июле 1741 г. произошло еще одно экстраординарное событие – протопоп Екатеринбургской церкви Иаков Никитин и дьякон Кирилл Яковлев обратились в Генерал-берг-директориум с просьбой построить собственные дома в заводском поселке и не поставили в известность о том духовные власти. Прошение священнослужители передали в Канцелярию Главного заводов правления (далее – КГЗП), а в архиерейской канцелярии решили справиться, «есть ли к тому примеры» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 937, л. 1068 об.]. Обращение церковнослужителей, переданное через гражданское ведомство, не совпадало с церковными устоями. Протопопу Иакову митрополит написал: за то «что он, уничтожая и презирая власть и честь своего духовенства, дерзнул в надлежащем до духовного правления деле подать прошение мимо духовной команды в светскую, не в надлежащем деле до светского суда, поступлено будет по Светским Канонам без упущения» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 937, л. 1073об.–1074].

Взаимодействие горнозаводского управления и главы Тобольской и Сибирской епархии Арсения по вопросам защиты интересов церкви привело к интенсивной переписке между двумя ведомствами. В ответ на отношение КГЗП в декабре 1741 г. митрополит Арсений приказал архиерейской канцелярии ответить горному ведомству: все доходы во власти «его Преосвященства, яко местного епархии своей архиерея, а не в ведомстве канцелярии заводов правления», и «ни в ка-

кие церковные дела Канцелярии вступать и интересоватца нужды нет, понеже церковные дела до управления заводских и других светских нимало не подлежат», это «противно» всем светским правилам, императорским указам, Духовному регламенту [Там же, л. 1072об.–1073].

В документе говорилось, что Канцелярия «поступает по прежним определениям статского действительного советника господина Татищева, которой во многие церковные дела как во избрания в священно и церковнослужительские чины вся своя команды, кроме своего Единого приходу вступал. Так уже и во освящения церковных дерзнул указами своими определения чинить и следствия о том производить мимо местного архиерея. Так и в другия духовные дела не надлежащая до его власти входил самостоятельно». В заключении послания Арсений просил и увещевал членов КГЗП, «дабы соблаговолили впредь вышереченным определениям не следовать и в надлежащие до духовного правления дела не мешаться и тем не нанести никакой духовной команде обиды и поступать в должностях своих умеренно». В противном случае митрополит донесет «в главную и верховную команду неотменно» [Там же, л. 1073об.].

В ответ на действия светских властей Екатеринбурга Арсений 9 марта 1742 г. отправил доношение в Синод «об обидах Святой Церкви и клиру церковному», просил «учинить указное определение дабы отныне впредь оная Канцелярия в церковные и в надлежащие до духовного правления дела со своими наглыми предерзостями не вступала» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 984, л. 107–113об.].

Члены Синода, не имея полномочий самостоятельно решить проблему, написали в Сенат, приложив жалобу Арсения. В итоге 16 августа 1742 г. из Сената в КГЗП был послан указ с двумя предписаниями: 1) «дабы оная Канцелярия в духовные дела в противность указов отнюдь не мешалась под опасением за то по указам немалого штрафа»; 2) «канцелярии в Правительствующий Сенат прислать обстоятельный ответ» на жалобу Арсения [Там же, л. 106].

К сожалению, в нашем распоряжении отсутствует авторский текст обращения митрополита в Синод. Есть только последующий документ – представление Синода в Сенат. Однако, зная о практике XVIII в., можно утверждать, что служители Синода дословно привели текст Арсения. Митрополит, обосновывая свою позицию документально, обвиняет светскую власть Екатеринбурга в пяти «преступлениях». Во-первых, власти Екатеринбурга ограничили доступ к денежным средствам от продажи свечей в церкви и фактически конфисковали деньги для строительства богадельни. Второе и третье обвинения сводились к тому, что КГЗП заключила договоренность с прежним митрополитом Антонием о непосвящении в священники без одобре-

ния горных властей, что непозволительно ограничивало права церкви. Четвертое обвинение заключалось в том, что КГЗП привлекала к суду и «чинила держание под караулом священников в духовных делах безвинно и посылала от себя указ о освящении церкви, в котором написано, что одному священнику по данной от архиерея грамоте церковь освятить, а другому за освещение той церкви деньги взять». И пятое «преступление» – в Екатеринбурге каменную церковь «по благословению архиерейскому застроенную разбросали и уничтожили чего де горше уж быть неможно... а построенная там деревянная церковь уже обветшала, а по многолюдству обывателей и другой церкви весьма быть надлежало, но у них де вместо того чтоб быть двум осталась одна и та ветхая и потому признается что им и церкви не нужно...» [Там же, л. 107–113об.].

В преамбуле промемории митрополит обобщил информацию об обидах и «наглых дерзостях» церкви и клиру со стороны светских властей. Вывод митрополита Арсения состоял в том, что действия светской власти по отношению к церковной приведут к негативным последствиям для церкви и ее служителей. Он выразил опасение, что если светская власть продолжит вмешиваться в духовные дела, то это может привести к ущемлению прав духовенства и подрыву авторитета церкви:

«Канцелярии в духовные дела вступать и теми своими продерзостями Духовного правительства властей уничтожать, а духовной же команды подчиненным, а особливо священно и церковнослужителям обид наносить по озлоблению чинить и в церковные дела, которые надлежат до рассуждения архиереев мешаться и интересоваться весьма не надлежит. А ежели де таковые продерзости пресечение не будут и впредь оная канцелярия яко светское, а не духовных дел правительство, в те духовные дела продерзостию своею будет еще вступать, то де не токмо подчиненные Его преосвященства претерпевать будут по их самовластным определениям озлобления, но и сами архиереи принуждены будут оставаться в правлении своих духовных должностей не без нареkania. А наипаче егда оная канцелярия яко мирская, но преимуществу над духовными властями повелевати будет Сибирской епархии подчиненным духовным лицам и потому единому Преосвященству останется толко звание архиерейское, а власти и дела архиерейского ничего не будет...» [Там же, л. 107].

Получив в ноябре 1742 г. предписание Сената, горнозаводские руководители собрали и обобщили материал по всем пяти пунктам обвинений, после чего отправили доношения в Сенат и Синод. По первому пункту было показано, что с жителей Екатеринбурга в 1728–1734 гг. «добровольно» собиралось для поддержания клира по «копей-

ке с рубля», а церковный староста Иван Подшивалов некорректно вел приходно-расходные книги. В 1736 г. оказалась нехватка, поэтому было решено установить ящик с замком, а ключ хранить в полиции. К деньгам светские власти не прикасались и фиксировали доходы со стороны КГЗП для точности учета. А богадельня, в соответствии с императорским указом от 20 июня 1718 г., была построена сначала на Уктусе, а в конце 20-х гг. XVIII в. в Екатеринбурге, «близ церкви в линию», даже не на церковные, как требовал указ, а на казенные деньги в 108 рублей. Поэтому властями было приказано от конторы «для клажи народного подаяния в богаделну сделать ящик жестяной с замком и иметь оной в церкви, из которого высыпать по понедельно и записывать особо тому, кто имеет церковные деньги» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 984, л. 128об.–130].

По второму и третьему пунктам – о вмешательстве светской власти в вопросы посвящения в священники, Канцелярия подробнее, на десяти листах с примерами, поясняя сложившуюся ситуацию, доказывала, что решения были приняты правильно: тайно сбежавшие от горнозаводской службы воры, плуты, казнокрады, взяточники не могут быть на службе церкви, вести честную паству. И здесь светская власть лишь просила и убеждала не совершать ошибок, так как оба ведомства совместно делают доброе дело [Там же, л. 131–143]. О спорах по делам П. Иконникова, С. Попова, а также других «плутов», которые тайно бегали в Тобольск, сохранилась обширная переписка в фондах ГАСО [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 212, л. 1–5, 126–140]. Екатеринбургские власти сообщали в столицу, что в 1727 г. митрополиту Тобольскому и Сибирскому был послан указ из Синода – «впредь ему архиерею таковых беглых и подозрительных людей без обстоятельного и достоверного известия и без письменно заручного приходских людей прошения не токмо в священный чин, но и в причетнический оных не принимал и не производил, опасаясь за таковое в священный и причетнический чин кого подозрительно произведение... штрафования без упущения» [Там же, л. 139об.].

По четвертому пункту – о скандале в деле освящения церкви в селе Кунарском в 1735 г. КГЗП дала подробный отчет, занявший десять листов архивного дела. Суть инцидента сводилась к тому, что священнослужители, ставшие фигурантами дела, подделывали документы и вели себя не вполне достойно по отношению к своей пастве [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 984, л. 144–152].

И, наконец, пятый пункт. Дело было в том, что в 1732 г. В. И. Геннин, с разрешения столичных властей и благословения церковных, начал строить в Екатеринбурге каменную церковь во Имя Св. Анны Пророчицы. А сменивший его В. Н. Татищев, заявив, что она «зачата

строить весма в ненадлежащем месте и ненадлежащей пропорцією», приказал ее разобрать. По мнению митрополита Арсения, имел место серьезный произвол со стороны местной светской власти. Но к 1742 г. ни В. Н. Татищева, ни его первого помощника А. Хрущева на Урале не было и присутствующие в настоящий момент в Екатеринбурге члены КГЗП за их действия отвечать не могли [Там же, л. 152 об.].

После отправки доношений в Сенат и Синод на горнозаводском Урале сделали выводы и 29 октября 1742 г. в Екатеринбурге решили «впредь здешней канцелярии в церковные и прочие приходы и расходы не вступать», все книги церковного старосты Мингалева и прошлых лет отдать вновь прибывшему протопопу «с роспискою», в дела о назначении «духовного чина людей» также не вступать [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 937, л. 1077]. Одним из последних решений митрополита Арсения в Тобольске (май 1742 г.) стало назначение на протоиерейскую должность в Екатеринбурге вместо протопопа Иакова Никитина иерея Успенского Собора Василия Кудрицкого с наставлением:

«Пребывая же в том звании в своем протоиерейском трезвенно, целомудренно, благовенно, не сварливо, но кротко, смотреливо, не зависливо, не сребролюбиво, учительно, но во всем преподавая себе образ бытия благих дел. И учить притчет церковный и всяа люды благоверию и божественным заповедям и жительству христианскому по всяа дни и протчия приличныя добродетели тщатися исполняти со вниманием и вверенную паству бодренно пасти» [Там же, л. 1075].

Но протопоп Василий Кудрицкий с первых дней пребывания в Екатеринбурге не оправдал ожиданий и отличался «непотребною и скверною бранию», пьянством, плохим исполнением треб, даже битьем тростью при мирянах «смертным боем» помощника – попа Андрея Андроникова. А расследуя дело о краже денег в церкви Уктусского завода, «напившись пьян» бил не только своих подчиненных, но и служащих горнозаводского ведомства. Члены Канцелярии отреагировали – написали о беззакониях в Тобольск, и в 1744 г. архиерейский дом вынужден был начать серьезное следствие по проступкам В. Кудрицкого [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1031, л. 497–542]. Дело было расследовано, и в марте 1745 г. службу в Екатеринбурге вел новый протопоп – Иосиф Афанасьев [Там же, л. 910–911].

В 20–30-е гг. XVIII в. начали формироваться новые взаимоотношения между религиозными и светскими властями Уральского горного управления. Начало строительства в 1732 г. в Екатеринбурге новой церкви В. И. Гениным и последующее решение В. Н. Татищева о ее разборе стало ярким примером столкновения интересов светской и церковной властей. К 1742 г. отсутствие Татищева и Хрущева на

Урале привело к изменению политики управления церковными делами. Был взят курс на определенное невмешательство светской власти в дела церкви. Следует отметить, что вопрос об обучении детей священнослужителей был разрешен в пользу родителей, которые стремились отдать своих детей в школы архиерейских домов «на коште отцов». Назначение Василия Кудрицкого на должность протопопа не оправдало ожиданий митрополита Арсения. К 1745 г. конфликт был урегулирован, и заменивший Кудрицкого протопоп Иосиф Афанасьев восстановил доверительные отношения между духовной и светской властями. Эти события продемонстрировали важность баланса сил между властными структурами, а также то, что конфликты могут быть разрешены через диалог и рациональные управленческие решения. Приведенные примеры показывают также, как личностные характеристики и поведение лидеров способны оказывать влияние на состояние системы управления и морального климата в социуме.

Антоний (Стаховский) // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1900. Т. 2: Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 226–227.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев: Н. Я. Оглоблин, 1915.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Закржевский А. Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000.

Зольникова Н. Д. Приходское духовенство XVIII в. по жалобам сибирского населения // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск: Наука, 1987. С. 266–289.

Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.

История Екатеринбургской епархии / Главацкая Е. М., Мангилева А. В., Манькова И. Л., Мусихин В. А., Нечаев М. Г., Нечаева М. Ю. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2010.

Капалин М. К. К вопросу об участии священнослужителей во второй Камчатской экспедиции // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гум. науки. 2010. № 2(82). С. 219–224.

Князьков С. А. Из прошлого русской земли. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Тип. Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1914.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3 т. Т. 1–3. СПб. : Лит. фонд, 1912.

Митров О. Ю., прот. Священномученик Арсений (Мацевич), митрополит Ростовский: Корпус письменных источников // Вестн. архивиста. 2016. № 1. С. 8–29.

Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985.

Платон (Левшин П. Г.), митр. Краткая церковная российская история : в 2 т. Т. 2. Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПС ЗРИ-I). СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830.

Попов М. С. Арсений Мацеевич и его дело. СПб.: Тип. М. Фроловой, 1912.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Берг-коллегия.

Русская Арктика : сб. док. / сост., вступит. статья, комментарии В. И. Станулевич, С. О. Шалапин. Архангельск: ИА Regnum, 2017.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 71–99.

Снегирёв И. М. Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский и Ярославский. М.: Тип. Бахметева, 1862.

Цемленкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биограф. справочник. СПб.: Алетей, 2022.

УДК 94(470.5).06:37

А. М. Сафронова

СЛОВЕСНАЯ И АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛЫ ЛЯЛИНСКОГО ЗАВОДА (1735–1742)

Благодаря В. Н. Татищеву, в 1734–1739 гг. возглавлявшему казенные заводы Урала, были открыты словесные, а по мере подготовки грамотных, – и арифметические школы при девяти заводах и в Кунгуре, что позволило детям получать основы грамоты и арифметики по месту жительства. В статье реконструируется организация школ при Лялинском заводе, о которых, по сути, отсутствуют данные в литературе. Раскрываются история открытия этих учебных заведений, назначение учителей, состав учащихся – их количество, возраст, социальная принадлежность, последующая судьба, причины закрытия школ в 1742 г.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Лялинский завод, словесная и арифметическая школы, учителя, учащиеся

Горнозаводские школы Урала первой половины XVIII в. внесли большой вклад в формирование края как главного металлургического центра страны, в развитие его культурно-образовательного ландшафта. Благодаря деятельности школ грамотность детей, проживавших в заводских поселениях, стала одной из самых высоких в России в 1730–1740-е гг. В статье на основе архивных документов, в основном впервые вводимых в научный оборот, делается попытка реконструировать историю школ, действовавших при Лялинском заводе, о которых в литературе имеются отрывочные сведения. Н. В. Нечаев отметил, что в словесной школе в 1737 г. из 22 учеников все, кроме одного, получали жалованье [Нечаев, 1944, с. 47]. В. Н. Будрин привел данные

о количестве учащихся в школе в 1735–1742 гг., взятые из справки 1746 г., отличающиеся от первичных данных ведомостей; упомянул фамилию ее учителя – Степана Туесова [Будрин, 1950, с. 73, 59]. Нами установлены даты деятельности этих школ, фамилии и сроки работы их учителей [Сафронова, 2014, с. 286, 301–302].

Для раскрытия темы привлекались документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов (КГЗП) и лично В. Н. Татищева, Лялинской заводской конторы, ведомости об учащихся, посылавшиеся в Екатеринбург по третям года, прошения, отложившиеся в фонде 24 «Уральское горное управление» в ГАСО. Использовались записные книги входящих и исходящих документов Лялинской заводской конторы, сохранившиеся за 1735, 1737, 1739–1741 гг., подлинники которых до нас не дошли.

Возвращение Татищева на Урал в качестве начальника казенных заводов Урала и Сибири сыграло большую роль в развитии сети учебных заведений при них. 1 октября 1734 г. Татищев прибыл с командой в Екатеринбург. В первом же доношении, составленном в ночь на 9 октября, он сообщает Кабинету министров о своем решении открыть словесные и арифметические школы при всех казенных заводах дополнительно к двум, действовавшим до этого в Екатеринбурге, а также возобновить школу в городе Кунгуре [РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1133, л. 27]. 22 октября на заседании КГЗП Татищев «с товарищи» принимает решение о проведении переписи всех детей школьного возраста – дворян, разночинцев, однодворцев, духовенства, подьячих, мастеровых от шести лет и старше, проживавших при заводах и в слободах [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 112об.].

4 января 1735 г. члены КГЗП постановили: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится, и, собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ». Одновременно был решен вопрос с обеспечением школ учебными пособиями: «что к тому книг потребно, о том, собрав известия, велеть тамо [при заводе] или на Ирбитской ярмонке купить, а буде еще чего не достанет, то писать в Москву с нарошным, чтоб двести букварей купя, суды прислал» [Там же, д. 216, л. 17–18]. Таким образом, в первые же дни нового, 1735 г., начал претворяться в жизнь план В. Н. Татищева по расширению сети горнозаводских школ.

В это время на Урале действовало 12 казенных заводов: Каменский (с 1701), Алапаевский (1704), Уктусский (1704), Екатеринбургский (1723), Егошихинский (1723), Пыскорский (1723), Лялинский

(1723), Полевской (1724), Синячихинский (1724), Уктусский верхний (1726), Верх-Исетский (1726) и Сысертский (1733).

Через месяц, 8 февраля 1735 г., члены канцелярии во главе с Татищевым приказали «учинить о зборе в школы ... каждому управителю в своем ведомстве», приняли решение о выдаче казенного жалованья учащимся словесных школ по 3 руб. в год, арифметических – по 4 руб. Жалованье полагалось детям, чьи отцы получали в год до 25 руб., а взятым в школы из других населенных пунктов – независимо от окладов отцов, но дети священников и церковнослужителей из круга получавших жалованье исключались. На этом же заседании были определены и нормы жалованья будущих учителей словесных школ в год по 18 руб., арифметических – по 24 руб. [Там же, д. 217, л. 62–65].

С весны 1735 г. словесные школы постепенно открываются при заводах: Егошихинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Уктусском (май), Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август); в ноябре – при Сысертском, в декабре – при Полевском, позже – при Верх-Исетском (сентябрь 1736) [Сафронова, 2014, с. 286–287].

Лялинский завод был одним из самых удаленных от Екатеринбурга, центра управления всеми заводами: от Верхотурья он располагался в 43-х верстах, дорога до Екатеринбурга шла через Верхотурье и составляла 344 версты. Глава заводов В. И. Геннин (1722–1734) раскрыл историю строительства Лялинского завода и сложности, возникшие с обеспечением его работы медной рудой. Первая руда была обнаружена в районе будущего завода в 1719 г. в пяти верстах, в 1722 г. рудные запасы были обследованы, Берг-коллегия на основе пробы этих руд разрешила строительство завода. В августе 1723 г. Лялинский завод начал строиться, через год на нем началась плавка меди. К заводу были приписаны крестьяне 12 деревень и одного села Верхотурского уезда, 412 душ, проживавших от завода на расстоянии от пяти до 100 верст [Геннин, 1937, с. 528].

Но в 1727 г. запасы медной руды на Лялинском руднике неожиданно истощились, и «дабы оные заводы втуне не стояли» В. И. Геннин основал при заводе стеклянную фабрику. Шведский контрактер Христиан Инглин, отправленный к медной плавке на Лялю с Сылвинского стекольного завода, умел выделять из меднорудного сырья минеральные краски, купорос синий и зеленый, серу, квасцы, мышьяк, знал многие сопутствующие ремесла [Диффузии..., 2011, с. 98]. Как отмечал Геннин, от стеклянного производства «большой прибыли нет, однако не убыток. И плавильные ученики не гуляют, но к оному обучаются». На Лялинском заводе было организовано производство поташа (стекольного сырья) и стеклянной посуды. Купорос и посуду стали вывозить на Ирбитскую ярмарку. На Ляле было изготовлено 2 049

«посудин», часть их продавалась и в Екатеринбурге [Геннин, 1937, с. 531].

В 1727 г. Геннин, прибыв на Лялю, объявил: если кто отыщет новые запасы руды, то будет освобожден от заводских работ, а дети от рекрутской службы. Руда была найдена, на новый Павдинский рудник в 103 верстах от Ляли горных работников перевели с прежнего Лялинского рудника, но через год и эта руда пресеклась, и людей с Ляли пришлось перевести на другие заводы. В 1729 г. близ Павдинского рудника, на той же горе, крестьянин Сидор Коптяков нашел новое месторождение. Так был открыт Конжаковский рудник, в 106 верстах от завода. По приказу Геннина оставшиеся на Ляле плавильные ученики и приписные крестьяне провели разведку расположения руд. Летом 1729 г. были присланы с рудников Пыскорского и Полевского заводов работники, и руда стала добываться до 40 тыс. пуд. в год и более.

Как отмечает В. И. Геннин, условия добычи руды на Конжаковском руднике были тяжелыми, работы велись лишь летом, «с мая по сентябрь», а в другое время «за великими снегами и за великою ж и нестерпимою стужею» работать было невозможно, поэтому горные работники использовались на Лялинском заводе «к рубке дров и к заготовлению угля и к прочим» делам. В XVIII в. предлог «по» употреблялся в значении «до», поэтому работы на руднике велись в течение четырех месяцев, с мая по август, это подтверждает и Геннин: «имеет быть добыто руды при Конжаковских рудокопиях с мая по сентябрь, итого в 4 месяца 46 464 [пуд]» [Там же, с. 529–530, 532, 535].

На основе данных, приведенных Генниным, мы подсчитали число работников, трудившихся в 1734 г. на Лялинском заводе – 41 человек, и 78 – на Конжаковском руднике, среди них 20 работников были «из присыльных для спуска руды с гор», им за труд платили по Плакату¹, т. е. постоянных работников числилось всего 99 человек, меньше, чем на других заводах [Там же, с. 534, 536, 538–539]. Отсюда и меньшее число детей, проживавших при заводе.

В связи с большим удалением Лялинского завода от Екатеринбурга отметим длительное время доставки указов канцелярии на завод, как и доношений заводской канторы в Екатеринбург. Так, указ канцелярии, содержавший ее определение «О наборе в школу и о даче жалованья и о прочем» от 8 февраля 1735 г. прибыл на Лялю только 10 марта 1735 г. вкупе с другими указами «чрез Алапаевского заводу розсыльщика» [ГАСО, ф. 396, оп. 1, д. 22, л. 16об.].

¹ Т. е. в соответствии с расценками, установленными Плакатом от 26 июня 1724 г. «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» [ПСЗ РИ-1, т. 7, № 4533].

Но заводская контора, которую в это время возглавлял сын боярский Степан Ранчковский, отреагировала оперативно на первый же указ канцелярии, содержащий определение от 4 января 1735 г. об открытии школ при заводах. Уже 26 февраля Ранчковский сообщает в Екатеринбург: «учителем определен из подьяческих Андрей Кузнецов младший, а школа с принадлежащими к тому покои не строитца» (видимо, нашли готовое помещение), запрашивает, «какие учителю и ученикам давать оклады» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 577а, л. 168об.]. В этот же день в «Книге входящих дел» Лялинской заводской конторы зафиксировано: «Доношение словесной школы учителя Андрея Кузнецова меньшего о учреждении школы и о деле в ней стола и скамей и протчаго» [Там же, ф. 396, д. 22, л. 15]. Т. е. учитель тотчас же начал хлопотать об устройстве будущего помещения школы, выделенного управителем. Кроме сына подьячего Андрея Кузнецова другого свободного от дел человека на Ляле, видимо, не нашлось, он оказался самым подходящим.

Лялинская контора сама начала решать вопрос о приобретении учебных книг, надеясь найти их в городе Верхотурье, но безуспешно. Об этом свидетельствует запись от 10 марта 1735 г. в «Книге входящих дел» конторы: «Доношение от пробирного ученика Ивана Мусикийского, что послан был он для покупки в Верхотурье азбуков, часовников и псалтырей на данные ему из казны деньги, и купить в Верхотурье нигде не сыскано, и о приеме у него оных денег» [Там же, л. 20].

Из доношения Степана Ранковского в Екатеринбург от 3 мая 1735 г. следует, что Андрею Кузнецову, назначенному «для обучения словесному и петь» было положено жалованье 18 руб. в год, как полагалось всем учителям грамоты, но его кандидатура не вполне устраивала местное начальство и он был заменен другим учителем:

«Понеже, как известно Лялинской заводской канторе, что оной Кузнецов словесного и петь мало знает и учителем ему быть ненадежно. А марта 31 дня явился в Лялинской заводской канторе из Верхотурья бывшей соборной церкви поп Степан Туесов и сказал, что де из того ... окладу словесного и петь учителем быть желает, которой и определен, и жалованье велено ему производить... апреля с 1 числа сего 1735 году. А что не касаетца ли до него в Верхотурье какого дела, о том взять подписку, которая и взята, и в той подписке он, Туесов, объявил под штрафом, что де в Верхотурской канцелярии и нигде никаких дел до него не иметца, а прежнему учителю Кузнецову велено быть в словесной школе учеником».

Здесь же сообщалось, что в школу определено 26 человек [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 577а, л. 165–165об.]. Т. е. управитель завода не стал

запрашивать разрешение уральского начальства и сам заменил кандидата на учительскую должность, сообщив об этом в Екатеринбург.

Получив это доношение 19 мая, 5 июня 1735 г. в протоколе заседания канцелярии записали: конторе самой надо справиться с воеводской канцелярией и Духовным правлением, и пока известие не будет получено, жалованья учителю не давать [Там же, л. 166]. По-видимому, Туесов был уже пожилым человеком, раз числился «бывшим» попом. Документы, составлявшиеся им, свидетельствуют, что он обладал аккуратным и красивым почерком, редким для учителей тех лет.

Первые ведомости об учащихся Лялинской словесной школы, как и о других школах, открытых при периферийных заводах, были составлены по приказу уральского начальства лишь в 1737 г. сразу за все трети 1736 г. Указ о составлении ведомостей прибыл 19 марта 1737 г., учитель подал их 6 апреля с оговоркой, что о больных и уволенных учениках показать не смог, поскольку указа о ведении такой записи ранее не имел [Там же, д. 625, л. 60]. В ведомости за первую треть 1736 г. в школе числилось 26 учеников, т. е. никто из зачисленных учиться школу не покинул [Там же, л. 62–64]. Датой начала занятий у всех проставлено 1 апреля 1735 г., т. е. с этого дня школа начала действовать, на следующий же день после появления Туесова в заводской конторе.

Большинство учащихся – дети работников завода, обслуживавших две плавильные печи: сын плавильного мастера Леонтий Яковлев и уже вышедшего в отставку – Леонтий Карпов; трое детей шмельцера (плавильщика) Губанова, двое – отставного угольного подмастерья Брюханова, двое же – кузнеца Пяткова; сын ауфтрайгера (подносчика руды в печь) Гилева, фарлауфера (засыпщика) Чуркина. В школе обучались также двое детей подъячего Кузнецова, в том числе и «бывший» учитель, также сын подъячего Пушкарева; трое детей дьячка Богоявленской заводской церкви Попова. У девяти детей отцы трудились на Конжаковском руднике: у восьми горных учеников и горного кузнеца. Поскольку Геннин указал в «Описании» заводов, что работы на руднике велись лишь с мая по август, а остальное время люди с рудника трудились при заводе, это значит, ни о каком проживании детей вдали от школы за 106 верст речи не велось, они с другими членами семьи постоянно жили при заводе. Таким образом, «иногородние» ученики в Лялинской школе отсутствовали.

Судя по данным о пройденных «науках», числившиеся в ведомости за первую треть 1736 г. первыми сыновья подъячего Андрей и Федор Кузнецовы уже на дому выучили часослов, Андрей – и псалтирь, он пел октава 5-й глас и твердил письмо; Федор твердил псалтирь, писал слова и пел 2-й глас «нотных октаев». Сын дьячка Василий По-

пов числился «в письме слов и у пения гласа нотных октаев», его брат Сава твердил часослов. Один из сыновей шмельцера Михаил Губанов учил уже шестую кафизму псалтири и писал слова, остальные ученики учили часослов, а непонятливый сын подносчика руды Гилев за год так и не усвоил азбуку.

Возраст учеников впервые был указан в общей ведомости за 1737 г. [Там же, д. 602, л. 183–188об.]. Если убавить по два года каждому из учеников, станет ясно, что весной 1735 г. были взяты в школу дети 7 лет (трое), 8 лет (четверо), 9–10–11 лет (по трое), 12 лет (двое), 13–15–17 лет (по одному), т. е. забрали всех детей, проживавших при заводе, чтобы обучить грамоте. 17 лет было сыну горного ученика Дмитрию Макарову, это единственный известный нам случай приема столь «возрастного» молодого человека для обучения грамоте.

Всем учащимся, за исключением сына плавильного мастера Леонтия Яковлева и детей дьячка Попова, было назначено казенное жалованье по 3 руб. в год. Мастер имел годовой оклад выше 25 руб. в год, поэтому дети мастеров во всех школах Урала учились без жалованья, а детям церковнослужителей оно по определению уральского начальства от 8 февраля 1735 г. вообще не полагалось. Заметим, что казенное жалованье на основе присланного указа Лялинская контора назначила оперативно: 5 мая 1735 г. Туесов подал доношение о выдаче ему и школьникам жалованья за апрель, 4 июня – за май [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 22, л. 33об., 38].

Надзиратель припасов Степан Ранчковский, получив второй раз доношение учителя, решил заручиться мнением уральского начальства, и в доношении от 21 июня сообщил, что Туесов просил о выдаче ему 1 руб. 48 коп. за май, а ученикам – по 24¾ коп. «с полу». И хотя положено давать работным людям жалованье по третям года, но

«при Лялинском заводе хлеб и харчевые припасы покупаютца дорогою ценою, а им, школьником, определено жалованье малое, а провианту не определено, и без жалованья, дожидая трети, претерпевать будут нужду, да и отцы у иных в отлучках по рудникам более 100 верст, а у других и отцов не имеетца. Да и учитель взят из неимущих, и затем без жалованья помесечно питатца будет им нечем. Того ради, дабы они не претерпевали нужды и з голоду не померли, по приобщенном при том доношении и имянному списку... впредь помесечно повелено ли будет давать» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 577а, л. 193–193об.].

При этом жалованье ученикам за май контора все-таки выдала, так как в августе Туесов хлопотал о выдаче его уже за июнь и июль [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 22, л. 38об.].

Характерно, что только один из управителей заводов, Степан Ранчковский, высказал мнение о явной недостаточности учительско-

го жалованья, установленного размером в 18 руб. в год, во всяком случае, в условиях более высоких цен на севере горнозаводского Урала. Сам он, согласно новым заводским штатам 1735 г. показан надзирателем горным с окладом 84 руб. в год, надзиратель работ Лука Вострая Сабля – 48 руб., подканцелярист Семен Дерябин – 40 руб., пробирный ученик Иван Мусикийский – 18 руб., копиисты Василий Пушкарев и Василий Кузнецов – 20 и 18 руб.; двое выборных целовальников – 48 руб., двум рассыльным из отставных солдат – по 12 руб. и сторожу 9 руб. Против штата лишним копиистом стал Андрей Кузнецов, который был негоден в работу – болела левая рука [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 577а, л. 168–168об.]. Из окладов этих лиц, трудившихся при заводской конторе, следует, что учитель словесной школы имел оклад на уровне младшего копииста и пробирного ученика, но выше конторского рассыльного и сторожа.

Уральское начальство не вняло доводам Ранчковского в отношении малого оклада учителя в условиях дороговизны и 8 июля 1735 г. предписало: «школьником дачу жалованья для малости окладов производить, как здесь определено (т.е. в Екатеринбурге. – А. С.) помещая, а учителю с протчими по третям» [Там же, л. 195]. 21 октября 1735 г. Алексей и Сава Поповы, сыновья местного дьячка, подали прошение в контору «о даче им жалованья против других школьников» [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 22, л. 64об.], но в жалованье им, конечно же, отказали: в ведомостях 1736 г. они указаны как не получающие его.

На протяжении 1735 г. в Лялинскую заводскую контору поступали и другие указы уральского начальства: 9 июня «об обучении мастерских и других детей их в школах словесному и писать и протчим наукам». И в записной книге конторы зафиксировали:

«По силе сего Е. и. в. указу чинить непременно, и собранных в школу детей обучать ныне словесному и писать и пению, також церковником объявить, чтоб не опасаясь, отдавали детей своих в школу, которые жалованья требовать не будут, те по обучении определены будут во услуги по воле тех родителей, где они себе за лутчее почитать будут» [Там же, л. 38об.].

14 июня 1735 г. поступил указ КГЗП «о переписи мастеровых людей и их детей, и кто, где в подушной оклад положен»; 18 августа указ Конторы судных и земских дел об обучении детей церковнослужителей, причетников в школе; 15 декабря указ канцелярии о присылке в Екатеринбург школьников, «кои познали склад и имянных списков» [Там же, л. 41, 52об., 74].

Несмотря на оговорку об отсутствии текущей записки об учениках, Туесов заполнил в первой ведомости за первую треть 1736 г. гра-

фу «переведен в другую науку», благодаря чему мы видим движение учащихся. Так, двое первых учеников списка, дети подъячего Кузнецовы Андрей и Федор, певшие октоих, были переведены в Екатеринбург «для обучения в другая науки» 27 января 1736 г. Одновременно переведен в Екатеринбург и сын дьячка Василий Попов, учившийся пению и письму слов после овладения часословом.

Еще 11 ноября 1735 г. уральское начальство издало указ, полученный на Ляле 15 декабря, предписывавший «школьников, кои склад познали и писать начали, управительских, надзирательских, подъяческих и мастеров, кои понадежнее, а особливо иноземцов», определить для обучения немецкому языку к ректору Штермеру с помощниками, «поповских» обучать латинскому языку пастору с Кондратовичем, если такие обученные есть, «забрать немедленно» в Екатеринбург. КГЗП повторила этот указ 10 января 1736 г., предписав выслать всех этих детей не позже января под угрозой взятия штрафа с управителей. Учитель Туесов показал, что в Лялинской школе имеется трое таких детей. Они и были высланы в морозные дни на одной казенной подводе в Екатеринбург через Верхотурье [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 92–92об.]. Путь по заснеженным дорогам был для них долгим – 344 версты.

В Екатеринбурге начальство в лице горного межевщика Ивана Юдина проводило смотр присланных и распределяло их по новым школам повышенной ступени, открытым в Екатеринбурге в ноябре 1735 г. Братья Кузнецовы вместе с присланными с Сылвинского завода двумя подъяческим детьми, прибывшими из Пермского горного начальства – сыном горного надзирателя А. Москвиным и сыном канцеляриста А. Веселковым, были определены в немецкую школу. В нее же направили и детей, обученных грамоте с Чусовских пристаней, с Алапаевского завода и приписных к нему слобод. В конце 1736 г. были переведены в Екатеринбург и младшие дети дьячка Алексей и Сава Поповы, первый твердил часослов, второй учил 10-ю кафизму псалтири [Там же, д. 625, л. 70об.]. Таким образом, в 1736 г. Лялинскую школу покинули пятеро наиболее способных учащихся. Поповых вместе с детьми священников и церковнослужителей, присланными с разных заводов, определили учиться в латинскую школу [Сафронова, 2024, с. 149–149, 224–225].

Мы не знаем, как удалось решить вопрос на Ляле с обеспечением учебными книгами, но среди просителей о присылке литературы, в отличие от других заводских контор, Лялинская отсутствовала, как и среди наделяемых книгами по мере закупки отдельных партий в Москве и других местах. Установлено лишь, что в 1746 г., уже после закрытия школы, в Екатеринбург была отправлена вся партия «вет-

хих» книг с Лялинского завода – 16 азбук, 18 часословов, 19 псалтирей [Сафронова, 1994, с. 124–137]. Исходя из того, что число учащихся на Ляле не превосходило 26 человек, учебных пособий для них хватало, и все они были традиционными, а буквари, приобретенные в Москве и разосланные по разным школам, на Ляле отсутствовали. Из-за постоянного использования в течение семи лет книги пообтрепались, стали «ветхими», и пользоваться ими ученикам приходилось с затруднением: текст постепенно вытирался и чтение таких мест становилось сложным занятием. Наверняка часть учащихся использовала и свои семейные книги, поскольку сильно продвинулась в освоении грамоты еще на дому.

Судя по записной книге конторы, Туесов в августе 1735 г. просил «о выдаче для обучения словесной школы учеников нотных октаев», и предписывалось «под сим подписать..., имецца ль в казне в покупке нотных октаи для обучения школьников» [ГАСО, ф. 396, оп. 1, д. 22, л. 52]. Поскольку данные отсутствовали, видимо, октаи не приобретались, а ученики использовали свои домашние пособия или взятые учителем на время в церкви.

Благодаря сохранившейся в фонде Лялинской заводской конторы книги прихода-расхода припасов за 1736 г. ясно, что Туесов умел переплетать учебные книги. В феврале по его доношению ему выдали на изготовление тисков шесть фунтов железного лома (фунт – 409,5 г), «на обрез книг стали» три фунта; «на клеение нотных книг клею рыба» фунт. В мае «для оклейки казенных часословов и псалтирей клею рыба» получил $\frac{1}{4}$ фунта, в ноябре – полфунта. В декабре учителю была выдана «для прибивки в школе над книгами к потолку рогожа простая» [Там же, д. 25, л. 55, 79, 81, 167, 177]. Таким образом, можно предположить, что в 1736 г. для Лялинской школы была приобретена новая партия часословов и псалтирей.

Если во многих заводских школах сторожа отсутствовали, и детям самим приходилось рубить дрова, по очереди топить печи, то на Ляле этим занимался «плавильный» сторож, получивший «для топления школы и сушильной изб дров угольных сажень» в марте 1736 г. и пять сажень в ноябре. В октябре 1736 г. «для дела окончин в школу» было выдано шесть фунтов слюды [Там же, л. 45, 47, 189]. Но при этом казенные свечи выдавались только в заводскую контору в январе, марте и в июле, записи о выдаче их в школу в книге прихода-расхода припасов отсутствуют. Можно предположить, что школа располагалась в одном помещении с заводской конторой и контора делилась свечами со школой.

В 1737 г. в феврале был принят для обучения младший брат подьяческого сына Степана Пушкирева Василий 8 лет, начавший с азбуки,

к концу года освоивший часослов, псалтирь 8-ю кафизму, начавший писать слова. Следует отметить относительно быстрое продвижение в освоении грамоты всех учащихся Лялинской школы [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 602, л. 183–188об.], причем по традиции чтению обучались, двигаясь от азбуки к часослову, затем к псалтири. В ноябре В. Н. Татищев составил для учителей новую инструкцию – «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать», в которой предписывалось: как только ученики усвоят склады, учителям начинать обучать их письму букв, а затем переходить к письму складов и посвящать этому вторую половину дня [Татищев, 1990, с. 238–239]. «Учреждение» было отправлено на Лялю 23 декабря с рассылным Алапаевского завода [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, л. 744об.]. 11 января 1737 г. вопрос о присылке «Учреждения» рассмотрело местное начальство, приказало его текст «списать... отдать учителю с распискою, и чтоб он по оному исполнял, взять у него подписку» [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 26, л. 3].

За 1737 г. сохранились записные книги как входящих, так и исходящих документов конторы [Там же, д. 26, л. 1–73об.; 74–102]. На их основе мы можем констатировать, что и в этом году продолжилась закупка учебных книг: в феврале Туесов просил «на оклейку книг холста 10 аршин» (аршин – 71 см); 21 апреля – о покупке псалтирей и букваря, на что последовало решение о посылке в Верхотурье пробирного ученика И. Мусикийского, уже 3 мая семь псалтирей и букварь были выданы учителю. В марте Туесов просил «о покупке в школу досок для обучения письму», их предписывалось отдать учителю с распискою» [Там же, л. 10, 21, 22об., 15].

19 ноября 1737 г. в конторе завода школьник Иван Макаров показал «о сказывании ему школьным же учеником Федором Пятковым о збегу ученика ж Михаила Воробьева» [Там же, л. 66], но слух оказался ложным: в ведомости 1737 г. о сыне горного ученика Воробьева 13 лет отмечено: «отпущен на Кушвинской завод для свидания к отцу своему ноября 15 числа», вернулся 25 ноября [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 602, л. 188об.]. Примечательно, что нам неизвестен ни один побег учеников Лялинской школы, в то время как из других школ ученики бежали, и неоднократно; за 1721–1750 г. нами установлено 180 случаев побегов, и это далеко не полные данные [Сафронова, 1981, с. 147–159]. А вот прогулы школьных занятий имели место и на Ляле, в декабре 1737 г. заводское начальство приказало выписать из «Учреждения» «о вычете за прогульные дни» из жалованья у школьников и одновременно запрашивало уральскую канцелярию: «школьникам за отпущенные в отпуск дни давать ли жалованье [ГАСО, ф. 396, оп. 1, д. 26, л. 68, 100].

В январе 1738 г. обнаружился большой перерасход положенных на школы штатных сумм. Несмотря на это, КГЗП все-таки решила выплатить жалование учителям и учащимся за 1737 г. полностью, поскольку «ныне хлеб и харч против прежних годов в великой дороговизне находится», школьники же «не только платя не имеют, но и дневной писчи лишены, которую, как видно, многие получают чрез мирское подавание» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 760, л. 22об.]. Но в целях экономии средств с января 1738 г. власти постановили выплату жалования и ученикам, и учителям прекратить, кроме работавших по контрактам иностранцам. Татищев указом от 11 июня 1738 г. из Самары приказал жалование производить по новым штатам 1737 г., еще не введенным официально на уральских заводах.

Поэтому 31 июля канцелярия восстановила оплату труда учителей, при этом новыми штатами жалование учителей грамоты уменьшалось с 18 до 12 руб. в год. Ученикам же, сиротам и детям «отставных от ремесел» приказывалось вместо жалования выдавать по пуду ржаной муки в месяц с условием вычета денег, издержанных на муку, из денежных сумм при выдаче восстановленного жалования [Там же, д. 762, л. 775]. Поскольку цена хлеба на Урале повысилась в 2–3 раза и разразился голод, отсутствие жалования приобретало особое значение. Только 19 декабря 1738 г. канцелярия восстановила прежний порядок его выдачи школьникам. 13 февраля 1739 г. Лялинская контора отпартовала о получении этого указа. Туесов же подал доношение о выдаче денег ученикам за январь и февраль 12 марта [Там же, л. 883; ф. 396, оп. 1, д. 28. л. 85об., 15]. Самые неимущие школьники, получавшие поддержку хлебом, оказались должниками казны.

Из-за сложностей с финансированием школ уральское начальство стало распределять «возрастных» учеников к делам. Во второй трети 1738 г. в ведомости Лялинской словесной школы числилось 22 ученика [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 756, с. 257–262]. Из них дети горного ученика Макаровы Дмитрий и Михаил 20 и 18 лет, сын кузнеца завода Федор Пятков 16 лет были вызваны в июне к смотру в Екатеринбург, они учили 13-ю и 17-ю кафизму псалтири, писали прописи. В декабре 1738 г. сын плавильного мастера Леонтий Яковлев 10 лет был переведен в Егошихинскую словесную школу, куда отправлялся на работу его отец [Там же, с. 263–265].

В августе 1738 г. в Лялинскую заводскую контору было подано прошение от копииста Василия Пушкарева, плавильщика Егора Губанова «с товарищи». Они сообщали, что дети их взяты в словесную школу в апреле 1735 г.,

«и ныне из них другия словесному и писать обучились, а имянно: Степан Пушкарев, Михайло Губанов, Леонтей Карпов, Влас Пономарев,

Михайло Воробьев; и протчия многия из словесной науки выходят же, и арифметика их обучать при Лялинском заводе некому. А как де известно, что на Алапаевской завод из Екатеринбургх прислан для обучения арифметика особливой учитель, и просили, чтоб о присылке на Лялинской завод арифметического учителя требовать от Канцелярии Главного правления заводов, понеже оныя дети их ныне жалование не получают, а пропитание и одежду [имеют] от них, родителей своих, а сиродккия дети кормятся мирским подаянием» [Там же, д. 762, с. 233].

По получении прошения Лялинская контора через день, 27 августа, подала доношение в КГЗП, «куды оных повелено будет отослать или пришлетца какой учитель для обучения их другим наукам на Лялинской завод» [Там же].

Только 20 сентября к слушанию этого доношения были подготовлены справки. Оказалось, что арифметические школы действуют в Екатеринбургe, при Сысертском, Каменском и Алапаевском заводах. В Екатеринбургской обучает Санников, в Каменской – Василий Горшков, числящийся в учениках лесного надзирателя, на Алапаевском – бывший меховой подмастерье Иван Грамотчиков, на Сысерти – учитель словесности, знающий арифметику. При Лялинском заводе имеется надзиратель работ Василий Томилов, «ис тобольских, тот арифметике и геометрии учен ли, неизвестно». По новому штату 1737 г. учитель арифметики полагается при Екатеринбургском заводе, «а при других местах таких учителей, а при Лялинском и школы не положено», на Алапаевском же и Синячихинском заводах сумма на школу выделена [Там же, с. 235–236].

29 сентября 1738 г., выслушав эти выписки, КГЗП определила: учеников на Ляле

«до присылки особливого [учителя] обучать надзирателю Томилову, если он умеет, впредь же для обучения школьных учеников арифметике и геометрии послать на Лялинской завод из учеников тогда, как той науке обучатся, а пока такой пришлется, до того велеть показанных учеников обучать тамо довольно письму» [Там же, с. 237–239].

Таким образом, инициатива отцов учеников ни к чему не привела, и из-за нежелания уральского начальства решить вопрос с учителем арифметики школьники на Лялинском заводе еще долго обучались чтению и письму.

В третьей трети 1739 г. в Лялинской словесной школе числилось 20 человек, с февраля – пятеро новичков, т. е. состоялось второе массовое зачисление детей [Там же, д. 857, л. 179–181]. Среди принятых были сын плавильщика Иван Митрофанов, сын отставного капрала, рассыльного заводской конторы Яков Гробов, кузнечного работника

Иван Прокопьев, им было по 8 лет. Были взяты учиться и 10-летние сыновья бергаура (добытчика руды) Федот Калапов и горного ученика Афанасий Романов. Новички учили часослов и писали слова, только Прокопьев еще осваивал азбуку.

Судя по записным книгам заводской конторы, сын кузнеца Михаил Воробьев подал прошение об определении его к делам и в апреле был направлен в кузнечные работники к отцу, трудившемуся уже на Кушвинском заводе. Сын засыпщика руды Егор Чуркин, обучавшийся письму, в ноябре отпущен конторой в школу на Кушвинский завод по прошению отца, переведенного туда на работу [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 28, л. 22об, 27, 93об. 97об.; 68, 100]. В августе Лялинская контора отправила доношение в Екатеринбург «о обучении пробирному делу» сына отставного плавильного мастера Леонтия Карпова, в октябре указом КГЗП он «был определен в арифметическую школу и для проб руды велено присылать [его] в Екатеринбургх». Василий же Пушкарев, подьяческий сын, в июне 1739 г. с разрешения канцелярии был определен к ценовальнику Лялинского завода для помощи ему в ведении записей [Там же, л. 62, 90, 95об.].

В первой трети 1740 г. из 23 учеников Лялинской школы «в учении письма» числились пятеро, пятеро «пишут прописи», столько же твердили псалтирь и писали прописи, четверо учили часослов и писали прописи или слова. Четверо новеньких числились в ведомости с 4 декабря 1739 г.: сыновья плавильщика Гаврило Губанов 8 лет, афутрайгера Василий Гилев 8 лет (их старшие братья в школе со дня ее открытия); сын «плотинщика» Иван Булатов 7 лет и фарлауфера Петр Сукин 8 лет [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 857, л. 184–186об.]. Как видим, третье пополнение школы составили исключительно «малолеты», начавшие с азбуки, а двое успели за треть года перейти к часослову. Но напротив фамилий новичков отмечено, что жалование они «до указу» не получают.

Сирота, сын умершего горного ученика Иван Калинин 13 лет, писавший прописи, по указу канцелярии 16 февраля 1740 г. был вызван в Екатеринбург, а сын рассыльного конторы Яков Гробов, начавший учиться с февраля 1739 г., заболел 26 марта, 1 апреля 1740 г. скончался, научившись читать часослов и писать слова. Судя по отметкам ведомостей, ученики на Ляле болели очень часто. Так, весной 1740 г. из 23 детей болело десять человек, причем четверо из них по два раза [Там же].

Во второй трети 1740 г. учились лишь 17 человек [Там же, д. 857, л. 189–191], исчезли из списка Прокопьев, принятый в феврале 1739 г. и зачисленные в декабре этого года Губанов, Гилев и Сукин. Булатов же из группы декабрьских «переведен» в число принятых в феврале. Почти каждый второй ученик побывал в отпуске домой (на день, 3, 5,

11, 14 дней). Вероятно, четырех учащихся уволили из школы в связи с указом КГЗП «о небранье в школу подмастерских и рабочих детей до приезда... генерала-берг-директора», поступившим в контору 20 мая 1740 г. [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 29, л. 22]. Лялинское начальство побоялось начета, отныне разрешалось принимать в школу лишь детей мастеров, а таковые на Ляле отсутствовали.

Записные книги документов Лялинской конторы 1740 г. фиксируют ряд интересных фактов. 10 июня: «Учитель Степана Туесов отдан под караул в школу скован за непременное ево пьянство приказом ундер-шихтмейстера Василия Томилова». В этот же день: «Доношение словесной школы от [д]невальных учеников Михайла Пяткова да Афанасья Романова, что ис под караулу у них из школы учитель Степан Туесов ушел неведомо куда». 12 июня: «Доношение розсыльщика Ивана Банкова о объявлении ушедшаго ис под караулу учителя Степана Туесова» [Там же, д. 29, л. 25об.]. Из этих записей следует, что бывший поп соборной церкви Верхотурья на пятом году учительской должности явно злоупотреблял горячительными напитками, раз управитель завода решил даже содержать его в школе под караулом, т. е. без права покидать помещение. Но за недостатком служителей караул был поручен его же ученикам, 11-летним Пяткову и Романову. Ясно, что ученики дневалили в школе по очереди, по двое.

Книга исходящих документов Лялинской конторы 1741 г. за 23 февраля регистрирует указ «в школу учителям Портнягину и Туесову о перемене им между собою и о прочем», а 24 числа – рапорт в КГЗП «о приеме ученика Портнягина», 16 апреля – «Указ в словесную школу учителю Парамону Портнягину о обучении школьников и о прочем» [Там же, д. 30, л. 65, 69]. Таким образом, с февраля 1741 г. в Лялинской школе новый учитель сменил Туесова.

Имя Парамона Портнягина, сына «рудного приемщика», числится в ведомости Екатеринбургской словесной школы за первую треть 1737 г. Он учился в школе с 17 февраля 1736 г. и к концу первого года обучения, в 9 лет, уже твердил псалтирь и писал прописи [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 694, с. 4]. В ведомости арифметической школы Екатеринбурга за третью треть 1740 г. Парамон отмечен как сын рудного подштейгера, арифметику учил с октября 1737 г., ему 14 лет, он уже в геометрии, был в отпуске на Уктусский завод с 22 ноября до 20 декабря и с 20 декабря до 8 января [Там же, д. 857, л. 229об.]; видимо, там трудился его отец. Получается, что учителем на далекий Лялинский завод Парамон Портнягин был назначен уральским начальством в юном возрасте, 14 лет. В словесной школе под его началом из 17 учеников лишь шестеро были младше него (9, 11, 13 лет), двое – ровесниками (14 лет), а другая половина подопечных – старше учителя: 15 лет

(трое), 16 и 17 (по двое), 18 лет (один); в арифметической – два ученика, 16 и 18 лет [Там же, д. 906, л. 67–68об.].

Уже на первом году пребывания в должности Портнягин попадал в неприятные истории. В августе 1741 г. Лялинская контора доносила в Екатеринбург об отказавшемся получать жалованье за май ученике арифметики Губанове, при допросе в конторе показавшем, что не велел брать деньги его отец, плавильщик, так как Губанов был уволен от занятий на четыре дня, а жалованье Портнягин удержал за шесть дней. Но оказалось, если кто в субботу или в предпраздничный день отбывает в отпуск, то и за эти дни жалованье не начисляется, с Губанова надлежало удержать его даже за семь дней. Поэтому Томилов приговорил Губанова «за порицательные слова, якобы контора приказала написать к вычету излишно два дни... высечь розгами, дабы впредь как ему, так и его братье чинить было неповадно, а жалованье за май месяц записать в приход». Отца простить, хотя и следовало «за возмущение высечь батожьем», а Портнягина за то, что некоторые ученики за праздничный день отпуска жалованье все-таки получили, «за неисправность, за малолетством, высечь розгами» [Там же, д. 907, с. 286–287].

Юный учитель был наказан и второй раз, 21 октября 1741 г. В записной книге конторы читаем: «Наказан розгами учитель Парамон Портнягин за игру со школьниками в учебное время, а школьники Степан Бурулев и Федот Калапов за хольбу в школу в ночи не в указные часы с огнем по улице» [Там же, ф. 396, оп. 1, д. 30, л. 48]. Времена были суровые, и наказания под стать им – тоже суровые. Для нас важен факт, что юный учитель не чурался играть с детьми, на что обращал внимание и В. Н. Татищев в «Учреждении»: учитель обзывался «все непристойные игры ученические пресечь и отрешить, наипаче которые им вредны» для здоровья, игру в карты, но при этом учитель обзывался «не токмо в школах, но и в гулянии за ними надзирать» [Татищев, 1990, с. 241–242].

В первой трети 1741 г. в словесной школе у Портнягина учились те же 17 человек, что и у Туесова, причем все побывали в отпусках разной длительности [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 906, л. 67–68]. Двое учеников завершили обучение грамоте, перешли к арифметике, поэтому уральское начальство и прислало Портнягина, как обещало в 1738 г. Об учениках арифметической школы Портнягин составил первую ведомость: в ней числятся дети плавильщика Губановы Михаил 18 лет и Степан 16 лет, изучавшие деление чисел. 28 марта 1741 г. указано как начало занятий, значит, это и есть дата открытия Лялинской арифметической школы [Там же, л. 68об.].

В словесной школе во второй трети 1741 г. числилось 15 человек. Все побывали в отпусках длительностью 3, 8, 10, 12, 15, 16 и 28 дней; двое болели 12 и 14 дней. В арифметической школе оба ученика были в отпуске в течение 18 дней, учили тройное правило и раздробление [Там же, л. 120–122]. Как правило, во всех горнозаводских школах дети отпускались в отпуск для помощи родителям во время сенокосных работ. Так они проводили свои летние каникулы, но отпускались все разом на один срок, на неделю, на две, на десять дней. На Ляле же, видимо, это делалось с учетом личных интересов семей: у кого-то отцы трудились в это время на рудниках, поэтому некоторых учеников отпускали на больший срок.

Согласно ведомости за третью треть 1741 г., в словесной школе было 15 учеников, но 12 декабря двое из них переведены учиться арифметике: сын плавильщика Алексей Губанов 14 лет и сын горного ученика Влас Пономарев 17 лет. В арифметической школе стало четверо учащихся, новички учили вычитание [Там же, л. 957, л. 51–52].

В мае 1742 г. Портнягин подал доношение в Лялинскую контору об учениках школы: Максим Брюханов в словесной 7 лет учит часослов «и к науке весьма неспособен»; в арифметической же Михайле Губанову 19 лет, брату Степану 17, «онные ученики уже в работе быть годны». Лялинская контора, сообщая об этом в Екатеринбург, добавляет: «в работниках здесь имеетца весьма нужда», и запрашивает, с каким жалованьем их определить к делам [Там же, л. 107]. На это КГЗП в протоколе 8 июня зафиксировала: всех троих и кому исполнилось 15 лет определить в заводскую и горную работу, а жалованье назначить, как конторе предписано ранее [Там же, л. 112].

Шихтмейстер Лялинской конторы Василий Томилов позволил себе в доношении от 18 августа внести уточнение: некоторые школьники старше 15 лет, но «весьма малы и в заводских работах быть негодны», только трое годятся, поэтому Губановых контора велела определить в заводскую работу, ибо у них и отец в заводской, «и может детей своих при себе обучать, чему сам умеет»; Брюханова же и Пономарева распределить в горную работу с жалованьем рекрутов, 10 руб. в год [Там же, л. 114]. Летом 1742 г. в Лялинской словесной школе осталось всего 13 человек, в арифметической – один Алексей Губанов «в раздроблении» чисел [Там же, л. 190–191об.].

Осенью 1742 г., 11 сентября, Канцелярия Главного заводов правления констатировала: если число учителей и учеников не уменьшить, то перерасход штатных сумм будет хроническим, и приняла решение:

1. Сократить сеть школ; оставить их при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском заводах, при Пермском, Красноярском и Нер-

чинском горных начальствах. В школах Екатеринбургa обучать детей с Верх-Исетского, Уктусского, Сысертского и Каменского заводов.

2. Сократить круг учеников на казенном жалованье, давать его только сиротам, не имеющим отцов, детям «отставных от ремесел», солдат и разночинцев.

3. Детей мастеров, подмастерьев и заводских работников в школы не брать, кроме тех, кого отцы пожелают обучать на своем пропитании [Там же, оп. 12, д. 308, л. 84–91].

На основе этого решения школы при семи заводах стали закрываться. В ноябре прекратили свою деятельность и школы при Лялинском заводе, словесная после семи лет деятельности, арифметическая – не просуществовав и двух лет. Если бы не инициатива начальника заводов Татищева, большинство детей, проживавших при заводе, так и не овладели бы грамотой. Обе школы были самыми немногочисленными по числу учащихся среди других горнозаводских школ, но овладеть основами грамоты успели все дети школьного возраста, проживавшие при заводе (по нашим подсчетам, 36 человек, а четверо – и основами арифметики). Наиболее успешные ученики продолжили обучение в арифметической, немецкой и латинской школах Екатеринбургa. Вплоть до XIX в. других попыток открыть школу на Ляле не предпринималось.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбургa – Свердловска. Свердловск: [б. и.], 1950. С. 45–98.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М.: История заводов, 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 396. Лялинская заводская контора.

Диффузии технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011.

Нечаев В. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М: Гудок, 1944.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 7.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Сенат и его учреждения.

Сафронова А. М. Василий Татищев и первые иноязычные школы Екатеринбургa (1735–1750-е гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та ; СПб.: Алетей, 2024.

Сафронова А. М. Документы о побегах учащихся горнозаводских школ Урала первой половины XVIII в. // Источниковедение истории классовой борьбы рабочих Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1981. С. 147–159.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.

Сафронова А. М. Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721–1750-е гг.) // Книжные собрания Российской провинции: проблемы реконструкции : сб. науч. тр. Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН, ЛАИ УрГУ, 1994. С 124–137.
Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990.

УДК 94(470.5).06:656

К. А. Уланов

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТИРОВКИ ГРУЗОВ С КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА НА ПРИСТАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Уральская горнозаводская промышленность, игравшая огромную роль в экономике страны, в XVIII–XIX вв. сталкивалась с большими трудностями поставки готовой продукции на всероссийский рынок. Она удовлетворялась только гужевым и речным транспортом. Если многочисленные проблемы истории Урала изучены достаточно основательно, то доставка продукции от заводов до пристаней и дальнейший ее путь до Нижнего Новгорода, Москвы, Петербурга и других, как западных, так и восточных регионов страны, остались вне поля зрения исследователей.

Ключевые слова: караван, Урал, коломенка, Чусовая, коммуникации, транспорт, барка.

Главным и почти единственным транспортным средством края до постройки в 1878 г. Уральской горнозаводской железной дороги были водные пути и гужевой транспорт. Все многочисленные внутризаводские и междзаводские перевозки: подвоз руды, угля и др. материалов к заводам, грузов к пристаням и т. п. – производились гужевым транспортом [Гаврилов, 1998, с. 224–228].

Продукцию с заводов на пристани для последующей отправки на коломенках в Москву и Петербург возили главным образом крестьяне. Многочисленные работы по истории приписного крестьянства содержат сведения о повинностях, оплате работ, тяжелых условиях труда [Черкасова, 1980, 1985; Кривоногов, 1964; Савич, 1931; Смирнов, 1993; Сафронова, 1987; Орлов, 1979; Яцунский, 1973; Акишин, 1993; Пензин,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-18-00080 «Антропология горнозаводского центра: социальная стратификация раннего Екатеринбурга в 1723–1781 гг.».

1981]. Исследователи указывают на Плакат, где с формальной юридической точки зрения отражены все условия организации транспортировки продукции: версты, цены с грузом, обратный путь. Рассмотрим этот документ, изданный 26 июня 1724 г. – «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» [ПСЗ РИ-І, т. 7, № 4533]. Главным недостатком содержания Плаката была размытая формулировка условий труда крестьян – он фиксировал лишь оплату за день. При расчете пройденного пути не учитывались природно-географические особенности. Крестьянину следовало пройти с полным грузом 30 верст, а без него 50 верст, что за короткий зимний день было практически невозможно [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 305, л. 182–185]. Не учитывались рельеф местности, условия продвижения по пути следования, на котором нет мест отдыха, корма для лошадей, отсутствие жилья. В Плакате нет ни слова об оплате и зачете времени погрузки-разгрузки продукции. В итоге после преодоления 150–200 верст от дома до завода крестьянам предстоял еще почти 150-километровый путь до пристани и обратно. Не было уделено внимание главному транспортному средству – лошадям, которыми сельские жители очень дорожили: они во многом определяли их благосостояние.

Только один пример: когда В. Н. Татищев в 1736 г. потребовал взять каждого третьего крестьянина с лошадью в ополчение на борьбу с башкирами, все руководители дистриктов ответили: «собрать не можно», нет лошадей даже вспахивать пашню» [Там же, д. 621, л. 257–257об., 452–456]. Лишь у единичных крестьян в деревнях и селах было две лошади, горнозаводской Урал имел очень скудное обеспечение лошадьми.

В среднем с казенных заводов Урала вывозилось 250 тыс. пуд. продукции [Уланов, 2020, с. 59]. Но на лошадь в зимнее время можно нагрузить 25 пудов. Если предположить, что каждая подвода совершает только однократную поставу, то необходимо 10 тыс. лошадей. Длину одной повозки определим в 5 метров. Если их выстроить в ряд, то караван растянется на 50 километров. В реальности такого, конечно, не было. К этому нужно добавить, что путник не шел рядом с лошадью пешком, его вес тоже надо учитывать. В пути не было пунктов питания для людей и лошадей. Съестные припасы и корм нужно было везти с собой, что также увеличивало вес. Нужны дополнительные лошади, но они в Плакате не фигурируют.

И последнее – дороги. В Плакате зафиксировано зимнее время с октября по март. Однако в погодных условиях Урала до ноября, хотя и устанавливался зимний путь, во многих низких местах грунт не

промерзал, а значит, проезда не было. А в марте, в уже относительно теплое время, путь с полным грузом был невозможен, доставлять же на подводе половину было экономически невыгодно. В итоге устанавливались очень сжатые сроки: ноябрь–февраль, самые холодные месяцы с коротким световым днем.

Исходя из вышеизложенного, проследим основные позиции доставки продукции на пристани. При подсчете расстояний необходимо учитывать, что дорогу часто перемеривали, пытались обогнуть гористые и гиблые места, сократить, поэтому в документах встречаем разные цифры. Например, в 1735 г. зафиксировано, что до Уткинской пристани от Екатеринбурга было 68 верст, а до Курьинской – 74 версты [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 583, л. 13; д. 1012, л. 143–143об.]. Но ранее фигурировали иные цифры (табл. 1).

Таблица 1.

*Расстояние от заводов до Уткинской и Курьинской пристаней в 1733 г.**

Завод	Уткинская пристань (верст)	Курьинская пристань (верст)
Екатеринбургский	84	98
Каменский	176	186
Алапаевский	172	–
Синячихинский	182	–
Уктусский	93	107
Цесаревны Елизаветы	81	91

*Сост. по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 488, л. 1–8.

В первой трети XVIII в. при расчетах доставки продукции от Екатеринбурга до Уткинской пристани Сибирский обер-бергамт принимал расстояние, равное 100 верстам. В 1732 г. В. И. Геннину доложили, что подрядчики используют более короткий путь, проходящий через завод Цесаревны Анны, «куда толик числа верст быть неуповаемо, но менее». Шихмейстер Бекетов 20 января 1732 г. нашел и измерил дорогу, используемую частными предпринимателями. Она оказалась короче на 15 верст, но его измерения не убедили В. И. Геннина, по мнению которого, на информацию Бекетова «утвердиться ненадежно, ибо тое дорогу прокладывал не по компасу, но по сказке крестьянина» [Там же, д. 384, л. 63–63об.].

Для точного определения новой дороги от завода Цесаревны Анны до Уткинской и Курьинской пристаней был направлен марк-

шейдерский ученик Татищев. Измерить путь, по которому самовольно возили крестьяне и подрядчики, ему не удалось – «для того, что имеются по той дороге болоты, которые и по ныне еще не промерзли». Последовал следующий приказ: прибыть в деревню Макарова и с помощью 10 крестьян просечь дорогу от нее до Курьинской пристани по компасу. Татищев проложил дорогу, но 2 декабря 1732 г. доложил, что прямой путь до Курьинской пристани неосуществим: «имеются каменные горы и ездить чрез оные невозможно». Дорога, устроенная Татищевым, делилась на отрезки: Екатеринбург – деревня Макарова (47 верст); деревня Макарова – Уткинская пристань (12 верст); Екатеринбург – Курьинская пристань (72 версты); деревня Макарова – Курьинская пристань (29 верст) [Там же, л. 66–66об.].

Сибирский обер-бергamt питал большие надежды на вновь проложенную Татищевым дорогу, рапортуя в Берг-коллегию, что уменьшение времени, проходимое возчиками в пути, приведет к «немалой выгоде для казны». Однако использовать новую дорогу в начале зимы не удалось – болота не промерзли, и возчикам пришлось использовать старый путь. Поиски оптимального пути возобновились, было принято решение проложить прямую дорогу из Екатеринбурга до Шиловского медного рудника и далее до большой столбовой дороги, которая идет из Горного щита. Для выполнения этой задачи был направлен счетных дел копиист Старцов, команду его составили конюх и железных дел берг-гауер Василий Мосин [Там же, л. 67–69об.].

Попытки использовать дорогу Татищева не останавливались. Сибирский обер-бергamt 21 декабря 1732 г. пришел к выводу, что она стала пригодна для возки, но «не протоптана» – одиночные подводы утопали в снегу. Для решения проблемы был отправлен прапорщик Иван Рахвалов, он организовал протапывание дороги крестьянами, сдавшими железо на Уткинской пристани «на порожних лошадях». Как только новая дорога станет пригодна для езды нагруженными возами, то И. Рахвалову надлежало «вощикам велеть железо возить и на Курьинскую пристань, и в том их принуждать», при этом следя, чтобы крестьяне отвозили на Уткинскую и Курьинскую пристани железо поровну.

Проблема «протапывания» дороги не была зафиксирована в законодательных документах. Между тем, дороги необходимо было «протапывать», т. е. создавать колеи в обе стороны, причем не только в первый раз, но и после снегопадов повторять эту работу многократно. Здесь также крылась одна важнейшая «неприятность»: при прокладке дорог работники часто оставляли большой высоты пни. В летнее время они не являлись препятствием, а для зимней повозки были крайне опасны. Починка повреждения, полученного при стол-

кновении с преградой, скрытой под снегом, с полным грузом являлась тяжелейшей и долговременной работой. И ее начальники всех рангов также не принимали во внимание – не было «установлений», как платить за эти работы.

Даже после протапывания новой дороги до Уткинской пристани в 1732 г. Сибирский обер-бергамт столкнулся с сопротивлением крестьян возке – «а понеже от вошиков железа слух произносится, что та дорога проложена по горам и через камень». Для опровержения «слухов» И. Рахвалову поручили взять двух местных «знающих» крестьян и «буде явится проложенная дорога Татищевым неспособна, и они, возчики, сами пожелают проложить не по тем затесям, которые от Татищева проложены, то в том дана им воля», но ставилось условие – «чтоб от проложенной дороги Татищева недалеко отшиблось» [Там же, л. 83–83об.].

Преодолеть сопротивление крестьян не удалось. Машинный подмастерье Н. Бахорев 16 февраля 1733 г. отпрапортовал, что с Уткинской пристани «посылано было неоднократно немалое число подвод», дорога до Курьинской пристани была протоптана. Однако «возчики по той дороге, за упрямством своим, с железом не ездили», вследствие чего дорогу занесло снегом – «проехать весьма трудно» [Там же, л. 85–85об.].

Для получения представления об объемах транспортировки грузов представим сведения о весе привозимой на различные пристани продукции с казенных заводов (табл. 2).

Таблица 2.

*Грузы, перевезенные на пристани в 1733, 1743 и 1753 гг., пуд.**

Пристань	1733 г.	1743 г.	1753 г.
Уткинская	66 482	70 213	123 841
Курьинская	105 237	76 263	59 867
Сулемская	0	40 561	0
Верхняя Кунгурская	0	52 058	0
Ослянская	0	24 473	95 963
Илимская	0	0	60 902

*Сост. по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 488, л. 1–8; д. 965, л. 82–98; д. 1381, л. 223–224об., 239–240об.

Приписных крестьян ежегодно меняли по работам: рубка леса и жжение угля, перевозка руды, доставка продукции. В дистриктах

с подчиненными слободами и деревнями были руководители, назначенные от екатеринбургского начальства. Они были обязаны присылать людей. В апреле каждого года в конторе земских и судных дел на основе доношений от подведомственных старост и руководителей дистриктов составлялись расчеты по раскладам работ на крестьян в очередной заводской год, который начинался с 1 мая. Эти сведения докладывались руководству Екатеринбурга, а оно рассылало «разнарядку» управителям заводов [Там же, д. 913, л. 7–25].

Представим сведения о приписных крестьянах четырех слобод, которые должны были обслуживать все вспомогательные работы округа Екатеринбургских заводов в 1731 г. (табл. 3).

Таблица 3.

*Соотношение количества людей, положенных в подушный оклад по переписи 1719 г. и годных в работу в 1731 г.**

Слободы/ группы населения	Крутин- хинская	Красно- миская	Ольхов- ская	Белояр- ская	Итого
Крестьяне	1023/3870	893/328	603/219	936/348	3455/ 1282
Разночинцы	3/0	44/16	45/16	15/6	107/38
Всего	1026/387	937/344	648/235	951/354	3562/ 1320

*Сост. по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 331, л. 231.

Исключая умерших, беглых, старых, малых, увечных и скорбных, годных в работу было мало. Они были обязаны выполнять более 2,5 подушного оклада. Т. е. крестьянин вместо 1 руб. 10 коп. должен был заработать около 3 рублей. Первую часть суммы на перевозке продукции заработать было не так сложно, а вот вторая оказывалась часто неподъемной. С грузом до пристаней расстояние составляло примерно 80 верст. В день крестьянин проходил не более 30 верст, затратив на весь путь 2,5 дня, обратно – 1,5 дня. Итого поездка занимала 4 дня, за нее зачитывалось 24 коп. Дополнительно необходимо учитывать затраты на проезд от жилья до завода и обратно. За пять поездок (20 чистых дней, реально – месяц) подушный оклад выработан. Но с учетом того, что трудиться приходилось за всех списочных крестьян, то на работу тратились все зимние месяцы.

Так, в 1733 г. из 1011 душ мужского пола, приписанных к Екатеринбургскому заводу жителей Белоярской слободы, «годных в работу, исключая детей, стариков и умерших» было лишь 392 человека. В ре-

зультате каждый из работников должен был отработать 2,6 подушных оклада или 1 руб. 82 коп., что равнялось 30 дням возки железа на подводах до пристани [Там же, д. 488, л. 1об.].

Еще одной проблемой было то, что за весенне-летний-осенний периоды лесные дороги регулярно приходили в непригодное состояние: главным образом из-за падавшего сушняка и крупных сучьев. Поэтому дороги было необходимо расчищать для зимнего пути. Но ни в одной регламентации не фиксировались занятость людей и оплата затрат этой объемной работы. У приписного крестьянства летне-осеннее время было занято сельхозработами, выделение работников заводов для этих целей не было предусмотрено штатами. В итоге к началу зимних перевозок дороги не были готовы. Во время первых поездок крестьяне требовали от заводских начальников учета времени и оплату на время расчистки дорог. Местные руководители самостоятельно решить эту проблему не могли, обращались за разъяснениями в Екатеринбург. Сибирский обер-бергamt, в свою очередь, запрашивал пояснения в вышестоящих учреждениях. За весь исследуемый период окончательного решения не было принято. Расценки Плаката не изменили.

Необходимо учитывать и опасности, которые поджидали возчиков по пути следования. В первой половине XVIII в. не в диковинку было встретить содержащихся на цепи медведей даже в оградах домов по причине многочисленности этих хищников. Они из леса приходили к жилищам, часто нападали на лошадей и губили их. Да и иных зверей на лесных просторах было достаточно [Там же, д. 901, л. 452–453; д. 1414, л. 137]. В результате обозы с продукцией на пристани никогда не отправлялись в одиночку или небольшими партиями. Обычным явлением был караван, когда наряженные группы крестьян оформлялись в десятки во главе с десятником. Он был главным с момента приема продукции на всем пути следования: руководил порядком движения, остановками на отдых и кормом лошадей, сдачей ассортимента специальному ценовальнику на пристани.

Заработав подушный оклад, наиболее состоятельные крестьяне объединялись в команды для дополнительных заработков на перевозке. Они выбирали из своей среды лидеров – «охотников», вели торги по оплате в заводских конторах. В случае, если собрать артель не удавалось, то возвращались домой; в заводские конторы никто не приезжал. При таких обстоятельствах поставка могла оказаться на грани срыва, поэтому появлялся указ: «ежели охотников по Плакату и ниже той цены не явится, отправлять определенными по Генеральному расположению крестьянами и как возможно иметь старание, чтоб в возке оного ни мало остановки не чинилось и о том, куда надо надлежит послать указы» [Там же, д. 711, л. 226–228]. Затем имела место обыч-

ная практика: в селение отправляли солдат во главе с капралом или сержантом, через земских старост собирали команды и насильно высылали на заводы [Там же, д. 488, л. 27–29об.].

Указы о системе заключения и исполнения подряда начали разрабатываться с 1711 г. В целостном виде система оформилась указами Сената от 12 августа и 2 октября 1715 г., а также 14 декабря 1716 г. В них четко прописана ответственность исполнителей, а также их поручителей и должностных лиц, определены штрафы с обеих сторон за невыполнение условий. Размеры денежных сумм, естественно, не назначались – разновидностей подрядов было много, этот вопрос отдавался на усмотрение местных руководителей.

В главах Генерального и Адмиралтейского регламентов вышеперечисленные указы приняли обобщенный вид, за неисполнение которых грозили кары – чтобы «всяк осмотрясь подряжался» [Там же, д. 1525, л. 289–290].

Уральское горное начальство пользовалось вышеописанным законодательством до начала приписной системы, т. е. до появления Плаката. Так, в 1722–1724 гг. перевозка припасов с Уктуса до Уткинской пристани в зимнее время выполнялась исключительно подрядом, деньги «зачитались крестьянам в подать» с пуда по одной копейке [Там же, д. 44, л. 49–52]. Если учесть, что крестьянин мог за неделю выполнить взятый подряд, а лошадь везла 25 пуд., то получаемую сумму можно считать вполне приемлемой.

В Плакате зафиксированы цены за исполнение работ: в летнее время «мужику с лошадей» платили 10 коп., пешему работнику по 5 коп., в зимнее конному работнику 6 коп., а без лошади по 4 копейки в день. Зафиксированные в этом документе нормы стали на несколько десятилетий юридической основой взаимоотношений приписной деревни с горными заводами [Смирнов, 1993, с. 23]. Можно объективно признать, что они вполне приемлемы. В месяц (25 рабочих дней без учета праздников) крестьянин мог заработать 1 руб. 50 коп. Такую же оплату в исследуемый период получали работники в фабриках на добыче руды. В год выходило 15–18 руб. Однако, если учесть условия труда в зимнее время, полную оторванность крестьянина от среды постоянного обитания и переносимые невзгоды, становится понятным нежелание крестьян выполнять обязанности по перевозке. Поэтому власти искали варианты улучшения взаимоотношений с работниками.

12 ноября 1730 г. Берг-коллегия уточнила порядок организации провоза до пристаней продукции с заводов, с обязательным условием: «чтобы на сибирских заводах подрядчики и наемщики были не припленные, но приписные же к заводам слобод, или хотя и других, токмо подлинно тамошние сибирские жители, кои в переписи и в вклад положены, а не из русских городов» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 488, л. 1].

С середины 1740-х годов система подряда усовершенствовалась: подрядчики стали договариваться с заводским начальством не на единовременные поездки и вывоз от 500 до 1 000 пуд., а на весь годовой объем производимой продукции. Но непременно оговаривалось условие – вывоз должен быть завершен до весенней распутицы, т. е. до середины марта, при этом всегда фигурировала скидка в пользу заводов от расценок Плаката.

В 1732 г. подрядчики были готовы перевезти 21 100 пуд. до Уткинской пристани по цене 18 руб. с тыс. пуд. и 19 100 пуд. до Курьинской пристани по 22 руб. с тыс. пуд. Сибирский обер-бергамт отказал подрядчикам, мотивировав свое решение тем, что провоз за плакатную плату будет более выгоден для казны. По расчетам горных чиновников, при использовании труда приписных крестьян с оплатой в зачет подушного оклада стоимость доставки до Уткинской пристани составит 17 руб. 50 коп. с тыс. пуд., до Курьинской пристани – 19 руб. 60 коп. с тыс. пуд., «а по указу из бывшей Берг-коллегии свыше плакатной дачи подряда производить не велено, а велено работы отправлять за плакатную плату приписными к заводам крестьянами» [Там же, д. 384, л. 68].

Ранее изъявившим желание к возке припасов подрядчикам было предложено явиться к шихтмейстеру Бекетову, находящемуся у прихода и расхода заводских припасов, и заключить договор по ценам не выше указанных в Плакате 1724 г. На столь невыгодных условиях желающих наняться для возки припасов на пристани не оказалось, и весь объем доставки железа разложили на крестьян Арамильского, Камышловского дистриктов и жителей Екатеринбургской, Шарташской и Становой деревень [Там же, л. 67–69об.].

Организовать крестьян к возке железа за плакатную плату должны были земские конторы [Там же, л. 87–87об.]. Для точного подсчета количества крестьян, необходимых для возки, с заводских контор собирались реестры о предполагаемом к отправке количестве груза, распределенные на каждый из определенных к заводам дистриктов. В земские конторы Арамильского и Камышловского дистриктов были направлены нарочные солдаты с реестрами о необходимом количестве работников, в их задачи также входило ускорение отправки крестьян в работы [Там же, л. 94–95, 97].

Нарочному солдату Луке Шульгину, отправленному в Камышловский дистрикт «для высылки крестьян с конями к возке железа, меди и прочих припасов в Уткинскую и Курьинскую пристани», была выдана инструкция, согласно которой ему надлежало, во-первых, требовать от управителя Камышловской земской конторы выдачи крестьян в соответствии с прикрепленным к инструкции реестром;

а во-вторых, во время пребывания в деревнях «обид и разорения никому не чинить, опасаясь за то военного суда» [Там же, л. 103–104].

В 1733 г. возка железа была разложена на старопоселенных крестьян, разночинцев и записных по комиссии, но в Сибирском обер-бергамте понимали, что «на оной расклад утвердиться ненадежно». Записных по комиссии выслали на прежние жилища, «а иные разбежались». Нехватка работников для возки объяснялась еще и тем, что крестьяне Арамильского дистрикта, которых планировали отправить в работы в счет подушного оклада, уже были, по определению Сибирского обер-бергамта и рекламации В. И. Геннина, в сентябре 1733 г. определены в доставку угля на заводы и возку пильного леса с Каменской пильной мельницы на пристани к строению коломенок. Проблему дефицита работников пытались решить привлечением уктусских бобылей, но пришли к выводу, что «на оных утвердится ненадежно, ибо оные мужи скудные и безлошадные». Приняв во внимание нехватку рабочей силы, Сибирский обер-бергамт в октябре 1733 г. решил объявить подряд, но «только чтобы от того против платежа, положенного крестьянам дешевле было» [Там же, д. 488, л. 9–10].

Наиболее часто меры по высылке крестьян для возки припасов применялись в критическое время, «когда дороги рушились». Управители пристаней были обязаны присылать еженедельные сводки о прибывшей продукции. В отчетах, посылаемых ближе к распутице, всегда присутствовали такие слова: «с некоторых заводов в отпуск на пристани железа самое малое число, время же приближается вешнее и опасно, что припасы на заводах останутся..., приключится может немалый казенный убыток» [Там же, д. 711, л. 244]. И вновь следовал строгий указ из Екатеринбурга всем подчиненным: «не упускать зимнего пути под опасением жестокого штрафа», и солдатские команды насильно выгоняли крестьян работать по Плакату.

Особое недовольство крестьяне выказывали при доставке продукции на удаленные пристани. В этом отношении выделялась Сулемская пристань. В 1732 г. в Сибирском обер-бергамте отмечали, что сюда «за дальним расстоянием и неспособным путем» «охотников»-подрядчиков никогда не являлось [Там же, д. 384, л. 34]. Действительно, для сокращения расстояния дорогу проложили по «горам через камень». Лошадь с полным грузом не могла подняться на горы, а спуск с гор грозил поломкой ног. Помогали в решении проблем только жесткие административные меры, но иногда власти шли на уступки. Так случилось с Сулемской пристанью – дорогу провели в обход гор [Там же, л. 38–43 об., 67–69 об., 83–86].

Необходимо также отметить, что на заводах довольно часто по заказам из столиц изготовлялась негабаритная по весу и размерам для

перевозки на крестьянских санях продукция. В этих случаях для перевозчиков наступала самая тяжелая работа, которая заканчивалась в лучшем случае измором лошадей. Бывали даже случаи, когда начальство вынуждено было признавать невозможность выполнения возложенных на крестьян работ. Так, например, случилось на Кушвинском заводе в 1751 г.: изготовленные поды для печей в упряжке из восьми лошадей не смогли дотянуть до пристани. Продукцию пришлось переплавить [Там же, д. 1343, л. 64–80].

Важно отметить заботу о состоянии летних дорог, поскольку грузы продолжали доставлять на пристани и в это время. Это были припасы с коломенок, не сумевших преодолеть путь по Чусовой; различные припасы, отправленные с Пысгора в Екатеринбург и обратно, опоздавшие к каравану товары. Поэтому в Канцелярии казенных пристаней по мере накопления достаточного количества грузов составляли росписи, где указывалось наименование и вес товаров, поступивших после отбытия каравана [Там же, д. 1381, л. 252об.].

Таким образом, организация доставки продукции заводов до пристаней включала в себя формирование дорожной сети и систему распределения работ между крестьянами. Прокладка и поддержание проходимости дорог горной администрацией осложнялись нехваткой специалистов и конфликтами с возчиками, не желавшими использовать новые пути, которые прокладывались по укороченному маршруту, но при этом слабо учитывающими рельеф местности. Такое положение дел еще более накаляло социальную обстановку, ведь при расчете оплаты крестьянам власти использовали укороченный маршрут, а не фактически используемый возчиками.

Решение проблемы нехватки крестьян с подводами для транспортировки продукции путем заключения подрядов не было эффективным. Крестьяне, фактически выполняющие двойные нормы выработки, не располагали свободным временем и ресурсами, чтобы дополнительно наниматься в работы по расценкам не выше Плаката. Исключением были артели, предприимчивые организаторы которых могли увидеть в совокупности порожняком возвращающихся подвод и переплетении дорог возможность использования крестьянского труда за минимальную плату. Сжатые зимние сроки доставки продукции, долгие переговоры с подрядчиками, юридические ограничения, не позволяющие устанавливать цену доставки выше Плаката, приводили к организации высылки на работы приписных крестьян.

Акишин М. О. В. Н. Татищев и формирование института приписных крестьян на Урале (1720–1722) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1993. С. 157–168.

Гаврилов Д. В. Транспорт горнозаводского Урала XVIII–XX вв.: процессы модернизации и регионализации // Урал в прошлом и настоящем : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 24–25 февраля 1998 г.). Ч. I. Екатеринбург: ИИА УрО РАН : УрГИ, 1998. С. 224–228.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Уральское горное управление.

Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800–1860) // Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1964. С. 5–227.

Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Пензин Э. А. Документы местных органов горнозаводского управления как источник о побегах мастеровых, работных людей и приписных крестьян с уральских заводов в первой половине XVIII века // Источниковедение истории классовой борьбы рабочих Урала. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1981. С. 130–146.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 7.

Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений в XVIII–XIX вв. М.: Всесоюз. общ-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1931.

Сафронова Т. В. Законодательные источники о формировании и положении рабочей силы на металлургических предприятиях России и Урала во второй половине XVIII в. // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII начала XX в. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1987. С. 4–13.

Смирнов С. С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в. Челябинск: ЧГИИК, 1993.

Уланов К. А. Доставка продукции уральских казенных заводов в европейскую часть России в первой половине XVIII века // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 48–63.

Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М.: Наука, 1985.

Черкасова А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII в. Пермь: ПГУ, 1980.

Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1973.

УДК 94(470.531).06:336.02

А. К. Гагиева

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ КОМИ КРАЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОВИННОСТИ. XVIII ВЕК

Работа посвящена исследованию системы налогообложения крестьян Коми края в XVIII в. В этот период происходят кардинальные изменения во всей налоговой системе. На место подворной приходит подушная система обложения. При выплате государственных налогов имели место региональные особенности, не нашедшие отражения в литературе. Цель

статьи – рассмотреть сбор денежных налогов и сборов на территории Коми края. Для ее достижения решались следующие задачи: определение номенклатуры налогов и сборов, проанализирована динамика налогообложения, выявлены особенности изменений в налоговой политике и т. д. Установлено, что крестьянство выплачивало в пользу государства подушную подать, оброчный сбор и всевозможные «мирские» денежные налоги. Они не оставались неизменными и постоянно возрастали. Появились новые чрезвычайные налоги и сборы. Усиление налогового пресса приводило не только к ухудшению экономического положения крестьян, но и стимулировало население к поиску новых источников дохода. К концу исследуемого периода возрастает роль внеземледельческих занятий крестьянства, доходы от которых постепенно становятся главным источником средств для уплаты денежных налогов и сборов.

Ключевые слова: оброчный сбор, Яренский уезд, Усть-Сысольский уезд, подушная подать, налоги, крестьяне.

Актуальность изучения фискальных отношений в государственной деревне на протяжении феодальной эпохи продолжает сохранять. Это связано с тем, что они определяли жизнь каждой крестьянской семьи и оказывали существенное влияние на развитие всей системы феодальных отношений. В исследуемый период изменялась система налогообложения, появились новые виды денежных налогов и сборов, произошел переход к подушному обложению. Крестьянство при этом оставалось основным налогоплательщиком. Важно также отметить, что для изучаемой территории отсутствуют специальные исследования, посвященные данному сюжету. Цель статьи – проанализировать основные денежные налоги и сборы государственных крестьян Коми края в XVIII в. и показать роль общины при выполнении фискальной функции. Для ее достижения решались следующие задачи: определение номенклатуры налогов и сборов, анализ динамики налогообложения, выявление особенностей изменений в содержании налоговой политики и ее оценка ее результатов.

История фискальных отношений Европейского Севера имеет обширную историографию, особенно по XVII в. Первыми работами в этом направлении были труды М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» [Богословский, 1909–1912] и С. Б. Веселовского «Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» [Веселовский, 1913–1917, т. 1–2]. Авторы представили номенклатуру налогов и сборов северных черносошных крестьян в XVII в. и совершенно справедливо указали на ведущую роль крестьянской общины, которая принимала активное участие в их раскладке. Вместе с тем, не всегда оправданно данные о номенклатуре и размерах налогов и повинностей, падавших

на черносошных крестьян, переносились на крестьян монастырских и наоборот. Не стала предметом изучения исследователей и выплата денежных налогов и сборов в начале XVIII в., когда налоговая система была изменена кардинально.

В советский период изучение вопросов налогообложения крестьян в северной деревне продолжилось. В первую очередь это работы А. И. Копанева [Копанев, 1984], П. А. Колесникова [Колесников, 1968, 1976] и др. На впервые вводимых в научный оборот исторических источниках авторы показали не только динамику выплаты налогов и натуральных повинностей в XVII–XVIII вв., но и обратили внимание на специфику фискальных взаимоотношений государственного крестьянства Европейского Севера и государства. При этом был доказан постоянный рост налогообложения и ужесточение налогового давления на население.

В конце XX – начале XXI вв. исследование налогообложения вышло на новый уровень. Появились новые интересные методики, изучались фискальные отношения у финно-угорских народов [Кузьмин, с. 241–246], крестьян Центральной России [Александров, 1976; Прокофьева, 1981] и Сибири [Миненко, 1991; Громыко, 1965].

Нельзя не сказать и о региональной историографии. Вопросами фиска в контексте изучения истории крестьянства Коми края XVIII в. занималась Д. Д. Балугева [Балугева, 1958, с. 220–231]. В ее работах по истории Республики Коми этому было уделено особое внимание. Вместе с тем выплата населением денежных налогов рассматривалась лишь в контексте ухудшения экономического положения крестьянства и обострения социальных конфликтов. К этим же выводам пришли и авторы обобщающих работ по истории Республики Коми эпохи феодализма [История Коми..., 2004, т. 1, с. 270–280].

При изучении истории налогообложения в северной деревне в XVII – начале XVIII вв. особо следует отметить исследования М. А. Мацука. Автор ввел в научный оборот не только новый историко-ведческий материал, но и представил новую методику анализа денежных налогов и сборов в черносошной деревне. Разработанная исследователем система подсчета позволила показать реальную систему налоговой эксплуатации местного населения и выйти на вопросы бюджетирования крестьянской семьи [Мацук, 2007, с. 216].

Вопросами динамики фискального номинального и реального уровня налогов населения Коми края в начале XIX в. занимался П. П. Котов [Котов, 1996]. Он связывал номинальный ряд окладов подушной и оброчной подати с курсом рубля и подчеркивал, что «в реальности в последней трети XVIII в. тяжесть этих налогов оставалась на одном уровне» [История Коми..., 2004, с. 273]. Изучением

крестьянской поземельной общины в Коми края в XVIII в. занимались и занимаются другие исследователи [Гагиева, 2023, с. 54–64].

Для достижения поставленной цели в работе были использованы опубликованные и неопубликованные документы. Неопубликованные представлены документами, отложившимися в различных архивохранилищах страны: Российского государственного архива древних актов [РГАДА, ф. 609, оп. 2] и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН [НА КНЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 12, д. 45; ф. 5, оп. 2, д. 401]. Были изучены постановления воеводской канцелярии, уездного суда, документы волостных органов управления, отчеты и донесения представителей волостной и уездной администраций по вопросам землевладения и землепользования. Для решения задач исследования также был привлечен массив опубликованных источников – нормативные и законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи [ПСЗ РИ-1].

Необходимо отметить, что исследователям, которые занимались и сегодня занимаются проблемами феодализма, представленные исторические источники хорошо известны. Тем не менее, для изучения системы налогообложения крестьянства Коми края в XVIII в. они привлечены впервые.

Как уже неоднократно отмечалось, Коми край – термин условный. Он включал территории бассейнов текущих в разных направлениях рек: Печоры, Вычегды, Сысолы и их притоков. Население, проживавшее здесь, было представлено коми-зырянами и издавна проживало в крестьянских общинах. Административными центрами к концу изучаемого периода были гг. Яренск и Усть-Сысольск, относящиеся к Вологодской губернии. Северные районы: Пустозерский уезд и Пысская волость входили в Мезенский уезд Архангелогородской, а южные (район рек Лузы и Летки) – в Лальский уезд Вологодской губернии [История Коми..., 2004, с. 218–236].

Крестьянство, жившее здесь, в большинстве своем относилось к категории черносошных, а с начала XVIII в. – государственных. Они не знали крепостной зависимости, выплачивали налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства, которое являлось собственником всей земли в крае, включая удобные и неудобные для хлебопашества земли. Власть в лице императора передавала право пользования землей крестьянским организациям, за что последние должны были выплачивать денежные налоги и исполнять повинности [Там же, с. 237–245].

Начиная со второй половины XVIII в., правительство постепенно начинает крупномасштабные мероприятия по регламентации всех денежных налогов и сборов, получаемых с государственной деревни.

Начало было положено указами Екатерины II, когда в стране была проведена денежная реформа. Все денежные налоги и сборы были условно разделены на две большие группы – государственные и «земские». К первой группе были отнесены денежные налоги и сборы, которые были узаконены имперскими правительственными актами, а также те, которые поступали из центральных органов власти и управления в Яренскую воеводскую канцелярию. В нашем случае это указы, поступающие из гг. Вологды, Архангельска. Вторая группа – это денежные сборы, которые накладывались на крестьян на «мирском» сходе с целью сбора денег на:

- содержание крестьянского управления и «мирской» избы;
- выплату денежного вознаграждения для сопровождения заключенных;
- отправку собранных налогов и сборов, в гг. Яренск и Усть-Сысольск;
- командирование крестьянского представителя в уездный город для решения текущих дел волости и др.

Следует отметить, что к концу XVIII в., наблюдается строгая регламентация налогов первой группы; вторая группа была унифицирована лишь в 1843 г. В изучаемое время отсутствовали законы и иные распоряжения правительства о сборе денег на нужды волости и деревни. Они становились обязательными только после принятия решений на «мирском сходе» и вводились по потребности крестьян.

Известно, что на протяжении XVIII в. изменялась не только номенклатура денежных налогов и сборов, но и принцип их сбора. К началу изучаемого периода в России существовал подворный принцип сбора налогов. В основе оклада лежало зафиксированное в писцовых книгах число крестьянских дворов. С 1718 г. по распоряжению Петра I начинается кардинальное изменение фискальной политики. Этому была посвящена целая серия законодательных актов. Так, если за период 1650 по 1825 гг. было издано всего 142 распоряжения по данному вопросу, то с 1718 по 1800 гг. – 92 [ПСЗ РИ-I, т. 8. № 5226; т. 9. № 7205; т. 12. № 9244; т. 15. № 1112]. Они включали не только распоряжения по изменению всей системы налогообложения, но и четко указывали на основные виды денежных налогов и сборов. С 1724 г. подтверждался новый принцип сбора денежных налогов не со двора, а с «души мужского пола», записанной в кадастровые росписи (ревизские сказки). Этот новый принцип налогообложения просуществовал в течение всего изучаемого периода.

У государственных крестьян России и Коми края основная ответственность за сбор налогов и различных сборов возлагалась на кре-

стьянскую общину и выборное крестьянское управление. Последнее должно было исправно следить за их выполнением [ПСЗ РИ-I, т. 23. № 1546; т. 24, № 17082]. В узаконениях говорилось о наказаниях за невыплату налогов, предлагались меры по борьбе с недоимками, «учинившимися при сборе оных». При этом неоднократно указывалось на недопустимость излишних сборов с крестьян со стороны администрации, как уездной, так и волостной. Подтверждалось наказание должностных лиц за подобные действия.

В исторической литературе существует мнение, что причиной изменения фискальной политики государства стала «постоянная нехватка денег для ведения войны» [История Коми..., 2004, с. 270]. С этим трудно не согласиться. Однако не только война со Швецией привела к изменениям в системе сбора денежных налогов. Существовали и экономические причины, связанные с продолжающейся модернизацией страны, появлением новых промышленных центров и т. д. Все это требовало новых денежных поступлений. Расширение налоговой базы, повышение налогов происходили в контексте укрепления собственности государства на землю и связанной с ней системы бюрократического контроля, что усиливало политическое могущество императора и утверждало новый порядок фискального надзора. Переход на подушное обложение, таким образом, рассматривался властью как территориально-силовой ресурс, подкрепляющий независимость имперской власти перед лицом крупных феодалов.

В XVIII в. кардинально изменяется номенклатура налогов и повинностей крестьян. Как показано в исследованиях М. А. Мациука, к началу века черносошные крестьяне страны и Коми края, кроме окладных денег со двора, платили в казну стрелецкие деньги, а также чрезвычайный налог – деньги ратным людям на жалование, и выполняли целый ряд натуральных повинностей в денежной форме: ямскую, поставку даточных людей в стрелецкие и солдатские полки и т. д. [История Коми..., 2004, с. 271]. При этом стрелецкие деньги собирались до введения подушной подати в 1724 г.

Подушная подать в начале XVIII в. определялась, исходя из размера оклада двора стрелецкими деньгами. Так, по первой ревизии в стране насчитывалось 5 603 тыс. «тягловых» душ и подушный налог составил в 1724 г. 74 коп. После уточнения числа налогоплательщиков сумма снизилась до 70 коп с души [Дружинин, 1946, с. 48]. Однако появились трудности. Известно, что крепостные крестьяне, кроме подушной подати, исполняли еще и всевозможные натуральные повинности в пользу помещика. Последний сам определял их номенклатуру и сроки выполнения. Исходя из этого, повинности государственных крестьян, определенные законодателем, оказались ниже, чем у кре-

постных. Для того, чтобы сгладить это противоречие, император одновременно с введением подушной подати ввел для черносошных крестьян и других сословий оброчный сбор – 40 копеек с души [История Коми..., 2004, с. 271]. При этом было гарантировано, что «больше того никаких денежных и хлебных податей и подвод иметь и платить неповинны» [Дмитриева, Козлов, 2001, с. 139].

После смерти Петра I налог снизился и составил в 1740 г. 53 коп., но на следующий год, в 1741 г., это было уже 70 коп. В 1744–1750 гг. брали по 60 коп, а в 1744–1750 гг. по 70 коп. с души мужского пола. В 1751 г. налог составил 67 коп., в 1752 г. – 66, в 1757–1758 гг. 62 коп., а с 1759 по 1793 гг. – 70 коп. В 1793 г., по курсу ассигнационного рубля, он составил 72 коп., в 1794 г. – 87 коп., в 1795 г. – 1 руб. 02 коп. и в 1798 г. – 1 руб. 46 коп. Аналогичная ситуация была и с оброчным сбором. С 1724 г. по 1760 г. он составлял 40 коп. с души. По указу от 12 октября 1760 г. сбор был повышен до 60 коп., а в 1769 г. он составлял уже 2 руб., и в 1783 г. – 3 руб. 57 коп. [ПСЗ РИ-I, т. 23, № 4650; т. 23, № 1722; т. 24, № 18278 и др.; НА КНЦ Уро РАН, ф. 1, оп. 12, д. 45; ф. 5, оп. 2, д. 401].

В 1797 г. правительство в отношении выплаты оброчного сбора ввело принцип учета и сбора денег исходя из «экономических выгод состояния губерний». Все губернии были разделены на четыре класса, в пределах которых определялись принципы введения оброка. Яренский и Усть-Сысольский уезды (Вологодская губерния) вошли в 3-й класс, но оброчная выплата была назначена по уровню 4-го класса, намного более низкому. В итоге, все государственные крестьяне Коми края выплачивали до 1810 г. 3 рубля 57 коп. оброчного сбора с души мужского пола [ПСЗ РИ-I, т. 31, № 24116; т. 32, № 24992, 24993].

Кроме основных денежных налогов, крестьяне платили другие различные денежные налоги и сборы. Так, в Яренском уезде с 1711–1712 гг. существовал «провиантский сбор», когда необходимо было собирать деньги для отправки «своими силами ржаной муки для воинских людей в г. Архангельск», а также денежный налог «в военный приказ ратным людям на жалование» [История Коми..., 2004, с. 271]. Он получил несколько названий: «полуполтинный», или «деньги военного приказа на жалование драгунам», или «драгунские деньги». Сумма его составляла 25 коп., с крестьянского двора. Существовали и другие сборы. В 1706 г. сбор по 8 коп., с каждого двора «на дачу рекрутам» и «на дачу армейским извозчикам»; в 1707 г. «на наем подвод под артиллерийские припасы» от 6 коп., до 13 коп. с двора. В 1710 г. собирались деньги на строительство г. Санкт-Петербурга: «к петербургскому городовому делу на кирпичное дело», «на известное жжение (жжение извести)», «на припасы и на дело судов» и другие. Их

общий размер составлял 30 коп. с двора. В 1713 г. собирались «полтинные деньги» «для нынешней с турками войны» [Дмитриева, Козлов, 2001, с. 124–125]. Денежным сбором были обложены оформление бумаг и использование «гербовой бумаги». В литературе он получили название «канцелярских сборов». Общее количество сборов в исследуемое время приближалось к пятидесяти [История Коми..., 2004, с. 272].

После смерти Петра I часть сборов была отменена и к концу исследуемого периода наблюдалась тенденция, когда власть не увеличивала сумму основных денежных налогов, а постепенно присоединяла все существовавшие сборы к подушной подати.

Нельзя не согласиться с мнением П. П. Котова, что рост подушной подати в отдельные периоды, например, в конце XVIII в. был связан «с падением курса денег и стремлением компенсировать потери реальных выплат» [История Коми..., 2004, с. 340]. В другие периоды правительство шло на увеличение подушной подати, возможно, учитывая потери от снижения курса бумажных денег. Видимо, с этой же причиной связано и изменение суммы оброчного сбора, который в первой половине XIX в. постоянно увеличивался [История Коми..., 2004, с. 339].

Как и на всей территории имперской России, в Коми крае местные административные власти прилагали все усилия, чтобы собрать государственные налоги в полном объеме. До 1780 г. налоги должны были поступать в уездную канцелярию, а в последующее время – в уездные казначейства. Обычно указ о начале сбора поступал в уездные органы из провинциального, а позднее из губернского центра. В нем указывалась сумма, которую необходимо было получить с населения уездов. Из г. Яренска и Усть-Сысольска на места отправлялся указ о том, сколько должна собрать каждая волость. Крестьянское управление должно было совершить раскладку налогов внутри общины и своевременно отчитаться.

Вторую группу денежных налогов составляли так называемые «земские» сборы. В нашем распоряжении имеется расходная книга земского целовальника Гарьинской волости Михаила Аввакумова за 1774 г. В источнике расписаны все потраченные суммы, собранные от населения. Это оплата самых разнообразных поручений: от «письмовождения и приложения руки» к документам, до «сбора и отправки подушных денег в Яренск» [РГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 172, л. 44–45]. Данный документ являлся подтверждением работы земского целовальника по расходованию «мирских денег». Появление его было связано с жалобой крестьян Гарьинской волости на земского целовальника в Яренскую канцелярию на «неправильные сборы» [РГАДА, ф. 609,

оп. 2, д. 172, л. 44–45]. Крестьяне волости были недовольны собранными суммами, которые, по их мнению, были «в излишестве». Яренская воеводская канцелярия организовала проверку. Она подтвердила воровство и нецелевое расходование «мирских» сумм. Итогом стало отстранение Авакумова от должности. И такие случаи не единичны [РГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 189, 193, 238 и др.].

Следует признать, что власть в лице Яренской воеводской канцелярии, а позднее – Усть-Сысольского уездного суда, неоднократно призывала представителей крестьянского управления «истребить» финансовые злоупотребления, но ничего не помогало. Выбранные в крестьянское управление должностные лица, которые должны были отвечать за сбор, доставку, сохранность денежных налогов, собранных в волостях, воровали, присваивали собранные суммы и своим поведением вызывали горькое разочарование.

Причина этого, на наш взгляд, коренилась не только в личных качествах отдельных представителей управления, но и в том, что крестьянская община сама раскладывала все денежные налоги и сборы «между собою» с учетом состоятельности каждого крестьянина и его семьи. В то же время государство назначало выплату налогов, исходя, как уже было отмечено, из числа «душ мужского пола», проживающих в данной волости, не учитывая состоятельности населения. Мирские сборщики, в нашем случае целовальники, должны были собрать общую сумму и отправить ее в г. Яренск, а позднее в г. Яренск и Усть-Сысольск. Сама раскладка не была прописана, поэтому лица, отвечавшие за нее, могли, уменьшить оклад у одних и прибавить другим. Это вызывало недоумение и протест у односельчан.

Должностные лица по своему усмотрению скрывали реальные оклады, делали неточные записи, небрежно оформляли решения мирских сходов. Окладные книги не сохранялись, сбор денег не фиксировался, уездная администрация не осуществляла никакого контроля. Главным всегда оставалось своевременность доставки налогов и отправка их в губернский центр. На местах «мирской» сход не всегда был в состоянии проследить за всеми манипуляциями должностных лиц. Если же это происходило, то их или «самовольно смещали» всем обществом, или направляли в вышестоящие органы, в уездные города многочисленные жалобы на «неверные и сумнительные сборы».

Таким образом, денежные налоги и сборы крестьян Коми края на протяжении исследуемого периода не оставались неизменными. В первую очередь, изменился принцип налогообложения. Подворный был заменен подушным. Появились новые чрезвычайные налоги и сборы. Наблюдался постоянный их рост.

При этом необходимо признать, что усиление налогового пресса приводило не только к ухудшению экономического положения крестьян, но и активизировало население на поиск новых источников дохода. Известно, что в конце исследуемого периода возрастает роль внеземледельческих занятий, идет пространственное расширение территорий, появляются новые производства. Доходы от внеземледельческих занятий постепенно вытесняют доходы от сельскохозяйственных, а в дальнейшем становятся главным источником средств для уплаты денежных налогов и сборов.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в). М.: Наука, 1976.

Балуева Д. Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в Коми деревне к середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). М., 1958. С. 220–231.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. XVII в. Т. 1. М.: изд. Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете: Синодальная типография 1909–1912 гг.

Веселовский С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915.

Гагиева А. К. Роль крестьянской поземельной общины северной деревни в урегулировании поземельных конфликтов в XVIII в. (На примере Коми края) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 54–64.

Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и земледельческое освоение. М: Наука, 1965.

Дмитриева З. В., Козлов С. А. Налоги в России до XIX в. СПб: Историческая иллюстрация, 2001.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1946.

История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004.

Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской литературе // Вопр. агр. истории. Вологда, 1968. С. 467–469.

Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976.

Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми края в конце XVIII – начале XX веков. Сыктывкар: Сыктывк. гос. ун-т, 1996.

Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.: Наука, 1984.

Кузьмин Е. П. Марийские государственные крестьяне в системе судопроизводства уездных воевод в XVIII в. // Крестьянство в Российских трансформациях: исторический опыт и современность : материалы III Всерос. (IX Межрегион.) конф. ист.-аграрников Среднего Поволжья. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. С. 241–246.

Мауку М. А. Фискальная политика русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 2007.

Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. Русское население и земельное освоение. Новосибирск, 1991.

Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук. (НА КНЦ УрО РАН).

Ф. 1. Президиум Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1910–2011).

Ф. 5. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (1970–2008).

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. (ПСЗ РИ-І). Под ред. М. М. Сперанского. СПб., 1830.

Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века Л.: Наука, 1981.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 609. Яренская воеводская канцелярия.

УДК 94(470.5).072:32

А. А. Бакшаев

ПРОБЛЕМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОЕННЫХ НАРЯДОВ КАЗЕННЫМИ ГОРНЫМИ ЗАВОДАМИ УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

В статье проанализированы затруднения в выполнении военного заказа казенными горными заводами Урала в первой четверти XIX в. Отмечается, что в ходе наполеоновских войн горные заводы не справлялись с нарядами не только по орудиям и снарядам, но и по металлам. К 1816 г. была накоплена значительная задолженность перед военным и морскими ведомствами в железе, укладе, якорях и др. изделиях, выпускавшихся по нарядам. По поручению руководства горного ведомства пермским берг-инспектором были выявлены причины срыва поставок продукции по нарядам, главная из которых – значительное увеличение их объемов, не соответствующее техническим возможностям предприятий. Были предложены меры по увеличению изготовления военной продукции, включавшие введение новых производств, перераспределение нарядов между заводами, пополнение их работниками.

Ключевые слова: военные наряды, горные заводы, металлы, орудия, оружейные заводы, снаряды, Военное министерство, Морское министерство, Горный департамент, Урал.

К началу XIX в. производство вооружений было сосредоточено на казенных горных заводах, которые изготавливали военную продукцию, а также металлы, обеспечивая работу предприятий военного

и морского ведомств. Как отмечал Ю. Азанчеев, «самым важным испытательным моментом для горных заводов является война». Горной администрации в военный период приходилось «напрягать все силы» для выполнения нарядов [Азанчеев, 1900, с. 4]. Ведение боевых действий с Турцией, Ираном и наполеоновской Францией значительно увеличило потребности военных ведомств [Бакшаев, 2021, с. 143].

В работах по истории военной промышленности (Л. Г. Бескровный, Л. П. Богданов, В. А. Ляпин и др.) приводятся данные об изготовлении орудий и снарядов на казенных и частных заводах Урала накануне и в ходе войн с наполеоновской Францией. Исследователи подчеркивали, что при значительно возросших требованиях военного ведомства казенные заводы не могли справиться с производством военных изделий [Бескровный, 1962, с. 223; Богданов, 1979, с. 161; Шилов, 1966, с. 86]. В частности, В. А. Ляпин показал значительное увеличение военных нарядов, возложенных на горные заводы в этот период. Горные заводы за три года должны были изготовить более 1,5 млн пудов орудий и снарядов, впоследствии сроки были сокращены до двух лет. После окончания военных действий в 1814 г. наряды в орудиях и снарядах были значительно сокращены [Ляпин, 2013, с. 200].

Кроме предметов вооружения, значительную часть военных нарядов, возложенных на уральские заводы, составляли металлы и военные изделия. В частности, чугун и медь направлялись для нужд Луганского литейного завода, Петербургского, Киевского и Брянского арсеналов. Железо поступало на оружейные заводы (Тульский, Сестрорецкий, Ижевский) для изготовления ружейных стволов, а также поставлялось по нарядам флота для обшивки судов и строительства зданий [Ляпин, 2000, с. 196]. Рост производства оружейных предприятий увеличивал и потребности в уральском металле. В первое десятилетие XIX в. количество нарядов на металлы непрерывно возрастало.

Объемы военных нарядов были установлены указом Сената от 20 августа 1801 г, согласно которому горные заводы Урала должны были ежегодно изготавливать 30 тыс. пудов железа для сухопутной артиллерии, а также снабжать сырьем оружейные заводы военного ведомства. Для Тульского завода требовалось 100 тыс. пудов, для Сестрорецкого – 16 тыс. пудов ежегодно. Кроме того, горные заводы должны были выковывать по нарядам морского ведомства более 130 тыс. пудов железа (для Черноморского и Балтийского адмиралтейств), а также около 20 тыс. пудов якорей [ПСЗ РИ-И, т. 26, № 19986; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 206–206об.].

Передача Ижевского завода в военное ведомство указом от 28 октября 1808 г. [ПСЗ РИ-И, т. 30, № 23318] сократила возможности горных

заводов в выполнении нарядов. В начале XIX в. предприятие снабжало железом оружейные заводы и артиллерию, ежегодно изготавливало 95 тыс. пудов железа и 13 тыс. пудов уклада. После поступления Ижевского завода в ведение Артиллерийского департамента эти наряды были переданы на горные заводы Урала вопреки мнению Горного департамента. На уральские заводы также дополнительно было возложено изготовление якорей, которые ранее поставлял Ижевский завод. Горное ведомство было вынуждено начать постройку новой якорной фабрики на Серебрянском заводе Гороблагодатского округа. Ее пуск задерживался, в результате чего возникли проблемы с выполнением нарядов для Морского министерства [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 207–207об.].

Увеличение потребностей армии и флота в ходе войны с наполеоновской Францией привело к росту потребностей в металлах для ружейных стволов и других военных изделиях. В 1810 г. военное и морское ведомства представили Министерству финансов требования в военной продукции. По сравнению с указом от 16 июня 1801 г. они были увеличены. Для сухопутной артиллерии потребовалось уже 40 тыс. пудов железа (вместо 30 тыс. по указу 1801 г.), для Тульского завода – 100 тыс. пудов, Сестрорецкого – 18 тыс. пудов в течение четырех лет начиная с 1811 г. Новым требованием были поставки штыковой меди для оружейных заводов – более 6 700 пудов, а также поддонов для артиллерийских орудий – более 19 тыс. пудов [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 207–207об.].

Наряды еще более возросли в последующие несколько лет в связи с военными потребностями. В частности, Сестрорецкий завод вместо 18 тыс. пудов в 1813 г. должен был получить 30 тыс., в 1814 г. – 46 тыс. пудов железа. Кроме железа и меди, горные заводы поставляли на оружейные предприятия уклад (в 1814 г. – 10 тыс. пудов, в 1815 г. – 12,5 тыс. пудов). Значительно увеличен был наряд в поддонах: если в 1810 г. Артиллерийский департамент требовал 19 тыс. штук, то в дальнейшем их количество возросло до 96 тыс. (1813 г.) и до 130 тыс. (1816 г.). Кроме того, в 1816 г. горные заводы получили заказ на выпуск ящичной и лафетной оковки, ранее изготавливавшейся на оружейных заводах. Но уже в 1817 г. решением Артиллерийского департамента изготовление лафетной оковки на Гороблагодатских и Воткинском заводах было прекращено по причине дороговизны производства [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 209–210; ГАСО, ф. 39, оп. 1, д. 10, л. 122]. Изменения в объеме нарядов для уральских заводов в металлах и изделиях представлены в Табл. 1.

Таблица 1.

*Объемы нарядов в металлах и изделиях, возложенных на горные заводы Урала в 1801–1816 гг.**

Потребители и виды изделий	Количество продукции					
	по указу Сената от 16 июня 1801 г.	по нарядам военного и морского ведомств 1810 г.	по нарядам 1813 г.	по нарядам 1814 г.	по нарядам 1815 г.	по нарядам 1816 г.
<i>Для сухопутной артиллерии:</i> железо, пуд.	30 000	40 000	—	60 658	60 600	49 400
поддоны, шт.	—	19 310	96 800	118 200	119 900	133 800
ящичная оковка, шт.	—	—	2 996	18 148	—	12 487
листовое железо, пуд.	—	—	—	—	—	2 200
<i>Для Тульского оружейного завода, пуд.: железо</i>	100 000	100 000	100 000	60 000	70 000	70 000
медь	—	5 443	—	3 000	3 000	3 000
уклад	—	—	—	10 000	10 000	7 000
<i>Для Сестрорецкого завода, пуд.: железо</i>	16 000	18 000	30 000	15 000	46 600	35 225
медь	—	1 200	—	1 500	2 000	2 000
уклад	—	—	—	—	2 500	2 500
<i>Для Морского ведомства, пуд.: железо</i>	130 266	153 000	—	—	145 700	180 266
якоря	19 501	7 236	7 236	11 634	6 491	4 038

Потребители и виды изделий	Количество продукции					
	по указу Сената от 16 июня 1801 г.	по нарядам военного и морского ведомств 1810 г.	по нарядам 1813 г.	по нарядам 1814 г.	по нарядам 1815 г.	по нарядам 1816 г.
балласт	—	49 511 ¹	—	—	—	—
Для Ижевского оружейного завода: чугун, пуд.	—	200 000	—	—	—	—

*Сост. по: РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 291. Л. 206–210.

В целом, по данным министра финансов, в 1810–1816 гг. казенные заводы с помощью частных предприятий изготовили 2,3 млн пудов снарядов и 462 тыс. пудов орудий (для сравнения, наряд 1801 г. составлял 50 тыс. орудий и снарядов). В 1810–1820 гг. было выковано 3,4 млн пудов железа (на 976 тыс. больше определенного нарядами). Наряды Артиллерийского департамента повысились с 1810 г. на более чем 110 тыс. пудов железа, 33 тыс. пудов ящичной оковки, 390 тыс. поддонов. Морское ведомство превысило заказы на железо на 70 тыс. пудов, якорей для Черноморского флота на 12 тыс. пудов. Значительное увеличение нарядов не соответствовало техническим возможностям горных заводов [РГИА, ф. 37. оп. 9, д. 291, л. 223–224; д. 401, л. 7–7об.].

В 1815–1816 гг. большое количество невыполненных нарядов заставило Министерство финансов изучить причины неудовлетворительной работы уральских горных заводов. Горные начальники сообщали о различных затруднениях при выполнении военных нарядов. В частности, горный начальник Гороблагодатских заводов доносил о том, что с учетом имеющегося оборудования и малого количества воды в заводских прудах наряды выполнить невозможно. Горный начальник Богословских заводов в ответ на планы передачи округу производства железа по военным нарядам указывал на то, что «устройство заводов совершенно ветхое», имеется недостаток воды в прудах и малое количество работников. Управляющий Камско-Воткинских заводов также отмечал, что огромное количество старых и новых нарядов «превышает меру заводского действия». В частности, к 1816 г. невыполненных нарядов оставалось более чем на 240 тыс. пудов. Не

¹ Наряд дан на 4 года. В последующем он составлял по 24 511 пудов ежегодно.

было возможности приготовить и новый наряд для Адмиралтейства на 1817 г. в 117 700 пудов железа [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 811, л. 1–3; оп. 33, д. 503, л. 44–45; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 156].

Пермскому берг-инспектору А. Т. Булгакову было поручено собрать сведения о выполнении военных заказов от горных начальников, а также лично посетить казенные округа и сравнить количество нарядов с имеющимися заводскими механизмами. Он должен был представить данные об объеме нарядов, которые могут приготовить горные заводы, какие средства необходимы для увеличения действия заводов, количестве продукции, не изготовленной к каравану 1816 г. Берг-инспектор лично посетил казенные Гороблагодатские, Екатеринбургские, Богословские и Камско-Воткинские заводы [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 84, л. 4–5; д. 811, л. 4–4об.]. Задолженность казенных заводов по нарядам представлена в Табл. 2. Показан общий объем военной продукции, не изготовленной заводами к 1816 г. Подсчитано какое количество из этого объема было предписано приготовить к следующему каравану 1817 г. и оставшиеся недоимки.

Таблица 2.

*Количество военной продукции, не изготовленной по нарядам, на 1816 г.**

Виды продукции	Не выполнено к 1 мая 1816 г. нарядов	Предписано Горным советом приготовить к каравану 1817 г.	Остается невыполненным нарядов
<i>Гороблагодатские заводы:</i>			
железо, пуд.	277 099	171 154	105 945
поддоны, шт.	30 795	1 700	н/д
оковка для зарядных ящиков, шт.	700	2450	н/д
чугун, пуд.	3 000	3 000	–
якоря, пуд.	36 686	7 917	28 769
балласт, пуд.	22 905	22 905	–
бомбы, пуд.	13 026	13 026	–
<i>Камско-Воткинские заводы:</i>			
железо, пуд.	376 669	83 350	293 318
уклад, пуд.	16 327	9 500	6 827

Виды продукции	Не выполнено к 1 мая 1816 г. нарядов	Предписано Горным советом приготовить к каравану 1817 г.	Остается невыполненным нарядов
сталь, пуд.	1	3 500	–
якоря, пуд.	22 533	5 425	17 108
оковка для зарядных ящиков, шт.	550	3 220	н/д
<i>Екатеринбургские заводы (пуд.):</i> орудия	37 573	15 425	22 148
снаряды	750	–	750
железо	1 129	–	1 129
чугун	68 299	50 000	18 299
<i>Николае-Павдинский завод:</i> железо, пуд.	9 556	10 000	–

*Подсчитано по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 484. Л. 1–28.

Отчет берг-инспектора А. Т. Булгакова был представлен в Департамент горных и соляных дел в декабре 1816 г. Одной из главных причин невыполнения нарядов он называл значительное их увеличение, не соответствовавшее техническим возможностям горных заводов. Берг-инспектор отметил, что наряды значительно увеличились с 1812 г. К изготавливавшимся ранее железу и якорям в 1810 г. добавились орудия и снаряды. Кроме того, он указал на неблагоприятные погодные условия. Засуха, стоявшая на Урале в течение нескольких лет, значительно сократила количество воды в прудах. В результате оборудование действовало не на полную мощность. В частности, на Каменском заводе Екатеринбургского округа доменная печь функционировала только восемь месяцев. Горные заводы также испытывали недостаток в мастеровых и непременных рабочих. А. Т. Булгаков высказал мнение, что из-за ветхости зданий и оборудования Николае-Павдинский завод Богословского округа не может изготовить железо для военного ведомства. Предлагалось передать часть нарядов в железе и ящичной оковке на Златоустовские и Ижевский заводы. Берг-инспектор в то же время отметил, что увеличение производства горных заводов потребует значительных расходов [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 84, л. 31–31об.; д. 811, л. 30–34; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 249–260].

После рассмотрения отчета Департамент горных и соляных дел разработал свои рекомендации по решению проблем выполнения военных нарядов. В частности, было предложено задействовать в военном производстве Ижевский и Златоустовские заводы, предоставить заводам дополнительное количество работников, для перестройки предприятий составить необходимые планы и сметы, разделив их на шесть лет. В августе 1817 г. этот вопрос обсуждался на заседании Горного совета при Министерстве финансов. В результате было решено не увеличивать действие Гороблагодатских и Воткинского заводов из-за нехватки лесных и водных ресурсов. Для того, чтобы дать горным заводам время на переустройство, было предложено обратиться в Артиллерийский департамент для сокращения нарядов на этот период. Кроме того, Горный совет предложил разделить наряды в железе между Гороблагодатскими и Воткинским заводами: первые должны выполнять заказы сухопутной артиллерии, вторые – Адмиралтейства. Военное министерство просили перевести часть нарядов в железе на Ижевский завод [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 419–422].

Департамент горных и соляных дел представил свои замечания на предложения Горного совета. В частности, было признано нецелесообразным разделение нарядов в железе между Гороблагодатским и Воткинским заводами, так как для Артиллерийского департамента требовалось кричное железо, а для морского ведомства – сортовое. После обращения министра финансов к Военному министерству последнее согласилось возобновить производство железа на Ижевском заводе и передать часть нарядов (около 90 тыс. пудов) с 1821 г. По соглашению с Морским министерством были отменены долги горных заводов в железе для Балтийских и Архангельского портов. На Гороблагодатских и Воткинском заводах остались лишь старые наряды для Черноморских портов и сухопутной артиллерии. Выполнить все задолженности по нарядам должны были помочь Златоустовские заводы [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 291, л. 423–426].

Проблема нехватки образцов и моделей военной продукции была решена после заключения в 1816 г. соглашения Артиллерийского и Горного департаментов. На горных заводах с артиллерийских образцов предписывалось изготовить заводские модели в количестве, необходимом казенным заводам. Создание моделей должно было вестись под надзором военных приемщиков, которые ставили на них свои печати. Артиллерийские образцы должны были храниться в магазинах, а также в приемных комнатах, где они использовались в ходе приемки военных изделий. Заводские образцы должны были еженедельно сверяться с экземплярами артиллерийского ведомства и, в случае несоответствия, исправляться [ГАСО, ф. 39, оп. 1, д. 19, л. 20–20об.].

В ноябре 1818 г. Департамент горных и соляных дел предписал берг-инспектору продолжить собирать сведения о работе горных заводов Урала, необходимые для составления новых штатов и рабочих положений. Намечалась перестройка предприятий, чтобы они могли без затруднений выполнять требования военного и морского ведомств. От берг-инспектора вновь потребовали информацию о том, сколько заводы могут произвести продукции по нарядам, какие им необходимы дополнительные устройства, до какой степени «чрезвычайные требования» военных ведомств могли превышать возможности горных заводов [ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 63а, л. 17–19].

В 1820 г. Военное и Морское министерства вновь произвели расчет изделий, которые должны были изготовить казенные заводы Урала. Вопрос сокращения количества нарядов для казенных заводов решал созданный в 1822 г. специальный комитет с участием чиновников Артиллерийского и Горного департаментов. Комитет постановил: четырехлетний наряд, данный в 1820 г., продлить на шесть лет, начиная с 1823 г. Заказы на лафетную и ящичную оковку горное ведомство просило разместить на военных предприятиях из-за отсутствия необходимого оборудования. В итоге этот наряд было решено передать на Ижевский завод [РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 401, л. 80–82об.].

Таким образом, значительное увеличение военных нарядов в первом десятилетии XIX в. в условиях ведения Россией военных действий привело к тому, что горнозаводская промышленность не смогла справиться с их выполнением. Кроме роста заказов военного ведомства в орудиях и снарядах, дополнительные сложности для горных заводов создавали наряды в металлах для оружейных предприятий и флота. На проблемы выполнения нарядов обратило внимание правительство. По решению министра финансов пермским берг-инспектором в 1816 г. были выявлены причины неудовлетворительной работы горных заводов. В результате их обсуждения горными властями были выработаны меры поддержки горнозаводской промышленности. Органы военного управления вынуждены были сократить объемы нарядов, часть их передать на частные заводы. Но горные заводы продолжали выполнять наряды армии и флота в металлах в неполном объеме и в последующие годы.

Азанцев Ю. Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900.

Бакиаев А. А. Поставки военной продукции казенными горными заводами Урала в первой трети XIX в.: проблемы нормативно-правовой базы // Вестн. Перм. ун-та. История. 2021. № 1. С. 143–149.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973.

Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году: организация, управление, вооружение. М.: Воениздат, 1979.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 39. Управление инспектора артиллерийских приемок на уральских заводах.

Ляпин В. А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. (Екатеринбург, 19–20 апр. 2000 г.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 196–198.

Ляпин В. А. Военно-экономический фактор победы России над Наполеоном в отечественной историографии // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всерос. науч. конф., посв. 200-летию Отеч. войны 1812 г. (Екатеринбург, 14–15 дек. 2012 г.) / под общ. ред. Е. Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 196–201.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. (РСЗ РИ-I). СПб.: Тип. II Отд. С. Е.И.В. Канцелярии, 1830.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Горный департамент.

Шилов А. В. К вопросу о влиянии войн начала XIX в. на положение горнозаводской промышленности Урала // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. № 158. Пермь, 1966.

94(470. 54-25).07/08:614.2

Э. А. Черноухов

ПЕРВАЯ ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА ЕКАТЕРИНБУРГА В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В статье предпринят обзорный анализ истории первой Екатеринбургской городской больницы до преобразования в советское медицинское учреждение. В начальный период ее деятельности большинство пациентов были военнотрудовыми, лечившимися за казенный счет. Переход Екатеринбурга в полное ведение горных властей и постройка здесь нового здания для заводского госпиталя привели к временному закрытию больницы. В новых исторических реалиях она была восстановлена в 1876 г., вскоре став крупнейшим лечебным заведением города. Особое внимание уделено взаимодействию руководства городской Думы с другими ключевыми акторами медицинской сферы: горным ведомством и Екатеринбургским уездным земством. В научный оборот впервые вводятся сведения обо всех врачах, служивших в городской больнице в дореволюционный период ее деятельности.

Ключевые слова: горный госпиталь, Городская Дума Екатеринбурга, Екатеринбургское уездное земство, врачи.

История первой городской больницы Екатеринбурга в дореволюционный период до сих пор не стала предметом научного исследования. В некоторых научно-популярных работах [Грамолин, Коридоров, 2003; Софьина, 2019] и на местных краеведческих сайтах содержатся только отрывочные, причем зачастую ошибочные, сведения о ее деятельности в отдельные годы. Такое положение во многом объясняется рассредоточенностью сохранившейся источниковой базы. Реконструкция истории больницы возможна только на основе комплексного использования изданий и фондов городского и земского самоуправления, горного ведомства, а также материалов периодической печати. Это позволит определить изменения ее роли в системе здравоохранения города в дореволюционный период.

В первое столетие истории в Екатеринбурге стационарную медицинскую помощь предоставляли только в горном госпитале. Здесь лечили и жителей, не связанных с заводскими производствами.

Получение Екатеринбургом статуса уездного города, неуклонный рост его населения закономерно требовали создания нового заведения, предоставлявшего стационарную медицинскую помощь. Так, необходимость этого отметил пермский губернатор, осмотревший в феврале 1827 г. местный горный госпиталь. Он указал на его частое переполнение: при штатной численности в 32 кровати весной и осенью количество пациентов зачастую доходило до 80 человек. Но Екатеринбургская городская дума отказалась от строительства собственной больницы из-за хронического дефицита своего бюджета [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1220, л. 52об.–55об.].

Положение изменилось в 1831 г. после открытия нового комплекса зданий для городской тюрьмы у выезда на Московский тракт. После этого ее старые помещения передали медицинским заведениям. Горному госпиталю вернули часть тюремного «замка» в здании на заводской территории [Черноухов Э., 2017, с. 98]. А городскую больницу на 20 кроватей решили создать на месте бывшего тюремного «острога». Он располагался на правом берегу заводского пруда у улицы Северной (современная Челюскинцев).

Переоборудование освободившихся помещений острога заняло несколько лет. В доступных нам источниках отсутствует дата первого открытия Екатеринбургской городской больницы. По косвенным сведениям, она приняла пациентов не позднее 1833 г. [Софьина, 2019, с. 136, 158].

Здесь должны были получать стационарную медицинскую помощь жители, не связанные с заводскими производствами, а также низшие чины различных воинских подразделений, расположенных в самом городе и его окрестностях. Собственного врача у новой боль-

ницы первоначально не было. Периодически ее посещал екатеринбургский уездный врач Константин Яковлевич Брюс. Он обращал внимание руководства Городской думы на различные недостатки помещений больницы, малочисленность прислуги и сверхштатную численность пациентов [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 819, л. 218, 441–443]. Но эти проблемы оставались нерешенными из-за отсутствия финансирования от Пермского приказа общественного призрения.

В 1834 г. Министерство внутренних дел предписало создать в каждой губернии по «одной-две окружных больницы в самых крупных и оживленных населенных пунктах». Они должны были получить финансирование от приказов общественного призрения, иметь лучшее оборудование и отдельного врача [ГАПК, ф. 673, оп. 1, д. 33, л. 1–4].

По своему экономическому потенциалу и численности населения Екатеринбург был сопоставим с Пермью и значительно превосходил другие уездные центры губернии. Поэтому в 1835 г. его городская больница получила статус окружной лечебницы. Но при хроническом недостатке средств строительство необходимого нового корпуса для увеличения штатной численности заведения до 32 кроватей растянулось до 1842 г. [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1833, л. 24].

В 1839 г. первым штатным врачом больницы стал выпускник Медико-хирургической академии штаб-лекарь Петр Кириллович Устинов. До этого он 10 лет прослужил в Екатеринбургском горном округе [ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1565, л. 3–4].

Состояние новой окружной лечебницы оставалось незавидным. Большинство ее помещений неуклонно ветшало, а средства на ремонт не выделялись [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 179]. Пермский приказ общественного призрения фактически не выделял средств на содержание больницы. Источниками финансирования были небольшие пособия от городских властей и плата за лечение. Среди пациентов преобладали военнослужащие различных команд, лечившиеся за казенный счет. Бесплатную стационарную медицинскую помощь могли получать только беднейшие жители города. В 1844 г. в Екатеринбургской больнице их было всего 3,7 % [Софьяна, 2019, с. 47].

К тому же новый городской врач штаб-лекарь Иван Елисеевич Ковалевский сам определил себя как человека «с безалаберным образом жизни, холерическим темпераментом, вспыльчивым и решительным характером» [Черноухов, 2011, с. 98]. В 1850-х гг. он редко посещал больницу как из-за обязанностей по полицейской и тюремной частям, так и по причине своих вредных привычек [Шкерин, 2014, с. 122]. Реально за ее пациентами постоянно наблюдал единственный лекарский ученик [ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 179].

Между тем в 1856 г. в Екатеринбурге на Сенной площади завершили строительство нового каменного здания для горного госпиталя. Оно могло вместить для стационарного лечения до 120 чел., при том, что по действующим заводским штатам здесь их полагалось иметь всего 60. Поэтому горные власти, в чьем полном ведении находился Екатеринбург, решили перевести пациентов городской больницы в новый госпиталь. «Посторонних» для ведомства больных здесь предполагалось лечить по таксе, устанавливаемой МВД [Черноухов, 2017, с. 100].

В силу вышеназванного комплекса объективных причин против закрытия Екатеринбургской окружной больницы не выступили ни МВД, ни пермский губернатор, ни городская Дума. В январе 1857 г. все ее оставшиеся пациенты были переведены в горные госпитали: 12 чел. – в Екатеринбургский, а 11 – в Березовский (в последнем лечили сифилис) [ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 1833, л. 37].

Но вскоре положение принципиально изменилось. После отмены крепостного права горные власти все более настойчиво старались передать свой обширный Екатеринбургский госпиталь другому владельцу. В качестве важнейшей причины они указывали постоянно растущие долги за лечение, которые не удавалось взыскать с «посторонних» больных [Черноухов, 2017, с. 101–102].

Но поместить этих пациентов в другое заведение не представлялось возможным. Екатеринбургское уездное земство не получило городской больницы в наследство от Приказа общественного призрения и не собиралось в обозримой перспективе создавать здесь собственное заведение со стационарной медицинской помощью.

Положение лишь частично смягчалось наличием в Екатеринбурге частной «Рязановской» лечебницы, открытой в 1864 г. на улице Васенцовской (современная Луначарского). Но она имела всего 15 кроватей и предназначалась исключительно для наиболее малоимущих пациентов.

Стала очевидной необходимость восстановления городской больницы. В ней предполагалось лечить и земских пациентов из ближайших к Екатеринбургу населенных пунктов. Решение об этом было принято городской Думой в 1874 г. Но для восстановления больницы требовалось вывести новобранцев из городских казарм, размещенных на ее бывшей территории, а затем и переоборудовать помещения для приема больных.

Поэтому в 1874 г. Екатеринбургские уездное земство и Дума временно выделили из своих бюджетов по 1,5 тыс. руб. на лечение бедных городских больных. Были наняты четыре врача с жалованием по 550 руб. в год. С определенной задержкой (вместо запланированного

на 1 июня) второе открытие городской больницы в Екатеринбурге состоялось 12 декабря 1876 г. [Протоколы..., 1876, с. 47, 82–83].

К тому времени завершилась безвозмездная передача местного горного госпиталя в военное ведомство (1 марта 1875 г.). Здесь развернули лазарет на 80 кроватей с двумя штатными врачами (второй в Пермской губернии) [Черноухов, 2017, с. 102–103].

В результате восстановленная городская больница стала основным местом стационарного лечения для большинства жителей Екатеринбурга и окрестностей. Ее роль была особо значимой до 1911 г., когда Екатеринбургское уездное земство получило собственную лечебницу для своего Пригородного участка на базе бывшего Верх-Исетского госпиталя.

Городская больница быстро разрослась с первоначальных 25 штатных кроватей. К концу XIX в. их стало уже 145 [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 1114, л. 33]. В 1884 г. к ней была присоединена и бывшая «Рязановская» лечебница. Ее владельцы, ранее получавшие от Думы субсидии, окончательно отказались от содержания заведения. Здесь основали мужское сифилитическое отделение на 23 штатных кровати.

На улице Северной в районе городского пруда вырос целый больничный комплекс из 20 зданий различного назначения, как собственно медицинского, так и хозяйственного. Кроме того, еще пять небольших построек имело Рязановское сифилитическое отделение [Отчет..., 1912, с. 314].

К началу Первой мировой войны в Екатеринбургской городской больнице было уже 170 штатных кроватей [Сборник..., 1915, с. 216]. По этому показателю в Пермской губернии она уступала только двум земским: Александровской и психиатрической.

Следует особо подчеркнуть, что стационарная медицинская помощь для органов городского самоуправления в то время была определена в качестве факультативной задачи. Поэтому большинство гласных городских дум Пермской губернии полагали, что они могут не заниматься созданием собственных лечебных заведений. С такой позицией были солидарны в Медицинском департаменте МВД, где констатировали, что «попечение о народном здравии» составляло лишь право, а не обязанность земских и городских учреждений, поэтому к ним трудно предъявлять требования по упорядочению врачебно-санитарной части» [Черноухов, 2021, с. 50].

В результате Екатеринбургская городская больница кардинально выделялась своими масштабами на общем фоне Пермской губернии. На рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург существенно превосходил все ее другие города по расходам на медицинскую сферу: 44 817 руб. (17 % всего бюджета). В находящейся на втором месте по этому показателю

Перми затраты городского самоуправления составляли всего 15 622 руб. (6,26 %), а в большинстве других городов они не превышали одной-двух тысяч рублей. [Материалы..., 1898, с. 14].

Это объяснялось отсутствием городских больниц во всех городах, кроме Екатеринбурга. Их функции выполняли земские больницы в уездных центрах, а в Перми – Александровская губернская земская больница. Лишь в Ирбите и Кунгуре имелись небольшие амбулатории в ведении городского самоуправления [Городская медицина..., 1903, с. 147–154; Плотников, 1902, с. 59–65].

Положение принципиально не изменилось и накануне Первой мировой войны. Только в Перми в 1913 г. открыли земско-городскую заразную больницу на 100 инфекционных коек [Фризен и др., 2013, с. 4]. В остальных уездных центрах губернии городские больницы созданы не были [Сборник..., 1915].

Отмечая особое положение Екатеринбургской городской больницы в Пермской губернии, следует отметить и ее постоянные проблемы. Они во многом были связаны с хроническим недостатком средств для развития.

Гласные Думы надеялись, что большинство расходов на городскую больницу будет покрываться за счет самих пациентов. В 1876 г. плату за лечение установили в 30 коп. в сутки, посчитав что она будет «не обременительна» [Протоколы..., 1876, с. 89]. Видимо, такой вывод был сделан в сравнении с суммами, взимаемыми в то время с «посторонних» пациентов в ведомственных госпиталях: 50 коп. в Верх-Исетском заводском и 54,5 коп. в Екатеринбургском горном.

Но эти наивные ожидания не оправдались. Существенная часть пациентов не желала нести такие расходы, а бесплатное лечение предполагалось только для самых бедных горожан. Уже за первые 10 лет деятельности городской больницы накопилось 3 558 руб. фактически «безнадежных» долгов по этой статье потенциальных доходов [Грамолин, Коридоров, 2003, с. 74]. К 1909 г., когда плата за лечение составляла 42,5 коп. с городских больных и 75 коп. с земских [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 332 л. 1–2], «недоимки» достигли уже 51 126 руб. [Отчет..., 1912, с. 69].

Екатеринбургской городской Думе приходилось регулярно увеличивать субсидии для больницы, но и они не обеспечивали необходимых потребностей. Поэтому в 1894 г. больница попросила отсрочки введения в ней новой редакции «Устава лечебных заведений» 1893 г. По количеству штатных кроватей эта больница теперь относилась к медицинским заведениям второго класса и должна была иметь существенно больше персонала: в частности, пять, а не трех врачей. Но для их содержания требовалось увеличить финансирование заведения

на 7097 руб., что было невозможным в условиях хронического дефицита городского бюджета [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 236, л. 50–51об., 66об.].

При этом городская управа Екатеринбурга объясняла необходимость наличия 145 штатных кроватей «пополнением пробела в медицинской части уездного земства, не имеющего в городе ничего, кроме амбулатории». Ее члены заявили, что больница обслуживает также «окрестности города и даже отдаленные селения» [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 236, л. 50–51об., 66об.–67]. При этом управа умалчивала, что регулярно за всех «земских» больных получала плату по таксе, утверждаемой МВД. Кроме того, именно Екатеринбургское уездное земство длительное время несло основные затраты по лечению сифилиса у всего местного населения, в том числе бесплатному [Черноухов, 2021, с. 50–51].

Финансирование городской больницы не улучшилось и в 1904 г., когда губернское правление предложило организовать здесь постоянное ночное дежурство врача. Но Екатеринбургская городская управа заявила о невозможности реализации этого разумного требования для такой крупной лечебницы. Она сослалась на малое количество врачей на службе: всего трех в заведении и одного санитарного [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 331, л. 13].

В различных источниках сохранились жалобы пациентов на плохое качество оказания медицинских услуг в городской больнице Екатеринбурга. Так, в феврале 1889 г. посетивший ее врачебный инспектор Пермского губернского правления отметил отсутствие на работе врачей, грязь и небрежное ведение документации [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 96, л. 4–5].

Похожие проблемы больницы (грязь в помещениях и недостаток внимания врачей) обсуждались на заседании Екатеринбургской городской Думы в январе 1906 г. В качестве главной причины вновь указали недостаток персонала [Уральская жизнь, 1906, 19 января, с. 6]. В газете «Уральская жизнь» было опубликовано несколько заметок о хронических проблемах больницы. Ранее служивший здесь фельдшер П. Мурашов акцентировал внимание на недостаток самых необходимых вещей и плохое питание [Там же, 9 февр., с. 4]. При этом вопрос об организации в больнице не только общей, но и специализированной медицинской помощи даже не поднимался.

Следует особо отметить, что подобное положение во многом коррелировалось с состоянием земской медицины Пермской губернии в то время. Возможность одновременной реализации двух ее ключевых принципов (общедоступность и бесплатность базовой помощи для местного населения) вызывала серьезные сомнения у значительной части руководства органов местного самоуправления [Черноухов, Черноухов, 2023, с. 37].

В заключение систематизируем сведения о врачах, служивших в восстановленной Екатеринбургской городской больнице. Их состав на протяжении четырех десятилетий отличался завидной стабильностью. Служба здесь имела существенные преимущества: не самое высокое штатное жалование (1,2 тыс. руб.) дополнялось возможностью заниматься доходной частной практикой в динамично развивавшемся уездном Екатеринбурге.

Первым старшим врачом стал выпускник Казанского университета Александр Генрих Фолькман (1829–1889), происходивший из семьи немецких оружейников Златоуста. Последние 15 лет его жизни (с 1874 г.) связаны с созданием и становлением городской больницы в Екатеринбурге. Он уволился в 1889 г., из-за преклонных лет и болезни (через месяц умер от рака желудка) [Котелянский, 1889, с. 1–2].

В прошении об отставке Фолькман упрекнул руководство города в том, что на его должности «ни денежных наград, ни чинов, ни орден, ни пенсии на старость не дается». Он отметил, что на прежней правительственной службе он сумел заработать 300 руб. пенсии, а «то бы остался нищим» [Черноухов, 2012, с. 160].

В 1883 г. в Екатеринбургской городской больнице ввели ставку второго врача. Ее занял выпускник Военно-медицинской академии Владимир Александрович Падучев (1859–1919), сын известного архитектора Екатеринбурга. После увольнения Фолькмана он руководил больницей вплоть до прихода к власти в городе большевиков. Вскоре после отставки Падучев умер от тифа [ГАПК, ф. 143, оп. 1, д. 1387].

С 1889 г. вторая штатная ставка перешла к Ивану Ивановичу Кикину (1859–1900), до этого четыре года прослужившего врачом начальных городских училищ Екатеринбурга. Он занимал ее до своей скоропостижной кончины [ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 331, л. 19об.].

В 1898 г. в Екатеринбургской городской больнице была введена третья ставка врача, но только с половинным жалованием. На нее был определен выпускник Военно-медицинской академии Сергей Поликарпович Шишов (1858 г. р.), ранее служивший в Невьянском горном округе [ГАПК, ф. 143, оп. 1, д. 1370]. После смерти Кикина он получил ставку второго врача. Шишов продолжил службу в городской больнице и после 1919 г., уже в должности заведующего терапевтическим отделением [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 57, л. 22].

Третью ставку в 1900–1904 гг. занимал выпускник Казанского университета Илья Григорьевич Упоров (1872–1938). В 1904 г. он продолжил службу в Екатеринбурге уже тюремным и городским врачом. В 1918 г. был отстранен от должности Советом солдатских депутатов [ГАПК, ф. 143, оп. 1, д. 1355].

После отставки И. Г. Упорова ставку третьего врача с 1905 г. и до начала революционных потрясений занимал сын финляндского уроженца выпускник Казанского университета Владимир Густавович Эман (1871 г. р.). Он переехал в Екатеринбург после службы в Верхотурском уездном земстве (1898–1904 гг.) [ГАПК, ф. 143, оп. 1, д. 1380]. Эман, как и другие врачи, активно сочетал службу с доходной частной практикой, в том числе на одном из первых в городе рентгеновском аппарате.

В целом в восстановленной в 1876 г. городской больнице Екатеринбурга была принята система последовательного повышения врачей после освобождения одной из ставок. Подавляющее их большинство прослужили здесь значительный срок. Причем все, кроме Упорова, оставили больницу не из-за перехода на другую работу. В результате средний срок их службы в больнице (13,5 лет) существенно превышает подобный у земских врачей в Пермской губернии (к примеру, по подсчетам автора, в Екатеринбургском уезде он составлял всего 5,5 лет, в Оханском – 3,5 года). Такая стабильность врачебного персонала при относительно невысоком жаловании во многом объясняется широкими возможностями для доходной частной практики и более комфортными условиями жизни в Екатеринбурге.

12 июля 1919 г. старшим врачом Екатеринбургской городской больницы стала Клавдия Андреевна Белобородова (1888–1975). Выпускница Петроградского женского медицинского института (1915 г.) была женой Г. С. Мышкина (1886–1945) – представителя династии осинских земских медиков. Ей удалось привлечь к работе в хирургическом отделении больницы Янину-Фелицию Сломовскую (1877–1952), в 1915 г. получившую два ордена за самоотверженную деятельность в период службы во фронтовых госпиталях [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 57, л. 9, 22–23].

С окончательным утверждением в Екатеринбурге Советской власти (1919 г.) национализированный комплекс зданий городской больницы длительное время продолжал использоваться для медицинских целей. Сейчас на этом месте идет возведение одной из очередей «Екатеринбург-сити».

Государственный архив Пермского края (ГАПК).

Ф. 143. Врачебное отделение Пермского губернского правления.

Ф. 673. Пермская губернская врачебная управа.

Городская медицина в Европейской России. Сборник сведений об устройстве врачебно-санитарной части в городах. М.: печ. Яковлева, 1903.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 8. Екатеринбургская городская дума.

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 25. Главная контора Екатеринбургских заводов.

Ф. 43. Канцелярия главного начальника уральских горных заводов.

Ф. 62. Екатеринбургская городская управа.

Грамолин А. И., Кориборов Э. А. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург (1745–1919): история городской власти. Екатеринбург: Ср.-Урал. изд-во, 2003.

Котелянский Б. Александр Генрихович Фолькман // Екатеринбургская неделя. 1889. № 1–2. С. 8–9; № 2. С. 33–34.

Материалы для характеристики некоторых сторон хозяйства городов Пермской губернии // Сб. Перм. земства. 1898. № 6. Отд. 3. С. 1–35.

Отчет Екатеринбургской городской управы по обороту денежных сумм, капиталов и имуществ города Екатеринбурга за 1909 год. Екатеринбург: тип. Алексеева, 1912.

Плотников А. М. Организация и настоящее положение медицинской помощи и санитарии в городах Пермской губернии // Тр. VIII съезда врачей Пермской губернии. Пермь: тип. губ. земской управы, 1902. Ч. 2. С. 59–79.

Протоколы Екатеринбургской городской Думы за 1876 г. Тетрадь 2. Екатеринбург: тип. Грамматчикова, 1876.

Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М.: тип. Рихтер, 1915.

Софьина М. В. Пермская медицина доземской эпохи: очерки истории медицинского дела в Пермской губернии, 1781–1870 годы. Пермь: Б. и., 2019.

Уральская жизнь. Общественно-политическая газета. 1906.

Фризен В. И., Наумова Л. М., Семериков В. В. История Пермской краевой клинической инфекционной больницы // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2013. № 4. С. 4–6.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Свердловский Истпарт.

Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: Екатеринбург, 2021.

Черноухов Д. Э., Черноухов Э. А. Проблема общедоступности медицинской помощи в Пермской губернии начала XX в.: проекты и результаты // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 2(30). С. 32–40.

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: Б. и., 2011.

Черноухов Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

Черноухов Э. А. Екатеринбургский горный госпиталь в XIX в. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 17. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 95–105.

Шкерин В. А. «Молодая генеральша оказалась с ноготком...» // Родина. 2014. № 2. С. 121–122.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЛИГИ РАВНОПРАВИА ЖЕНЩИН (1907–1917 гг.): В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА

В статье рассматривается деятельность Российской лиги равноправия женщин, выступавшей представителем всех российских женских организаций. На основе архивных документов и годовых отчетов Лиги равноправия проводится качественный анализ деятельности общества. Делается вывод о вкладе Лиги равноправия в процесс получения женщинами избирательных прав.

Ключевые слова: феминизм, женские общественные организации, Первый всероссийский женский съезд по образованию женщин, борьба с проституцией, избирательное право, П. Н. Шишкина-Явейн, М. А. Чехова.

В настоящее время гендерные исследования являются одним из популярных направлений в исторической науке, социологии, политологии и др. Применение гендерного подхода позволяет проанализировать социо-половые стереотипы – должное мужское и женское поведение, основывающееся на биологическом поле и связанное с разделением труда, правами и обязанностями мужчин и женщин в обществе.

Интерес к сюжетам, связанным с женским движением в Российской Империи середины XIX – начала XX вв., постоянно растет. Многие исследователи, как в России, так и за рубежом, активно изучают проблемы женской эмансипации, начиная с деятельности благотворительных обществ и заканчивая борьбой за политические права женщин. Если мы обратимся к дореволюционной историографии, то заметим, что она представлена преимущественно работами самих участниц феминистского движения, например, А. Н. Шабановой, Е. Н. Щепкиной, А. А. Кальманович и др. Их работы зачастую являются лишь экскурсом в историю российского феминизма, но никак не отражают проблематику деятельности женских обществ.

В советское время вопрос деятельности женских общественных организаций, за некоторым исключением, практически не изучался. Основная проблема советских исследований заключается в том, что они рассматривают практики женской общественной деятельности в контексте вовлечения работниц в революционное движение, в то время как отечественное женское движение носило либерально-демо-

кратический характер. В связи с этим советская историография определяет «равноправок» как буржуазных женщин, стремящихся вести обособленную борьбу за равенство с мужчинами с сохранением капитализма.

Ситуация меняется в начале 2000-х гг., когда появляется ряд работ, посвященных российскому феминизму (Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкаревой, И. И. Юкиной и др.), в которых авторы подробно описывают и анализируют основные направления деятельности и результаты работы женских организаций, а также связь женского движения с органами государственной власти. Однако по сей день история деятельности женских общественных организаций остается малоизученной.

Зарождение российского женского движения связано с начавшимися в 1860-е гг. модернизационными процессами на фоне «Великих реформ» Александра II. Период 60-х годов XIX в. считается временем зарождения человека «нового типа», в первую очередь в среде разночинной интеллигенции. Начинают распространяться идеи равноправия, общество рассуждает о положении женщины, ее образовании и социальном статусе, который в то время традиционно ограничивался функциями жены и матери. Проблему положения женщин в обществе называли «женским вопросом» наравне с крестьянским, студенческим и др.

Женский вопрос, не имевший четких рамок, изначально воспринимался в контексте благотворительной деятельности (организации ярмарок, лекций, сбора пожертвований и пр.). Данная сфера была всецело доступна российской женщине, не ставя перед ней каких-либо ограничений со стороны государства, церкви или общества. Но к началу XX столетия процесс женской эмансипации уже не ограничивался изменением социального статуса и получением высшего образования. Все более важной становилась проблема политических и гражданских прав женщин. В это время феминистки меняют направление своей деятельности в сторону агитации и пропаганды: создаются женские общественные организации и союзы, проводятся женские съезды, выпускаются периодические печатные издания.

В 1895 г. в Санкт-Петербурге создается первая в России женская общественная организация – Российское женское взаимно-благотворительное общество (далее РЖВБО). Одна из учредительниц Общества, А. П. Философова, считала, что Общество не должно оставаться сугубо филантропическим, его основной целью должна была стать разработка и пропаганда идей равноправия. Однако в первые годы деятельности среди членов общества произошел раскол – участницы, выступавшие за более активную борьбу за женские права, покинули РЖВБО.

После «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» Николая II от 17 октября 1905 г. некоторые покинувшие РЖВБО члены вместе с группой активных сторонниц женского движения организуют в Москве Всероссийский союз равноправности женщин (далее ВСРЖ), который провозглашал своей главной целью «содействие общему политическому освобождению и достижение уравнивания прав женщин с правами мужчин» [ГАРФ, ф. 516, оп. 1, д. 1, л. 7] и объявлялся союзом политическим [Там же, д. 5, л. 20]. Союз признавал необходимым как можно более скорейший созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного избирательного права [Там же, л. 18]. Однако практически сразу в среде участниц Союза сформировались упаднические настроения. Дело в том, что многие присоединялись к ВСРЖ лишь под лозунгом женского равноправия и не были готовы вступать в полноценную политическую борьбу. После третьеиюньского переворота 1907 г. Всероссийский союз равноправности прекратил свое существование.

В конце 1907 г. участницами прежнего Союза равноправности в Санкт-Петербурге была создана Российская лига равноправия женщин, но в первый год после учреждения организация практически не вела никакой деятельности, оживление началось только после I Всероссийского женского съезда, прошедшего в декабре 1908 г.

Первый Всероссийский женский съезд выдвинул на очередь вопрос об организации учреждения, которое, не отвлекаясь просветительными, благотворительными или иными целями, поставило бы своей главной задачей борьбу за политические права женщин в России и объединило бы в одну организацию женщин, желающих принять участие в этой борьбе. Тогда же было указано, что весьма удобной формой для такого объединения может служить Российская лига равноправия женщин [Чехов, 1909, с. 17].

Реальная деятельность Лиги началась в конце 1909 г. Изначально председательницей Лиги была избрана М. А. Чехова, возглавлявшая распавшийся ВСРЖ, однако после ее переезда в Москву президентом организации была избрана врач Поликсена Несторовна Шишкина-Явейн, которая занимала эту должность вплоть до октября 1917 г.

Правление лиги в первую очередь было озабочено определением ближайших задач лиги и желательной, при современных условиях, ее организации. Задачи были сформулированы следующим образом:

- 1) подготовка женщин к борьбе за свое равноправие;
- 2) распространение идей равноправия женщин в обществе;
- 3) подготовка мер к улучшению правового и политического положения женщин;

4) проведение в жизнь законопроектов и постановлений, имеющих целью изменение положения женщин.

Но главным для членов Лиги было «распространение среди женщин сознательного отношения к своему положению» [Там же, с. 18]. Выполнение этих задач предполагалось разделить между центральными органами Лиги, провинциальными отделениями и специальными отделами.

Согласно Уставу, Лигой заведовал Совет из 12 членов, избираемый общим собранием на три года. Члены совета избирали из своей среды председательницу и других должностных лиц. Вся административная и денежная ответственность лиги и ее отделов в Петербурге лежала на Совете. Общие собрания должны были созываться не менее четырех раз в год [Там же].

Лига действовала на правах широкой автономии, с правом учреждения порайонных отделов в Санкт-Петербурге и самостоятельных отделений в других городах, что было одним из принципиальных отличий РЛРЖ от других женских общественных организаций в России. В целях осведомления Лиги о положении женщин и состояния женского вопроса во всех местностях Российской империи и возможно более широкого распространения сведений о ней представительницы Лиги должны были следить за положением женского труда, образования, выяснять отношение к женскому вопросу населения и содействовать созданию отделений Лиги в различных городах. Для учреждения местного отделения следовало подать в Совет Лиги официальное прошение, после чего Совет приступал к составлению ходатайства о его регистрации [Отчет..., 1911, с. 8].

15 апреля 1909 г. состоялось общее собрание Лиги. Председательница лекционной комиссии Екатерина Николаевна Щепкина представила отчет о деятельности комиссии за первые месяцы работы: Лигой были проведены несколько конференций по женскому вопросу, устроены платные лекции в столичных и провинциальных городах. По предложению участницы Лиги Холщевницкой было принято решение внести в Государственную Думу законопроект о предоставлении женщинам пассивных и активных муниципальных прав и расширении прав женщин на государственной службе [Там же, с. 3]. Текст петиции поручили выработать М. А. Чеховой, Е. Н. Щепкиной и А. А. Кальманович.

18 февраля 1910 г. в связи с началом реформирования интендантского дела Лига подала ходатайство главному интенданту Д. С. Шубаеву с просьбой «обратить внимание по возможности привлечения к упорядочиванию интендантского хозяйства значительного числа

интеллигентных сотрудников в лице женщин». Женщины должны были бы занять рабочие места в сфере заготовок, приема и хранения продукции. Свою просьбу они аргументировали привычной риторикой, согласно которой женщина по природе является хранительницей хозяйства [Юкина, 2024, с. 486]. Ходатайство было отклонено в связи с необходимостью «рассмотрения вопроса в общем законодательном порядке» [Отчет..., 1911, с. 10].

Одной из наиболее насущных проблем женского движения в России оставалось положение женщины-крестьянки. «Равноправки» в большинстве своем были дворянками, в то время как крестьянки практически не участвовали в движении. Связано это было, во-первых, с тем, что активная деятельность велась в столичных и крупных городах империи, а, во-вторых, с низким уровнем образованности женщин-крестьянок, с их тяжелым финансовым положением и хозяйственной деятельностью в деревне. 9 ноября 1909 г. Государственной Думой был принят законопроект о землеустройстве, согласно которому институт семейной собственности ликвидировался, а собственником становился единоличный домохозяин. Поэтому 22 марта 1910 г. Совет Лиги подал докладную записку членам Государственного Совета с требованием внести в законопроект дополнительные условия:

- 1) при продаже имущества хозяин должен обеспечить жену;
- 2) при переходе земли из общинной в частную собственность, женщина не должна быть лишена права на землю;
- 3) становясь домохозяином, женщина должна быть наделена всеми правами, наравне с обязанностями [Там же, с. 12–13].

Несмотря на то, что основным направлением деятельности Лиги было достижение политических прав, она принимала активное участие в разнообразных съездах, посвященных различным проблемам российского общества.

В 1909 г. организация стала одним из участником Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, организованным Русским обществом охранения народного здоровья. А в 1910 г. ее члены приняли участие во Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщинами. Распространение проституции было определено как один из главных факторов бесправного положения женщин. Согласно переписи поднадзорных проституток, на 1 августа 1889 г. в Российской Империи насчитывалось 17 603 проститутки [Елистратов, 1907, с. 6].

Съезд начал работу 21 апреля 1910 г. Председателем Съезда был выбран В. К. фон Анреп – российский врач, член III Государственной Думы [Кузькало, 2022, с. 70]. По итогам Съезда участники пришли к выводу, что «проституция – зло социальное и причинами ее являют-

ся бедность, невежество, женское бесправие, общественный разврат, двойная мораль и т.д.» [Покровская, 1910, с. 115]. Также было принято решение создать особую организацию для борьбы с проституцией, признать равноправие женщин и поставить на повестку дня вопрос о закрытии домов терпимости. Особое внимание было уделено проблеме государственной регламентации проституции. Известный юрист А. И. Елистратов занялся разработкой законопроекта об отмене врачебно-полицейского надзора, который впоследствии был внесен в Государственную Думу [Борьба с проституцией, 1913, с. 265]. К сожалению, начавшаяся в 1914 г., Первая мировая война отодвинула вопрос о проституции на периферию общественного интереса; главным для женщин стал вопрос помощи государству в военное время как один из возможных путей достижения равноправия.

Вопрос женского образования был в числе основных с самого начала деятельности российских феминисток. Отсутствие должного уровня образованности считалось одним из факторов бесправного положения женщины. С 1860-х гг. велась активная работа сначала по допуску женщин к высшему образованию, вследствие чего были созданы Высшие женские курсы по всей Российской Империи, а затем и борьба за допущение вольнослушательниц в университеты наравне со студентами-мужчинами, и вытекающим из него разрешением женщинам вести профессиональную деятельность: работать врачами, преподавателями, юристами.

С 1911 г. Совет Лиги равноправия начал работу по подготовке Всероссийского съезда по образованию женщин. 26 декабря 1912 г. Съезд начал свою работу. Съезд был разделен на секции, посвященные начальному, среднему, высшему образованию, проблеме совместного обучения, профессионального, внешкольного образования и пр. В съезде приняло участие более тысячи человек, было зачитано более 150 докладов, принято 73 резолюции [Отчет..., 1913, с. 26].

Съезд констатировал проблему неравенства образовательных программ мужских и женских заведений, дискриминацию женщин при ведении профессиональной деятельности и занятии высших должностей [Юкина, 2024, с. 539]. Данные факторы оценивались в качестве препятствия на пути к реальному равноправию между полами: низкий уровень образованности никогда не позволит российской женщине добиться политических прав.

С 1912 г. Лига начинает активно работать над проблемой получения женщинами политических прав. Изначально Лигой было разослано заявление 300 членам Государственной Думы о необходимости предоставления женщинам избирательных прав и права занимать общественные должности, а также требование, целью которого было

признание прав женщин на юридическую деятельность, в том числе женской адвокатуры (был принят в Судебной комиссии по Санкт-Петербургу, но снят с повестки).

Накануне выборов в Государственную Думу Лига начала разработку законопроектов, посвященных избирательным правам женщин в Государственной Думе. Были составлены объяснительная записка и обращение в Государственную Думу с просьбой внести законопроект на рассмотрение, что и произошло 13 февраля 1912 г. Согласно основным положениям законопроекта, «лица женского пола пользуются равными с мужчинами правом избирать и быть избранным в Государственную Думу». Законопроект подписали 18 кадетов, 11 трудовиков, 4 прогрессиста, 4 беспартийных и 1 социал-демократ [Отчет..., 1913, с. 9].

В отчете Лиги за 1913 г. указано, что она образовала особую Комиссию по изучению вопроса об участии женщин в самоуправлении, которой был составлен список женщин-избирательниц города Санкт-Петербурга по районам в количестве 6408 человек [Отчет..., 1914, с. 29]. Позднее Комиссия будет преобразована в Отдел муниципальных прав. В этот же год Совет Лиги внес в Санкт-Петербургское городское самоуправление докладную записку с просьбой ходатайствовать в законодательное учреждение об изменении Городового положения в смысле предоставления женщинам пассивных и активных избирательных прав. Также был организован митинг, куда были приглашены члены Государственной Думы от разных фракций [Отчет..., 1914, с. 31].

Помимо активной деятельности Лиги в России, она тесно сотрудничала и с мировым женским движением, а именно, с Международным союзом избирательных прав женщин. В 1913 г. этот союз проводил VII Конгресс избирательных прав женщин в Будапеште, в котором приглашал принять участие и представителей Лиги [Там же, с. 34]. Лига размещала в газетах публикации о Конгрессе, программу и разосланные Союзом приглашения. В лице Лиги Россия получила 12 делегатских мест. 20 декабря 1913 г. П. Н. Шишкина-Явейн представила отчет о прошедшем мероприятии: в комитет Конгресса отправлен доклад об успехах женского движения в России, который был опубликован в трудах Конгресса. По причине тесных контактов Лиги с мировым феминистским сообществом была создана должность секретаря по международной переписке [Отчет..., 1914, с. 35].

В начале 1914 г. Лига продолжала вести активную общественную деятельность по вопросам политических прав женщин: проводились публичные лекции, собрания на тему женского самоуправления, од-

нако после начала Первой мировой войны деятельность общества пошла на спад. В отчете Лиги за 1915 г. сказано, что согласно программе деятельности блока членов Государственной думы и Государственного Совета, никаких свобод и новых прав для женщин вводить не предполагается [Отчет..., 1917, с. 32]. После этого в газетах было опубликовано очередное обращение Лиги к членам Государственной Думы, а также разработана резолюция с требованием избирательных прав, которую предполагалось представить на II Всероссийском женском съезде в Москве, однако съезд не состоялся.

Новый импульс деятельности общества придали Февральская революция 1917 г. и начало празднования Международного женского дня.

Весной 1917 г. Лига подала петицию во Временное правительство с требованием равного избирательного права и других прав для женщин при новом режиме, в которой было сказано: «в торжественные дни народного освобождения <...>, Российская Лига Равноправия Женщин к глубокому своему изумлению не нашла в программе деятельности Временного правительства упоминания об устранении несправедливостей старого строя, угнетавших целую половину населения России – русских женщин» [Закута, 1917, с. 1]. После этого в течение нескольких недель в Петрограде проходили ежедневные митинги, организованные Лигой.

4 марта 1917 г. Лига подала резолюции с требованием избирательных прав для женщин всем министрам Временного правительства и Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко. 19 марта 1917 г. в ходе организованной Лигой демонстрации около 40 тыс. женщин прошли маршем от Городской до Государственной Думы. Шествие возглавляла П. Н. Шишкина-Явейн [Там же, с. 3].

По требованию участниц митинга было подготовлено обращение к председателю Совета министров Г. Е. Львову с требованием предоставить женщинам избирательное право. В ответ Львов заявил, что «Временное правительство под словом “всеобщее” подразумевает распространение избирательных прав и на женщин» [Там же, с. 11]. Закон был принят 20 июля 1917 г. Однако, как и все женские общественные организации в России, Лига прекратила свое существование после событий Октября 1917 г.

Несмотря на то, что Лига была выбрана в качестве оплота борьбы за женские политические права и не должна была отвлекаться на другие виды деятельности и сферы женской жизни, она выступала активным поборником женских прав во всех сферах жизни общества. Возможно, это снижало уровень ее эффективности и делало похожей

на все остальные женские организации в России. Деятельность Лиги во многом сводилась к проведению лекций, подаче прошений и петиций, которые обычно не приносили результата.

Прошение, поданное графу Львову, сложно оценивать как полноценную победу Лиги, так как к принятию решения об избирательных правах для женщин Львова подтолкнула скорее обстановка в государстве в целом, а не деятельность Лиги. Организация съезда по женскому образованию, безусловно, является неопенимым вкладом Лиги в развитие российского общества, но она напрямую не связана с борьбой за получение политических прав. При этом нельзя недооценивать тот факт, что Лига имела огромные связи с международным женским движением, чем могла похвастаться далеко не каждая женская организация в России. Такие связи помогали, во-первых, быть в курсе событий, происходящих в других странах и перенимать опыт соратниц за границей, применяя его на родине. Во-вторых, они обеспечивали представительство отечественного женского движения за рубежом, показывая, что общественное движение в России находится на подъеме, а в некоторых аспектах даже превосходит другие страны.

Борьба с проституцией // Женский вестник. 1913. № 12. С. 265–266.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 516. Союз равноправности женщин.

Елистратов А. И. Бедность и проституция // Союз женщин. 1907. № 10. С. 5–7.

Закута О. Как в революционное время всероссийская лига равноправия женщин добила избирательных прав для русских женщин. Петроград, 1917.

Кузькало Ю. В. К проблеме борьбы с проституцией и торгов женщинами в Российской Империи конца XIX – начала XX века // Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего : материалы Всерос. науч. конф. (Пермь, 8–9 апреля 2022 г.). Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2022. С. 66–72.

Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1909–1910 гг. СПб., 1911.

Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1912 гг. СПб., 1913.

Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1913 гг. СПб., 1914.

Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1914–1915 гг. СПб., 1917.

Покровская М. И. Первый всероссийский съезд по борьбе с торгов женщинами // Женский вестник. 1910. № 5–6. С. 114–119.

Чехов Н. В. Открытие Московского Отделения Российской Лиги Равноправия Женщин // Союз женщин. 1909. № 12. С. 15–18.

Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок: История женского движения России. М.: НЛО, 2024.

«НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...»: СТРУКТУРА ПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО В 1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮДЖЕТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ 1925 г.)¹

В статье рассматривается структура питания и ежедневное меню научных работников. Источником для изучения потребления ученых стали первичные материалы бюджетного обследования, проведенного секцией научных работников совместно с органами ЦСУ в 1925 г. Питание наиболее полно характеризует уровень и образ жизни, историческое своеобразие момента времени и существующие в обществе проблемы. Бюджетная статистика 1920-х гг. частично позволяет реконструировать повседневное меню, но нуждается в иллюстрации нарративными источниками для получения более полной картины.

Ключевые слова: питание, бюджетное обследование, 1925 год, научные работники, СССР, выборка, уровень жизни.

Питание – наиболее информативная структура повседневности, которая свидетельствует о времени, месте и обществе, национальных традициях, культуре и моделях потребления. В традиционном обществе национальная кухня выступает важной частью культуры народа, отражая особенности производства и потребления продуктов питания. Развитие рынка способствовало социально-экономической диверсификации потребления по вертикали (сословия/классы) и горизонтали (город/село) при одновременном заимствовании и интернационализации традиций питания.

Реконструировать структуру питания позволяет бюджетная статистика. Первоначально объектом бюджетных обследований были крестьянские хозяйства; в начале XX в. в зоне внимания статистических органов оказались рабочие-горожане. В 1920-е гг. бюджетные обследования приобрели систематический характер, исследуя условия жизни, доходы и расходы различных категорий населения [Чайнов, 1929].

В 1925 г. ЦСУ по инициативе Секции научных работников организовало бюджетное обследование ученых. Всего были собраны сведения о 300 домохозяйствах из 16 городов – Ленинграда и Москвы (по 50 семей), Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани,

¹ Тема поддержана грантом РФФИ, проект №20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)»

Перми, Воронежа, Новочеркасска, Ростова, Томска, Симферополя, Краснодар и Баку. В выборку вошли семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах или научных учреждениях – академических институтах, ведомственных НИИ, научных библиотеках, архивах и музеях.

Исследование проводилось методом опроса, в ходе которого регистраторами заполнялся опросный бланк «Обследование бюджетов», в соответствии с программой фиксируя сведения о семье, доходах и расходах, потреблении, жилищных условиях. Помимо основного бланка, на семью заполнялись сводная форма № 1 «Состав денежных и натуральных поступлений и расходов бюджетного месяца», Листок питания, а также сельскохозяйственный бланк, если имелся земельный надел под огород или полевое хозяйство. Опросные бланки с первичной информацией сохранились в архиве [ГАРФ, ф. р-5462, оп. 7, д. 397–412] и послужили основой для создания базы данных [Свидетельство..., 2022].

Бытовые практики нашли в бюджетных обследованиях частичное отражение. Полнее всего представлено питание – важнейшая структура повседневности, которая связана с приготовлением и потреблением пищи, а в некоторых случаях – и производством продуктов питания (огород, разведение скота и птицы).

Примерно в половине семейных бюджетов сохранились Листы питания, где ежедневно в весовых и стоимостных единицах фиксировалось потребление продуктов. Кроме того, в основном бланке в разделе Б «Пища, напитки и наркотики» (поступление и расход муки, хлеба, крупы, картофеля и т. д., всего 71 наименование) отмечались сведения об основных продуктах питания (поступление и расход). Особый интерес представляет информация п. 29 основного бланка «Довольствие членов семьи» (где питается в течение недели; типичный завтрак, обед и ужин), которая позволяет реконструировать ежедневное меню обследуемых семей, детализируя статистические данные.

Научные работники в годы Гражданской войны оказались на грани выживания. Только в 1919 г. были предприняты первые шаги по улучшению их материального положения, а с 1921 г. благодаря Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) стали решаться вопросы обеспечения ученых жильем, продуктами и предметами первой необходимости. Для наиболее ценных научных работников были введены академические пайки, способствуя расслоению ученых и оформлению элиты.

24 января 1921 г. В. Ленин подписал постановление Совнаркома «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика

И. П. Павлова и его сотрудников» [Об условиях..., 1921]. В нем предусматривался комплекс мер, направленных на обеспечение работы физиологического центра под руководством И. П. Павлова. Комиссии по рабочему снабжению поручалось предоставить И. П. Павлову и его жене *специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам* (курсив мой. – Л. М.), а Петросову – обеспечить профессора И. П. Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова с максимальными удобствами (п. 3–4).

Таковы были представления о высоком уровне потребления. Их можно проиллюстрировать цитатой из «Собачьего сердца» М. Булгакова, где красочно описан обед профессора Преображенского:

«На разрисованных райскими цветами тарелках с черною широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыру в слезах, и в серебряной кадучке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. ...Посреди не комнаты – тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на нем два прибора, салфетки, свернутые в виде папских тиар, и три темных бутылки. Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчало. Запах от блюда шел такой, что рот пса немедленно заполнился жидкой слюной. “Сады Семирамиды!”, – подумал он и застучал, как палкой, по паркету хвостом.» [Булгаков, 1925].

В сохранившихся дневниковых записях ученых картина питания совсем другая. В частности, в дневнике проф. А. Орешникова этому вопросу уделяется большое внимание. Частота упоминаний еды в контексте получения или потребления подчеркивает глубину социального кризиса и масштаб продовольственной проблемы. В какой-то момент (1918–1919 гг.) угроза голода становится вполне реальной и почти каждый день профессор описывает практики получения и потребления продуктов питания. После введения академических пайков и с началом нэпа эмоциональная напряженность продовольственного дискурса снижается и к 1924 г. постепенно превращается в разновидность заметок по поводу праздничного или гостевого угощения.

Из дневника А. Орешникова [Дневник...]:

30 ноября (17 ноября) 1918 г.

«Голод дает себя чувствовать. Провизии нет. В Музее было заседание продовольственного характера; удадутся ли наши начинания? Дров тоже нет, топлю досками».

20 мая 1921 г.

«С трудом дошел домой от слабости и боли в левой руке; по-видимому, плохое питание дает себя знать: едим за обедом одно блюдо, провианта достать трудно».

10 июля 1921 г.

«В 12 ч. пришел С. В. Прохоров и позвал меня к себе обедать; ел по времени роскошный обед: суп из свинины, жареную свинину с картофелем и к супу пирожки. Дома мы уже давно едим только одно блюдо, хлеба нет, кое-кто дает из милосердия».

19 января 1922 г.

«К обеду пришла М. Н. Клеопина, принесла прекрасного печенья, американского сахара, сгущенных сливок, чаю; после обеда сварили кофе ради принесенных сливок. До чего мы дожили! Еда необычного характера – уже событие».

7 сентября 1923 г.

«В Музее было заседание ученой коллегии; принята, пока сверхштатно, М. В. Кафка-Будылина. В 4-м часу отправился с Л. В. в Кубу¹ обедать; обед стоил 60 миллионов (щи с мясом и говядина с картофелем)...».

Приведенные выше дневниковые записи за 1918–1921 гг. фиксируют ситуацию полуголодного существования семьи профессора-историка. О голоде и постоянной заботе о «хлебе насущном» пишет в своих воспоминаниях другой известный историк – Ю. В. Готье:

21 апреля 1919 г.

«...Чтения и заботы о еде – обеде и ужине и о том, хорош ли выйдет хлеб, который Нина [жена Ю.В. Готье] сама печет; таковы занятия профессорской семьи, проводящей Пасху у Троицы в 1919 г.» [Готье, 1997, с. 279].

С началом нэпа режим питания нормализуется, чему способствовало получение академического пайка, оживление торговли, а также международная помощь через представительства АРА². Улучшение структуры питания актуализирует вопросы сервировки стола, превращая физиологический акт потребления продуктов питания в трапезу.

Из дневника А. Орешникова:

«9 февраля (27 января) 1925 г.

В 8-м часу отправился к Д. Д. Иванову; в крохотной его комнатке был накрыт стол с прекрасной посудой и столовым бельем. ... Угощали обильно: слоеный пирог с икрой, тетерька холодная, лепешки с шампиньонами горячие, сладкий торт, вино красное» [Дневник...].

Пережитый кризис прочитывается в описании изобильного праздничного стола, украшенного хорошей посудой и столовым

¹ Т. е. в столовую при ЦЕКУБУ.

² АРА – American Relief Administration – американская организация, действовавшая в 1919–1923 гг. Наиболее известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1923 гг.

бельем. В обычный день все это великолепие пряталось в шкафы до следующего праздника.

Материалы бюджетного обследования 1925 г. отражают ситуацию перехода от кризисной модели потребления, ориентированной на удовлетворение витальных потребностей, к постепенной нормализации структуры питания. Это видно по расходам, где преобладают траты на питание. В среднем они составляли 80,93 руб. (36,5 % всех расходов); далее следовали расходы на одежду, обувь и туалетные принадлежности – 46,34 руб. (20,9%); и жилье – 26,63 руб. (12,0%). Затраты на удовлетворение культурно-просветительских нужд (книги, журналы, лекции, обучение, театры и развлечения) не превышали в среднем 16,72 руб. (7,5 %)³.

Ранжирование расходов по отдельным статьям позволяет судить о приоритетах потребления: больше половины бюджета (69,4 %) уходило на удовлетворение потребностей в продуктах питания, а также одежде и жилье; 15,9% составили затраты на общественно-политические и культурно-просветительские цели; 11,6% бюджета шли на практики, которые можно рассматривать как маневренный фонд, предназначенный для единовременных платежей, но прежде всего для компенсации недостатка оперативных средств, т. е. позволял «светить концы с концами».

Приоритет первичных жизненных потребностей оставался характерной чертой потребительского поведения на протяжении всего периода нэпа и строительства социализма в 1930-е гг., отголоском социальной катастрофы, которую переживала страна в 1918–1922 гг. Стадия выхода из катастрофы характеризуется увеличением расходов на удовлетворение базовых потребностей, в первую очередь на питание и восстановление докризисного уровня потребления. Заключительная стадия перехода непосредственно связана с восстановлением экономики и социальной инфраструктуры общества и формированием с учетом имеющейся ресурсной базы новых стандартов потребления.

Доля расходов на питание непосредственно зависела от доходов ученых:

- Для семей с низким душевым доходом они составили 63,21 руб., около половины семей (45,5 %) тратили на питание от 30 до 60 руб., а 16,4 % – свыше 90 руб.

- В семьях со средним душевым доходом (от 30 до 60 руб.) на питание в среднем уходило из бюджета 79,08 руб., в том числе 46, 7% семей отдавали за продукты от 60 до 90 руб., и 30,3 % – свыше 90 руб.

³ Здесь и далее, если отсутствуют ссылки, приведенные показатели рассчитаны на основе созданной базы данных.

- Семьи с высоким душевым доходом (от 60 до 90 руб.) тратили в среднем на питание 94,89 руб., а около половины семей (46,3 %) – более 90 руб.

- Семьи с доходом выше 90 руб. на члена семьи платили за питание в среднем 95,46 руб.; а треть семей (33,4 %) от 30 до 90 руб.

Для оценки потребительской способности рубля приведем цены 1924 г. на основные продукты питания: фунт масла стоил 69 коп., фунт сахара – 28,5 коп., рыба – 15 коп., пуд ржаной муки – 1 руб. 15 коп. [Шальнев, 2011, с. 617–621].

Таким образом, заметные отличия в структуре питания наблюдаются между высокодоходными категориями ученых, с одной стороны, и средне-, низкодходными категориями семей, с другой. А. А. Канчев отмечал, что потребление мясопродуктов, сахара и сладостей, чая и кофе были в 2–3 раза выше в высокодоходной группе в сравнении с низкодходной [Канчев, 1925, с. 126–127].

Несмотря на улучшение структуры питания ученых, к 1925 г. ассортимент и количество потребляемых ими продуктов (мясо, молоко, рыба, овощи и фрукты) оставались недостаточными и отличались от рациональных норм (табл. 1).

Таблица 1.

*Потребление продуктов питания в РСФСР различными группами населения в 1925 г. (кг на одного чел. в месяц)**

Продукты питания	Крестьяне ⁴	Рабочие ⁵	Служащие	Научные работники	Рациональные нормы
Хлебо-продукты	24,9	22,33	14,0	19,39	8,0
Картофель	13,2	8,47	Нет св.	Нет св.	7,5
Овощи, бахчевые	4,1	10,64	Нет св.	9,82	11,7
Фрукты		0,22	Нет св.	1,78	8,3
Мясо и мясо-продукты	1,0	4,19	4,1	7,99	6,1
Молоко-продукты	11,8	9,11	Нет св.	14,10	27,1
Яйца, шт.	2,7	1,49	Нет св.	1,84	21,7

⁴ Приведены данные потребления продуктов питания крестьян в 1923/1924 гг.

⁵ Приведены данные по СССР на май 1924 г.

Продукты питания	Крестьяне ⁴	Рабочие ⁵	Служащие	Научные работники	Рациональные нормы
Рыба и рыбо-продукты	Нет св.	0,66	Нет св.	1,58	1,8
Сахар и кондитерские изделия	0,1	1,68	1,12	2,98	3,04
Чай, кофе, какао, шоколад	Нет св.	0,07	Нет св.	0,14	Нет св.
Масло раст.	0,2	0,41	0,17	1,47	1,0

*Составлено по: [Статистический справочник..., 1927, с. 129, 322–323; Канцеев, 1925; Кабо, 1926, с. 170–172; Советская жизнь..., 2003; Рекомендации..., 2016].

Питание семей ученых и по объемам, и по структуре в сравнении с другими социальными группами было лучше. Объяснение этому факту лежит в области как экономических, так и внеэкономических факторов. Прежде всего, следует вспомнить о росте доходов преподавателей и профессоров в 1923–1925 гг., средние показатели которого были выше, чем у рабочих. К внеэкономическим факторам стоит отнести культуру потребления. В частности, кофе в рабочей и крестьянской среде не пользовался особой популярностью.

Обращает на себя внимание относительно невысокий удельный вес расходов на алкогольные напитки: в зависимости от города – от 0,15 до 0,49 золотых рубля в среднем за месяц [Канцеев, 1925, с. 126–127]. Всего расходы на спиртные напитки отмечены в 27,3 % семейных бюджетов. Денежные траты на табак и папиросы зафиксированы в 77,6 % семей.

Общий объем потребляемой пищи зависел от физиологических потребностей человека, а структура питания и ассортимент продуктов формировались, исходя из источников их поступления, т.е. реальных возможностей семьи удовлетворить свои потребности. К ним относилась городская торговля; кроме того, продукты поступали в семью в виде натуральной оплаты или в форме продуктовых кредитов от ЦЕКУБУ. В отчетах региональных секций научных работников часто звучит рассказ о продуктовой помощи ученым от АРА:

«Изголодавшиеся и всячески измученные воронежские ученые, перебивавшиеся с грехом пополам на щедедушном пайке, существенно

состоявшем из жмыхов, пшена и воблы, получили неожиданно такие, давно вышедшие из обихода продукты, как настоящий чай, какао, мясные консервы и т. п., и кроме того, по отрезу шерстяной ткани на костюмы – и все это почти даром, «почти», т. к. Кубу решила не раздавать совсем даром, а собрать все-таки хоть небольшую сумму для дальнейших операций» [Беззубцев, 1926, с. 92].

Для семей, имевших полевое хозяйство, важную роль играл этот источник поступления продуктов питания – молока, мяса, птицы, овощей.

Опираясь на материалы бюджетного обследования, можно реконструировать типичное меню семьи ученого:

- завтрак: чай, хлеб, яйца;
- обед: суп с мясом, каша/ картофель, хлеб (как правило из 2-х блюд, не всегда с мясом);
- ужин: остатки обеда, чай, молоко, хлеб, масло.

В столичных городах, даже при наличии достаточно высоких доходов, ежедневное меню ученых оставалось достаточно скромным. Так, например, профессор филологии МГУ, глава семьи из шести человек с доходом 733 руб. в месяц только изредка мог позволить себе мясо [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 406, л. 106–112об]. Преподаватель Ленинградского технологического института, глава семьи из пяти человек с совокупным доходом 149 руб. в месяц обычно завтракал кофе с ситным хлебом; на обед ел суп, кашу, яйца; на ужин – чай с хлебом [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 405, л. 38–44об].

В провинции структура потребления была несколько иной, отличаясь от столичной в лучшую сторону. Так, например, ежедневное меню профессора Донского университета с семьей из пяти человек и доходом 403 руб. в месяц включало: на завтрак – чай, кофе, рыба, редис, масло сливочное, конфеты; на обед – борщ с мясом, баранину или говядину, жаркое с картошкой, молоко; на ужин – масло, яйца, чай [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 409, л. 205–223об]. Меню преподавателя Ветеринарного института в Казани с общим месячным доходом в 50 рублей было более скромным: завтрак – чай с хлебом; на обед – постный суп или каша; на ужин – чай с молоком и хлебом. В комментариях к данному бюджету отмечено:

«Обследуемое хозяйство, как по данным обследования, так и с внешней стороны, производит впечатление хозяйства, принадлежащего не научному работнику, а скорее хозяйства, принадлежащего человеку “бьющемуся из-за куска хлеба”. Но не оставляющего свою научную деятельность, которая теми же условиями быта и материального положения работника не в малой мере усложняется и даже тормозится. Неудобство

в квартирном отношении, отсутствие отдельного для занятий кабинета, приспособленного для работы, скудность обстановки и стола – все здесь налицо, продают вещи» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 7, д. 401, л. 101–105об, 232–238об. (бюджет 16)].

Меню, как для семей с высокими, так и с низкими доходами, свидетельствует о непропорциональной структуре питания: доля углеводов превышала 60 %, в то время как удельный вес мяса, рыбы, молочных продуктов (белков) оставался незначительным. Такой баланс характерен для традиционного крестьянского рациона, а также для ситуации продовольственного кризиса. Ф. Бродель при описании крестьянского стола отмечал: «Есть – это значит потреблять хлеб и снова хлеб (или каши)» [Бродель, 1986, с. 146]. Показательно, что хлеб в раннесоветском обществе оставался главным продуктом питания, а в условиях нормированного снабжения – первоочередным объектом распределения, обеспечивая необходимый уровень потребления в калориях.

Кроме хлеба, к *обычным* продуктам повседневного спроса относились картофель, яйца, молоко, сливочное масло. Мясо, рыба, сахар, кофе в середине 1920-х гг. были роскошью для большинства населения страны, в том числе ученых.

Анализируя режим питания ученых, нужно подчеркнуть еще один момент – значимость домашней кухни. По материалам бюджетов, в 1920-е гг. ученые питались главным образом дома, пользование услугами столовых было эпизодическим и не оказывало существенного влияния на общую структуру потребления. В материалах обследования расходы на оплату обедов в столовых зафиксированы в 67 семьях (23,7 %), только «домашнее питание» отмечено в 215 семьях (76,3 %).

Кроме того, ученые могли «столоваться» у знакомых, т. е. обедать за плату в других семьях. Таких клиентов обычно называли «нахлебниками». В материалах бюджетного исследования 1925 г. 9 семей (3,2 %) получали доход от платных обедов в размере от 5 до 60 руб., а в составе 5,7 % семей отмечены нахлебники.

Альтернативой домашним обедам были столовые. Дешевые столовые для ученых организовывались ЦЕКУБУ и региональными секциями научных работников не только в столицах – Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Одессе, Екатеринославле и других университетских городах [Тайцлин, 1925, с. 195].

В Одессе столовая работала при Доме ученых, и первые четыре года секция научных работников получала ежегодную дотацию на содержание столовой от Американской секции Европейской студенческой помощи. В 1924 г. столовая была переведена на самокупае-

мость. Число посетителей достигало в зимние месяцы до 200 человек в день, в летние 130–150, 24 научным работникам обеды отпускались бесплатно и 18 чел. – за половину стоимости [И. Т., 1926, с. 69].

В Днепропетровске столовая была организована в 1924 г. также при участии Американской секции, что давало возможность поддерживать низкую плату за обеды и выдавать большое количество бесплатных обедов. В 1926 г. столовая отпускала 4 200 обедов в месяц. Стоимость обедов для членов секции составляла 45 коп. за три блюда [Президиум бюро..., 1926, с. 75–76].

В материалах бюджетного обследования 1925 г. в 67 семьях отмечены расходы на обеды в столовой, треть из них проживала в Москве и Ленинграде, 35,8 % – в украинских городах Киеве, Харькова, Одессе, 26,9 % – в провинциальных городах РСФСР, и три семьи – в Ташкенте.

Таким образом, для ученых в исследуемый период формируется сеть предприятий общественного питания, хотя домашнее питание и оставалось основным. Оно и определяло структуру потребления.

Подводя итог гастрономическому обзору, отметим – питание наиболее полно характеризует уровень и образ жизни, историческое своеобразие момента времени и существующие в обществе проблемы. Кроме того, оно во многом определяет режим и культуру потребления. В научной литературе традиционно преобладает количественный подход к изучению проблем питания, ориентированный на оценку пищевой ценности (калорийности) потребленных продуктов. Но с позиций повседневности более значимым аспектом изучения питания выступает характеристика кухни, рецептов блюд, праздничные и обыденные меню, режим питания. Бюджетная статистика 1920-х гг. частично позволяет воспроизвести этот сюжет, но нуждается в иллюстрации нарративными источниками для получения более полной картины.

Зафиксированное в бюджетах повседневное питание свидетельствует о диверсификации потребления и выделении элитарной, переходной и нормализованной модели в соответствии с новыми советскими стандартами потребления. Разнообразие порождает вопрос о необходимом и излишнем (роскоши) – основе социальной дифференциации. Бедняки могут позволить себе только самое необходимое, состоятельные люди – разнообразие, богатые всегда славились причудами, предпочитая редкости и эксклюзив [Бродель, 1986]. Таковы законы потребления.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное.

Булгаков М. А. Собачье сердце [1925]. URL: <http://public-library.ru/Bulgakov.Mikhail/sobachye.html> (дата обращения: 25.02.2023).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5462. Центральные комитеты профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997.

Дневник А. Орешикова // Прожито.ру. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221918-01-01%22&diaryTypes=%5B1%2C2%5D&keywords=%5B%22%D0%9E%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%22%5D> (дата обращения: 12.01.2024).

И. Т. Одесская секция научных работников // Научный работник. 1926. № 12. С. 67–71.

Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны: По статистическим материалам 1908–1924 гг. М.: Вопросы труда. 1926.

Канчеев А. А. Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. 1925. № 3. С. 112–130.

Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников»: декрет СНК РСФСР от 24 января 1921 г. // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=30E7D49C8008F095C46F4621136EF278&SORTTYPE=0&BASENODE=41-8&ts=ewRcFHTVIMYZWG9C&base=ESU&n=9276&rnd=SCILhA#1vdJfHTjNsWFpiQ8> (дата обращения: 25.02.2024).

Президиум бюро. Секция научных работников в Днепропетровске // Научный работник. 1926. № 12. С. 75–76.

Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 13.08.2024).

Советская жизнь. 1945–1953 гг. : сб. док. М.: РОССПЭН, 2003

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620352. Российская Федерация. Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925 г.: № 2022620085: заявл. 19.01.2022; опубли. 28.02.2022 / Л. Н. Мазур, Е. А. Долгова; заявитель: ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Статистический справочник СССР. 1927. М.: ЦСУ СССР, 1927.

Тайцлин И. Работа Секции на местах // Научный работник. 1925. № 1. С. 195–202.

Чаянов А. В. Бюджетные обследования: история и методы. М.: Изд-во «Новый агроном», 1929.

Шальнев Е. В. Проблема денежного обеспечения научных работников Советского государства в 1920–1930-х гг. // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 617–621.

ПРЕЕМНИЦА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ – СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: КАДРОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (К 90-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ). НАЧАЛО: ЯНВАРЬ 1934 – ИЮНЬ 1941 гг.

Советский опыт планирования социально-экономического развития регионов позволил сблизить различные территории СССР по уровню индустриального развития. Особое значение имеет реализация ускоренной модернизации Уральского экономического района, где за годы предвоенных пятилеток был сформирован современный многоотраслевой промышленный комплекс. Эпицентром Уральского экономического района была Уральская область, а затем, с февраля 1934 г. – Свердловская область, вобравшая большинство ведущих промышленных предприятий, основную часть высших учебных и научных заведений, а в г. Свердловске – сконцентрировавшая все управленческие структуры (партийные, советские, профсоюзные, плановые) Уральской области.

Предлагаемая статья раскрывает этапы становления Свердловской области: эволюцию кадрового корпуса региона; изменение планов реконструкции экономики; роль области в оборонно-промышленном потенциале Советской страны. Отмечается специфика реализации программ отраслевого и территориального развития в каждой из трех предвоенных пятилеток. Выделяются причины недостижения запланированных показателей промышленного роста в Свердловской области.

Ключевые слова: Урал, Свердловская область, индустриализация, СССР, партия, кадры, управленцы, капиталовложения, образование.

Введение

Региональная политика представляет собой системно взаимосвязанные мероприятия, включающие в себя меры законодательного регулирования, административного воздействия и финансово-экономический инструментарий, которые реализуются на всех уровнях управления и направлены на решение задач комплексного социально-экономического развития территорий. Этому направлению посвящены многие исследования [Шилова, 2022; Елсуков, Москаленко, 2023].

Значительный интерес представляет советский опыт планирования социально-экономического развития и экономического районирования. В этой связи десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 – январь 1934 гг.) стал временем крупномас-

штабного эксперимента по модернизации экономики в формате планового пространственного размещения промышленности, энергетики, транспорта. В определенной степени эти планы оказались выполненными.

Почему же опыт функционирования Уральской области следует считать удачным?

1. Импульс к развитию Уральской области дал «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.» [Генеральный план..., 1927], представлявший собой уникальный вариант экономического развития, сочетавший черты долгосрочного централизованного (отраслевого) управления и возможность самостоятельного решения ряда региональных проблем, прежде всего в сфере внутрирегиональной и внутрирайонной кооперации предприятий и, как следствие, создание единого промышленного комплекса. Многие задачи Генерального плана были сохранены в «Пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР» в разделе, касающемся Уральской области. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала и Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов».

2. Впервые в мировой практике был запущен процесс создания территориально-промышленного комплекса, состоящего из промышленных районов, промышленных узлов и промышленных комбинатов на основе кооперации производственных процессов.

3. О значении Уральской области свидетельствуют директивы Первого пятилетнего плана, по которым доля Уральской области в общесоюзном промышленном производстве стремительно возрастала с 4,27 до 10,36 %. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6 % всех всесоюзных капиталовложений [Пятилетний план..., 1930, с. 38–40, 554–555].

4. Примечательный факт: за десятилетие территория Уральской области увеличилась с 1 659 тыс. кв. км до 1 896 тыс. кв. км, или на 14 %.

5. В достаточно жестком соревновании с индустриальным потенциалом Москвы и Ленинграда, Донецко-Криворожским бассейном доля Уральской области в производстве промышленной продукции СССР за годы первой пятилетки выросла с 3,8 до 5,4 % [Крумин, 1933, с. 7].

6. В Уральской области возник научный центр, имеющий общесоюзное значение.

Результаты осуществления первого пятилетнего плана оказали огромное влияние на экономику Урала. Наиболее выдающиеся

достижения были связаны с пуском машиностроительных предприятий – Уральского завода тяжелого машиностроения (Свердловск), Челябинского тракторного завода (ЧТЗ), Пермского авиамоторного завода, многих других. По своему оснащению они не имели себе равных в старой уральской промышленности. Особой гордостью уральских хозяйственников являлся ЧТЗ, спроектированный по новейшим технологическим принципам – именно здесь заработал первый в истории Азии конвейер. Огромное значение имело и создание сложнейшего горно-химического комплекса в Березниках и Соликамске, положившее начало отечественной калийной, магниевой и азотной промышленности. Существенно укрепилась энерговооруженность уральской индустрии.

Однако осуществить запланированный прыжок и полностью преобразовать хозяйство края не получилось. Так, наметки второй половины 1920-х гг. предполагали ввод в строй трех крупнейших металлургических комбинатов, работающих на минеральном топливе – Магнитогорского, Ново-Тагильского (либо Алапаевского) и Бакальского. «Вакханалия планирования» рубежа 1920–1930-х гг. привела к пересмотру цифр; теперь в Уральской области предполагалось построить пять мощных комбинатов – к трем упомянутым добавились Комарово-Зигаинский комбинат в соседней Башкирской АССР и Орско-Халиловский комбинат в Средне-Волжской области [Бугров, Симонов, 2023]. На деле же в годы первых пятилеток в строй вошел только один новый комбинат – Магнитогорский. Лишь в 1940 г. начал работать Новотагильский комбинат, а Бакальский комбинат, сменивший дислокацию на Челябинск, заработал только в 1943 г. Это означало, что костяк уральской металлургии составляли заводы, вошедшие в строй на рубеже XIX–XX вв. либо прошедшие в 1930-е гг. переоснащение – Серовский (Наеждинский), Чусовской, Лысьвенский, Нижне-Салдинский, Златоустовский, Кушвинский и Белорецкий.

Специфика элиты Уральской области

Специфика элиты Уральской области заключалась в высоком представительстве в ее составе выходцев из местных горнозаводских рабочих, входивших на рубеже 1917–1918 гг. в обширную группу председателей деловых советов промышленных предприятий [Абрамовский, Буданов, 2008, с. 148–149], в первой половине 1920-х гг. работавших председателями правлений горнозаводских трестов, подчиняющихся представительному органу ВСНХ на Урале – Уралпромбюро. Руководителем Уралпромбюро был Д. Е. Сулимов; председатели правлений горнозаводских трестов: Уралмет – Ф. И. Локацков;

Уралплатина – Г. И. Ломов; Гормет – С. И. Маврин; Уралмедь – В. С. Гулин; Богословского – М. К. Ошвинцев. С учетом значимости указанных трестов в промышленном регионе в середине 1920-х гг. некоторые из них перешли на партийную и советскую работу; другие (В. С. Гулин, Г. И. Ломов) – на вышестоящую хозяйственную работу. К 1926 г. Д. Е. Сулимов стал первым секретарем Уралобкома, Ф. И. Локацков – председателем Уральского областного исполкома, М. К. Ошвинцев – заместителем председателя Уральского Совета народного хозяйства (СНХ). (Председателем СНХ стал вернувшийся из Москвы после руководящей работы в главке металлургической промышленности В. Н. Андроников). С именами этих людей связана разработка первого среди регионов СССР Генерального плана развития Урала на 1927–1941 гг., Первого пятилетнего плана Уральской области; они были лидерами в уральской элите.

Работа на руководящих постах в горнозаводских трестах в условиях нэповской экономики, возможность использования знаний технических специалистов формировала у вчерашних профессиональных революционеров опыт рационального управления. На процесс формирования элиты Уральской области большое влияние оказывал процесс «назначенчества». В нем можно выделить два аспекта: направление руководством ЦК кадров из других областей, а также перемещение партийных работников внутри Уральской области. Например, за пятилетний период (декабрь 1923 – январь 1929 г.) на посту первого секретаря Уралобкома сменились пять человек (М. М. Харитонов, Н. К. Антипов, Д. Е. Сулимов, Н. М. Шверник, И. Д. Кабаков). Частая смена руководителей региона до начала первых пятилеток свидетельствовала не только о приоритете для Сталина задач внутрипартийной борьбы и стремления на всех уровнях власти расставить верных управленцев, но и об очевидной хаотичности кадровой политики, недоверии к местным кадрам, «запятнанным» даже фрагментарной поддержкой оппозиции.

Линия рационального управления постоянно не совпадала с переменами «генеральной линии партии». За 1929–1933 гг. Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уральского обкома ВКП(б), работавших с ним с 1929 г.: секретарей обкома П. Т. Зубарева, А. И. Ларичева, И. С. Семирякова; руководителей облисполкома М. К. Ошвинцева и В. Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л. Е. Гольдича и др. «Перетряхивание» партийных функционеров в начале 1930-х гг. превратилось для Сталина в постоянный компонент кадровой политики. Так, стоило председателю Уральского областного исполкома (с января 1929 по ноябрь 1933 гг.) М. К. Ошвин-

цеву в январе 1933 г. на пленуме Уралобкома, подводящем предварительные итоги первой пятилетки в Уральской области, предложить уйти от курса на количественные показатели, обернувшегося в 1929–1932 гг. крайне низким качеством продукции, как вскоре Ошвинцев был освобожден от своей должности [ЦДООСО, ф. 4, оп. 11, д. 20, л. 47–148.]. По традиции второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг., попавший в опалу управленец высокого ранга был переведен на второстепенную работу в Москву (членом Комиссии советского контроля при СНК СССР).

Из числа уральской элиты вышли видные руководители партии и советского государства (например: Д. Е. Сулимов – председатель СНК РСФСР в 1930–1938 гг.; Н. М. Шверник – председатель ВЦСПС в 1930–1944 гг. и председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1946–1953 гг.; К. Ф. Рындин – 2-й секретарь Московского обкома и горкома ВКП(б) в 1930–1934 гг.); Румянцев – первый секретарь Западного обкома ВКП(б) в 1929–1937 гг., и многие другие). Судьба членов Уралобкома далеко не однозначна. Для многих из них реализация Индустриального проекта стала главным делом в жизни. Оценка каждого конкретного человека должна быть обоснована и индивидуализирована; сопоставлена с ценой достижений и тяжестью проступков. Но свой вклад в реализацию задач индустриализации они успели внести.

Для многих уральских партийно-государственных работников период 1933–1934 гг. стал временем движения вниз по кадровой лестнице, как правило, за пределами региона. Однако в регионе остались их бывшие подчиненные – младшее поколение уральских управленцев.

Причины разделения Уральской области на три субъекта

Утверждение леворадикального курса в ходе «Великого перелома» привело к отказу от принятых и утвержденных ранее планов. Становление командно-административной системы в экономике привело к тому, что планы конца 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей, были дезавуированы. Фактически промышленный комплекс Урала с начала 1930-х гг. создавался под диктовку отраслевых наркоматов, формируя унифицированную управленческую вертикаль, характерную для всех регионов СССР. Облплан и Совет народного хозяйства Уральской области превратились в контролеров за исполнением директивных заданий московских центральных учреждений. Инициативы местных органов, направленные на более рациональное промышленное развитие региона, решительно пресекались политическим руководством страны. В то же время попытки наладить внутрирегиональную кооперацию,

например, путем создания в регионах института уполномоченных Госплана СССР, носили несистемный характер и не приносили успеха.

Необоснованный отказ от научных принципов планирования, от совмещения административно-территориальных единиц (областей) с границами крупных экономических районов привел в январе 1934 г. к разделению Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Сам факт такого решения свидетельствовал о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки, хотя это был частный случай глобального невыполнения ее заданий в экономике СССР. В результате ликвидации Уральской области были деформированы складывающееся отраслевое кооперирование и технологические связи между отраслями хозяйства; острее стали ощущаться недостатки в материально-техническом снабжении и квалифицированных кадрах.

Свердловская область – главный наследник Уральской области

После реформирования именно в Свердловской области сохранилось большинство ведущих промышленных предприятий, основная часть высших учебных и научных заведений, а в административном центре Свердловской области, г. Свердловске – *всех управленческих структур (партийных, советских, профсоюзных, плановых) Уральской области*, даже с учетом некоторого понижения их статуса: от общеуральского уровня – до Среднего и Западного Урала (территория будущей Пермской области до октября 1938 г. входила в Свердловскую область).

На долю предприятий Свердловской области в 1934 г. приходилось 62 % выпуска промышленной продукции и 68 % промышленных рабочих Уральской области. Свердловская область в 1934 г. являлась четвертым индустриальным регионом СССР, уступая только Москве, Ленинграду и Сталинской (Донецкой) области.

Руководящий состав Свердловской области как правопреемник элиты Уральской области

XII Уральская областная конференция ВКП(б) (18–22 января 1934 г.) была самой короткой по продолжительности из всех аналогичных областных партийных форумов за время существования Уральской области в 1923–1934 гг. Можно выделить три причины, обусловившие такую «краткость».

Во-первых, конференция должна была обсудить итоги первой пятилетки в Уральской области. Однако в традициях большевистской

практики подводить неутешительные итоги пятилетия было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций, при максимальной краткости информации.

Во-вторых, открытие конференции 18 января 1934 г. «случайно» совпало с опубликованием Постановления ЦИК СССР о разделении Уральской области на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую области. Сам факт такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки (как, впрочем, и иных регионов).

В-третьих (формально – в силу разделения Уральской области), делегаты не обсуждали перспектив развития Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.): уже во вступительном слове первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков предложил снять вопрос «О контрольных цифрах народного хозяйства Урала на вторую пятилетку» [Двенадцатая Уральская областная конференция..., 1934, с. 6]. История Уральской области была завершена. Начиналась история Свердловской области.

Сплотить партийцев, входящих в состав элиты Уральской области, должна была система привилегий. Без сомнения, руководителей области не красили немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели, оплачиваемые за счет партийной кассы обеды и банкеты, строительство роскошных – по меркам 1930-х гг. – дач и многое другое [Сушков, 2019]. Однако, копируя стиль верхнего эшелона московских чиновников, нормы быта советской номенклатуры, выстраивая *согласно секретным постановлениям ЦК и СНК* сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир, выполняя решения Политбюро о резком повышении заработной платы партийным работникам [Осокина, 1993], уральские управленцы «не отрывались от номенклатурного коллектива», выстроенного по сталинским лекалам.

Представители директорского корпуса Свердловской области наглядно показали, что процесс осмысления итогов первой пятилетки включает в себя и критические оценки экономической действительности, пусть непоследовательные и фрагментарные. Среди известных на всю страну в 1930-х гг. управленцев – членов Свердловского обкома ВКП(б) были директор Мотовилихинского завода П. К. Премудров, начальник строительства ферросплавного завода в Челябинске М. А. Жариков, начальник строительства и первый директор Челябинского тракторного завода К. П. Ловин, руководитель крупнейшего в СССР калийного треста В. Е. Цифринович; высшее техническое образование имел только К. П. Ловин. Работа этих директоров была отмечена высшими наградами СССР.

Даже весьма сдержанные критические выступления представителей директорского корпуса способствовали переосмыслению «вакханалии планирования» 1930–1931 гг. В выступлениях крупнейших хозяйственников на областных партийных конференциях и Пленумах всплывали фрагменты подлинной реальности экономической жизни региона. Те советские и партийные работники, которые в годы НЭПа прошли школу управления промышленными предприятиями и горнозаводскими трестами, также не менее откровенно говорили о проявлениях бесхозяйственности.

Вторая пятилетка (1933–1937 гг.)

Для советской партийно-государственной элиты было очевидно, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Едва ли не главной идеей Второго пятилетнего плана стало поистине выстраданное в 1932–1933 гг. понимание руководством СССР необходимости сбалансированности социально-экономического развития. Второй пятилетний план предполагал установление взаимозависимости и связи между отдельными отраслями, районами и экономикой страны в целом, а также внутри конкретной отрасли и района. Отраслевые программы и планы развития экономических районов становились составной частью стратегии Второй пятилетки. Руководство Госплана на протяжении Второй пятилетки последовательно отстаивало сравнительно сбалансированную экономическую политику, выступало за ограничение капиталовложений.

Таким образом, принятие Второго пятилетнего плана означало, что формат индустриального проекта превратился в самостоятельный субъект экономической жизни. Нельзя не отметить отличия базовых ориентиров Второго пятилетнего плана от заданий первой пятилетки. Усиливалась централизация планирования и управления экономикой. Так, Второй пятилетний план устанавливал задания для всей промышленности – не только крупной, но и мелкой – по 120 отраслям, в то время как в первой пятилетке детальные плановые задания были определены примерно по 50 отраслям крупной промышленности. План второй пятилетки включал натуральные показатели по 36 отраслям машиностроения, тогда как план первой пятилетки – всего по пяти. Согласно Второму пятилетнему плану, в экономику Уральского экономического района планировалось направить более 10% от капиталовложений в народное хозяйство СССР, но почти 14% – в промышленность, и 17,37% – в тяжелую промышленность [Второй пятилетний план..., 1934, с. 10, 13, 15, 315], что усиливало дисбаланс в экономике региона.

Серьезной проблемой для Свердловской области в годы второй пятилетки стало сужение диапазона самостоятельности принятия управленческих решений. В силу рассмотренных выше причин Свердловская область вступила в 1934 г. вообще без собственного пятилетнего плана; в прошлом осталось и предварительное обсуждение наметок пятилетнего плана на региональном Съезде советов.

На собственном опыте изучив трудности управленческой науки, директорский корпус в годы второй пятилетки постепенно переходил на более рациональные позиции [Совещание..., 1934]. Однако эволюция экономической мысли в СССР в 1930-е гг. [Фельдман, 2021] с одной стороны, и требования индустриального проекта, закрепленные в партийных и государственных директивах – с другой, требовали от руководителей Свердловской области гибких управленческих действий. В составе социальной категории секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Свердловской области по-прежнему преобладали люди с начальным образованием (примерно 68%), но появились и выпускники советских вузов (11,6%), а также управленцы со средним образованием (20,6%). На первый план вышел вчерашний руководитель окружного звена, сформировавшийся в годы существования Уральской области. Серьезным недостатком в работе управленцев области стало отсутствие персональной ответственности и попытка вмешательства в дела хозяйственников [Колдушко, 2007].

Репрессии 1937–1938 гг. обернулись тяжелым социально-экономическим кризисом, высокой текучестью кадров, резким искусственным омоложением управленческих кадров. «Рабочее ядро» руководящих партийных кадров, объявленное социальным приоритетом в комплектовании номенклатуры в начале 1930-х гг., перестало быть таковым. За период репрессий секретарский состав значительно помолодел. Основу новой номенклатуры, пришедшей к власти на гребне репрессий, составляли работники в возрасте *до 30 лет*. Более половины секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Свердловской области в 1939 г. были выдвиженцами с низовой работы. Принцип формирования номенклатуры не изменился. Подбор на партийную и советскую работу осуществлялся по анкетным данным. При этом первый руководитель, как и раньше, подбирал себе команду, руководствуясь не только функциональными, но и личными предпочтениями. Первые лица в партийной иерархии руководили столь же директивными методами, как и их предшественники. Критика снизу не поощрялась, а самокритика сводилась к ритуальным фразам. Практически не изменился образовательный уровень управленцев [Колдушко, 2010]. Иными были принципы отбора на хозяйственную работу, прежде всего в директорский корпус: здесь оценку определял результат.

Третья пятилетка (1938 – июнь 1941 г.).

Третий пятилетний план намечал дальнейший значительный рост технического вооружения отраслей народного хозяйства, высокий уровень освоения новой техники, решительное улучшение организации производства. План исходил из необходимости более полного использования интенсивных факторов экономического развития – усиления роли производительности труда, улучшения использования производственных фондов, повышения эффективности капитальных вложений в народное хозяйство. В промышленности должен был повыситься удельный вес тех отраслей, которые определяли технический прогресс и существенные сдвиги в структуре производства.

Особенно важное значение для дальнейшего технического вооружения народного хозяйства имел более быстрый рост машиностроения, продукцию которого намечалось увеличить в 2,3 раза. Рост производства всех видов станков (особенно автоматов и полуавтоматов), увеличение выпуска паровых турбин за пятилетие в 5,9 раза, паровых котлов в 5,2 раза, ускоренное развитие сложной аппаратуры и оборудования для химической промышленности, новых машин для легкой и пищевой промышленности и т.д. – все это обеспечивало дальнейшее техническое вооружение народного хозяйства, внедрение передовой техники во все отрасли экономики [История социалистической экономики, 1978, с. 22]. Безусловного выполнения требовали задачи оборонно-промышленного комплекса.

Характер планирования предвоенного периода требовал иных кадров. В руководство Свердловской области пришли люди с высшим, либо с незаконченным высшим образованием. Показателен пример В. М. Андрианова, первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) (январь 1939 – март 1946 г.), успевшего закончить три курса матмеха Московского государственного университета. Н. И. Гусаров, учившийся в Московском авиационном институте, с апреля 1938 г. исполнял обязанности секретаря Свердловского городского комитета ВКП(б), а с марта 1939 г. возглавил Молотовский (Пермский) обком и горком партии. В свою очередь, в конце 1939 – начале 1940 г. на работу в обком Андрианов пригласил молодых доцентов Уральского индустриального института, кандидатов технических наук А. Б. Аристова и Н. М. Лапотышкина и поручил им заведовать соответственно промышленным и машиностроительным отделами обкома ВКП(б). Кандидат экономических наук П. А. Жуков возглавил промышленный отдел Свердловского горкома ВКП(б).

Свердловская область продолжала дробиться. Как было сказано выше, в октябре 1938 г. из ее состава была выделена Пермская область.

Как и в 1934 г., глубокое обоснование такого шага отсутствовало: в целом, в публичной сфере это решение подавалось как приближение конкретного управления к экономике Западного Урала.

Представляется возможным высказать суждение о масштабах сдвига промышленности на Восток в 1937–1940 гг. Для Уральского экономического района отмечен рост с 6,2 до 6,8% общесоюзного промышленного производства. Несколько уменьшился и вес «старых» промышленных районов (доля Украинской ССР в общесоюзном промышленном производстве за 1928–1940 гг. сократилась с 19,1 до 18%; Ленинграда – с 10,7 до 10,2%, Центрального промышленного района – с 39,7 до 38,1% [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 813, л. 132]. В целом на восточные и южные районы СССР (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию, Закавказье) приходилось 21,7% общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22% в 1940 г

Как видно из данных Табл. 1, Свердловская область оставалась крупнейшим индустриальным регионом в Уральском экономическом районе.

Таблица 1.

*Данные о выпуске промышленной продукции и численности рабочих промышленности СССР в 1940 г. (Уральский экономический район)**

Регион, область	Число промыш- ленных предп- риятий	Средне- годовое число рабочих, тыс. чел.	Стоимость валовой продукции (в ценах 1926/1927 гг.), млн руб.	Удельный вес в обще- союзном произ- водстве промыш- ленной продукции, %
Молотовская	17 568	204,5	2 196	1,59
Свердловская	17 696	303,3	2 929	2,11
Челябинская	18 303	200,1	2 497	1,8
Чкаловская	9 465	57,1	427	0,31
Башкирская АССР	19 248	94,8	653	0,47
Удмуртская АССР	14 499	92,7	756	0,55

*Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 10–13.

Скромнее были успехи в изменении дислокации предприятий машиностроительного комплекса. Показательно, что весь Уральский экономический район (с Удмуртией и Башкирией), дававший в 1940 г. 8% союзного производства машиностроения, более чем на две трети

снабжался машинным оборудованием за счет завоза из Европейской части СССР. Сложнее было и с пространственным размещением производства станков. В 1940 г. районы Центра давали 46,5 % общесоюзного производства металлорежущих станков, Украины – 19,1 %; районы Урала – 4,5 %. На долю восточных районов приходилось только 15,6 % производства металлорежущих станков, в том числе 5,5 % – на заводы Урала [История социалистической экономики, 1978, с. 22]. В транспортном машиностроении СССР главным событием в годы Третьей пятилетки стал ввод в строй в Нижнем Тагиле Уральского вагоностроительного завода (УВЗ), превосходящего Уралмаш и ЧТЗ по общей мощности своих цехов и оборудования, по механизации трудовых процессов [Антуфьев, 1992, с. 40, 42, 45].

При этом значительная часть производственных мощностей была перепрофилирована на нужды оборонного производства. Например, доля военной продукции за 1938–1940 гг. выросла на Уралмаше с 33,5 до 55,5 %, а на УВЗ – с 2,6 до 15,6 % [Там же, с. 45].

В черной металлургии к 1941 г. была в основном завершена техническая реконструкция металлургии Урала и Сибири. Ведущее место в ней заняли новые заводы-гиганты, оснащенные самыми передовыми по тому времени оборудованием и техникой, в том числе вступивший в строй в 1940 г. Новотагильский металлургический завод. В то же время уральская металлургия еще имела много недостатков и слабых сторон.

Если основные цеха вновь построенных и реконструированных заводов были оснащены современной техникой, то вспомогательные производства были механизированы слабо, в них преобладал ручной труд. На долю Урала в 1940 г. приходилось только 7,1 % производства труб в СССР [Алексеев, Гаврилов, 2008, с. 595].

Зато ключевые позиции Урал удерживал в области цветной металлургии тяжелых и легких металлов: 65 % общесоюзного выпуска никеля давали три уральских завода, в том числе в Свердловской области – Режевской, вышедший на полную мощность в 1939 г.; производства меди – в 1940 г. Свердловская область производила более 50 % всей черновой меди, 80 % электролитной меди и 40 % бокситов. Третьим советским центром производства алюминия (после Днепровского и Волховского) стал Уральский завод в городе Каменске (с 6 июля 1940 г. – Каменске-Уральском), строительство которого началось в конце 1934 г., но ввод в действие первой очереди Уральского алюминиевого завода произошел только в начале сентября 1940 г. Выпуск алюминия в СССР в 1940 г. составил 50 тыс. т. Из них 13,3 тыс. т (26,6 %) дал вступивший в строй Уральский алюминиевый завод (УАЗ). [Алексеев, Гаврилов, 2008, с. 586–587, 639].

Таким образом, Свердловская область являлась одним из крупнейших промышленных регионов СССР, превратившись из горнометаллургического края в многопрофильный промышленный комплекс с высоким потенциалом для внутренней специализации и кооперации.

Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен и до наших дней. М.: Наука. 2008.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии. 1992.

Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск: Уральская акад. гос. службы, 2008.

Бедель А. Э., Воробьев С. В., Постников С. П. Сталинская индустриализация (30–40-е годы) // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 162–174.

Бугров К. Д., Симонов М. А. Уголь, нефть и железные руды: индустриальное планирование и трансформация представлений об Урале в экономической мысли СССР (1920–1930-е гг.) // История : электрон. науч.-образ. журнал. 2023. Т. 14. Вып. 5(127). URL: <https://history.jes.su/s207987840013837-9-1/> (дата обращения: 30.08.2024).

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 1. М.: Госплан СССР, 1934.

Генеральный план развития народного хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и период Первой пятилетки. Свердловск: Уралплан, 1927.

Двенадцатая Уральская областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Свердловск: Партиздат, 1934.

Елсуков М. Ю., Москаленко В. Н. Развитие подходов к реализации региональной политики в России // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 86–96.

История социалистической экономики : в 7 т. М.: Наука. 1978. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938–1945.

Колдушко А. А. Социальные характеристики региональной партийной номенклатуры, репрессированной в 1937–1938 гг. (по материалам Свердловской области) // Номенклатура и номенклатурные практики : материалы Интернет-конф. Пермь, 2007. С. 159–170.

Колдушко А. А. Образование как элемент социального портрета партийной номенклатуры в 1920–1930-е годы (на примере Свердловской и Пермской областей) // Вестн. Перм. гос. тех. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2010. № 3. С. 105–111.

Крумин Г. К. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск: Партийное издательство. Уральское областное отделение. 1933.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. М.: Госплан СССР, 1930.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.

Советание руководящих работников тяжелой промышленности 20–22 сентября 1934 г. М. : Л.: ОНТИ, 1935.

Сушков А. В. «Дело Свердловского облисполкома». Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 91–106.

Фельдман М. А. «Предвосхитившие работу, выполненную западными экономистами», или феномен журнала «Плановое хозяйство» // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 112–120.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 4(40). С. 96–112.

УДК 94(470.55).084.8:329.8

Р. Ш. Хакимов

ИСКУШЕНИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ И ТЯЖЕЛАЯ «СТАЛИНСКАЯ ДЛАНЬ». 1946–1953 гг.: (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассмотрена практика привилегий и льгот партноменклатуры в период позднего сталинизма на примере Челябинской области. Показано, что система привилегий и льгот партноменклатуры изменялась, но никоим образом не исчезала. Выявлены особенности функционирования этой системы в послевоенный период: способность к приспособлению, изменение и расширение потребностей, сопротивляемость попыткам И. Сталина и высшего партийного руководства ограничить корыстно-материальные устремления партноменклатуры, сращивание партийной и хозяйственной элиты в стремлении обеспечить себе привилегированную и комфортную жизнь, зарождение условий для формирования устойчивой коррупции в данной среде. Автор отмечает типичность данных негативных явлений для всех регионов страны.

Ключевые слова: партноменклатура, льготы, привилегии, Челябинская область, ЦК ВКП(б), «челябинское дело», И. М. Зальцман, А. А. Белобородов.

Введение

Проблематика исследований «позднего сталинизма» значительно расширилась в последние годы. Одной из ведущих стала тема привилегий и льгот региональных элит в этот период. Ввиду новизны и слабой изученности она привлекла внимание многих исследова-

телей. Следует отметить работы С. Я. Бондаренко, И. В. Говорова, А. Б. Коновалова, О. Н. Калининой и других [Бондаренко, 2004; Говоров, 2011; Коновалов, 2004, 2005; Калинина, 2005; Хакимов, 2019, 2021, 2022]. В ряду исследований выделяются монография А. В. Сушкова, где глубоко и подробно раскрыта деятельность директора Кировского завода И. М. Зальцмана в контексте «ленинградского дела» [Сушков, 2018], а также большая серия его статей. По Челябинской области достаточно подробно жизнь партноменклатуры военных и первых послевоенных лет нашла освещение в статьях А. В. Сушкова, Н. А. Михалева, А. Н. Федорова [Сушков, Михалев, 2014; Сушков, 2015а, 2015б, 2016, 2018; Федоров, 2017]. Авторы глубоко исследовали взаимоотношения местных партийных, комсомольских и хозяйственных органов области, деятельность ряда областных партийных руководителей. Исследователи впервые показали наличие коррупционных проявлений в Челябинской области, затронули вопрос и о привилегиях партноменклатуры.

Однако данная тема очень многогранна, во многом остается закрытой, и нельзя сказать, что исследованы все ее аспекты. Кроме того, явления, зародившиеся в позднесталинский период, имели сильное влияние на последующее развитие политической и экономической системы советского государства.

Материалы исследования

Великая Отечественная война завершилась победой ценой огромных людских и материальных потерь и лишений народа. Советское государство приобрело невиданную до этого мощь. И соответственно укрепилась партийно-государственная власть. Партийный аппарат в годы войны набрал силу, его распоряжения имели императивный характер. Соответственно, система привилегий партноменклатуры также укрепилась и получила дальнейшее развитие.

Функционирование системы привилегий в Челябинской области в данный период отличают две особенности: во-первых, рост потребностей номенклатуры и большие масштабы применения привилегий; во-вторых, неизбежные злоупотребления партийных чиновников, переход за «красную линию» ограничений. В этом смысле «челябинское дело», инициированное послевоенным сталинским ЦК ВКП(б), выглядит достаточно закономерным.

Сталинское руководство достаточно тщательно контролировало ситуацию и при необходимости принимало жесткие меры к зарвавшимся руководителям. Окончание войны в какой-то мере сняло напряжение военных лет, притупило чувство ответственности и страха

у значительной части партноменклатуры. Испытав некоторое снижение уровня потребления («употребление слово лишения здесь будет неоправданно» [Хакимов, 2022, с. 78]), партноменклатура желала сытой, размеренной и более обеспеченной жизни. Здесь можно говорить о проявлении синдрома победителей: «мы победили, и мы должны получить».

Также необходимо отметить, что в связи с освобождением Красной Армией в ходе Второй мировой войны ряда европейских государств, и естественным при этом захватом трофеев, в СССР хлынул большой поток предметов роскоши: ювелирных изделий, ковров, gobеленов, одежды, посуды, картин, музыкальных инструментов, антиквариата, бытовой техники, легковых автомобилей, чего не было или было в малом количестве в Советском Союзе. И эти вещи, притом высокого качества, в значительной мере повлияли и развили потребительскую культуру как населения в целом, так и номенклатуры, которая, конечно, имела наибольшие возможности для их получения.

Вот показательный пример. Несмотря на категорическое запрещение о выезде за границу, в сентябре 1944 г. в Румынию был командирован заведующий военным отделом ЦК КП(б) Молдавии и заместитель транспортного отдела ЦК, которые пробыли в районе Ясс около полутора месяцев. Эти партработники занимались реквизицией. Они вывезли 45 вагонов мебели, там же были музыкальные инструменты, самовары, ванны, матрацы и другая утварь. Все это было предназначено для руководства республики [Твердюкова, 2015, с. 263].

Стремление к роскоши, к дорогим товарам проявилось и в Челябинской области. Отметим особенность потребностей партноменклатуры послевоенных лет. Происходят изменения во внешнем облике, в одежде. Обязательным становится костюм современного фасона, галстук, шляпа. На этой почве в декабре 1951 г. происходит скандал с пошивом костюма для первого секретаря Челябинского обкома партии А. Б. Аристова портным-заключенным из исправительно-трудовой колонии [Сушков, 2016б].

Если в тридцатые годы иметь золотые вещи или драгоценности, ковры, антиквариат для партработника было абсолютно неприемлемым, то в послевоенный период этот запрет нарушается. Так, за счет челябинского Кировского завода с подачи директора завода И. А. Зальцмана были изготовлены золотые часы стоимостью более 40 тыс. руб. для первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова, второго секретаря горкома Я. Ф. Капустина, председателя Ленинградского горисполкома П. С. Попкова. На Златоустовском заводе было изготовлено подарочное оружие, украшенное золотом

и драгоценными камнями для А. А. Кузнецова, для члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и для командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова [Сушков, 2016а, с. 80–102]. Тем самым была перейдена негласная «красная черта», которую высшая власть в лице ЦК партии и его вождя И. Сталина определила для партноменклатуры. Как увидим, прецедент имел весьма печальные последствия для Челябинской области.

После окончания войны система льгот и привилегий партноменклатуры была полностью сохранена. Для партийно-советского, комсомольского, профсоюзного актива и хозяйственных руководителей устанавливалось отдельное снабжение промтоварами. Так, 28 июня 1945 г. суженный состав Челябинского облисполкома принял распоряжение № 9:

«1. В соответствии с распоряжением Совнаркома Союза ССР от 12 июня 1945 года № 9119с, установить снабжение промышленными товарами руководящих работников районных партийных, комсомольских, советских и хозяйственных организаций сельских районов в соответствии с прилагаемым перечнем должностей в количестве: по 1 тыс. руб. в полугодие каждому – 132 чел., по 750 руб. в полугодие – 1493 чел.

2. Обязать зав. облкартбюро (Областное карточное бюро. – Р. Х.) тов. Анисимова обеспечить к 5-му июля с. г. печатание и выдачу лимитных книжек на промтовары в соответствии с лимитами и номенклатурой, указанной в пункте № 1 настоящего постановления.

3. Обязать зав. облторготделом тов. Горева и председателя облпотребсоюза тов. Гоголева обеспечить отоваривание лимитных книжек на промтовары» [ОГАЧО, ф. Р-274, оп. 20, д. 9, л. 28].

Таким образом, 1625 человек попадали в льготную категорию для снабжения промтоварами. Этот список был расширенным, в него, например, были включены наряду с первыми руководителями района заведующие отделами, редактор районной газеты, районный прокурор, народный судья, начальник райотдела связи, директора МТС, райвоенком, заведующий районной сберкассой и другие руководители районного звена [ОГАЧО, ф. Р-274, оп. 20, д. 9, л. 30]. По каждому сельскому району получалось в среднем 50–52 человека, по городам было больше. Обеспечивалось ранжирование льгот: первым руководителям районов полагалась сумма 1 тыс. руб., всем остальным – 750 рублей.

Со временем система установленных льгот и привилегий партийно-советского актива лишь видоизменялась, но в основе своей оставалась неизменной. 14 декабря 1947 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление № 4004 «О проведении денеж-

ной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». После этого в Челябинск, как и в другие региональные партийные и советские органы, поступило письмо за подписью И. В. Сталина и А. А. Жданова от 23 декабря 1947 г. (*телеграфное указание* № П-50 (здесь и далее курсив автора. – *Р. Х.*), содержащее следующее предписание:

«В связи с отменой карточной системы снабжения населения должен быть соответственно отменен действовавший в период карточной системы бесплатный отпуск продовольствия и промтоваров руководящим советским и партийным работникам... Исходя из этого Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) предлагают Вам отменить с 1 января 1948 года действующий порядок...» (далее по тексту постановления облисполкома и бюро обкома. – *Р. Х.*)» [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 147, л. 103].

А 29 декабря 1947 г. Политбюро ЦК приняло постановление о прекращении продажи промышленных товаров через закрытую сеть для руководящих работников с 1 января 1948 г. [Политбюро ЦК..., 2002, с. 402–403].

Во исполнение полученного указания 27 декабря 1947 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся и бюро Челябинского обкома ВКП(б) приняли постановление № 1205 «Об отмене *бесплатных* продовольственных и промтоварных лимитов руководящим советским и партийным работникам». В документе было сказано:

«В соответствии с телеграфным указанием Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1947 года № П-50, исполнительный комитет Челябинского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) постановляют:

1. Отменить с 1 января 1948 года ныне действующий порядок бесплатного отпуска продовольствия, прекратить расходование средств из фонда улучшения социально-бытового обслуживания на бесплатный отпуск продуктов на дачи и другие виды бесплатной выдачи продовольствия руководящим советским и партийным работникам.

2. Установить с 1 января 1948 года руководящим советским и партийным работникам (которые в настоящее время получают дотацию из средств фонда соцбыта) выдачу дополнительно к получаемой ими заработной плате денежное довольствие в размере от двух до трех должностных окладов в месяц согласно приложениям № 1 и 2.

3. Открыть для свободной торговли все специальные продовольственные и промтоварные магазины закрытого типа, обслуживающие руководящих советских и партийных работников» [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 145, л. 179].

К совместному решению исполкома и бюро обкома был приложен список руководящих работников, по-прежнему получающих до-

полнительное денежное довольствие. В список вошли 28 партийных и 35 советских работников. Изменения в целом были незначительными. Привилегии получали все секретари обкома, их заместители, заведующие и заместители заведующих отделами, заместители председателей облисполкома, начальники управлений, первые секретари горкомов партии и председатели горисполкомов трех городов: Копейска, Магнитогорска, Златоуста; редактор областной газеты, директор партшколы, первый секретарь обкома ВЛКСМ [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 100, л. 180, 181–183].

Заместитель председателя облисполкома при окладе 1 600 рублей дополнительно получал 4 400 рублей, начальники управлений и заведующие отделами при окладах от 1 700 до 1 400 рублей дополнительно получали от 2 800 до 3 740 руб. ежемесячно. У второго и третьего секретарей обкома партии при окладе 1 800 рублей дополнительная выплата составляла 5 290 рублей, у секретарей обкома и заместителей секретарей обкомов к окладу 1 800 рублей доплачивалось 4 500 руб., у заместителей председателя облисполкома и заведующих отделами обкома ВКП(б) при окладе 1 600 руб. доплата составляла соответственно 4 400 и 3 200 рублей [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 145, л. 180–183]. Выплата денежного довольствия прекращалась на уровне заведующих секторами обкома. Т.е. доступ к денежному довольствию получили только руководящие работники регионального уровня (секретари и заведующие отделами). Инструкторы обкома ВКП(б) денежного довольствия не получали. Денежных доплат не получали местные партийные работники (кроме особо оговоренных, а также первых и вторых секретарей Челябинского, Магнитогорского, Копейского и Златоустовского горкомов ВКП(б)). Дополнительная прибавка к зарплате руководителям не проходила по ведомости, а выдавалась отдельно, в конверте. Конверт с наличными вместе с ведомостью доставляли прямо в кабинет.

Выплаты в конвертах были повсеместным явлением в партии. Так, об этом вспоминает А. Н. Яковлев, будущий член Политбюро ЦК КПСС и известный деятель перестройки. В 1951 г. он был назначен заведующим отделом школ и высших учебных заведений Ярославского обкома ВКП(б). Яковлев пишет:

«Работа в новом качестве резко улучшила мое материальное положение. К 1 500 рублям официальной зарплаты добавился пакет с 3 000 рублей, с которых не надо было платить ни налоги, ни партийные взносы» [Яковлев, 2001, с. 62].

Размер дополнительного денежного довольствия первому секретарю обкома ВКП(б) и председателю облисполкома при окладах

в 2 тыс. руб. был установлен 6 тыс. рублей (коэффициент 3), но затем в документе эти цифры были зачеркнуты по той причине, что руководителям области размер доплат устанавливался ЦК партии и Советом Министров СССР.

К цитированным выше документам требуется некоторое разъяснение.

Во-первых, был официально признан бесплатный характер льгот, получаемых партноменклатурой до 1 января 1948 г.

Во-вторых, раскрывалось происхождение льгот: из фонда улучшения социально-бытового обслуживания.

В-третьих, отмена действовавшего порядка бесплатного обеспечения партноменклатуры объяснялась отменой карточной системы в стране.

В-четвертых, имеется расхождение в документах ЦК и областных. В письме из Москвы были слова «*вместо* этого решил выдавать *временное* денежное довольствие дополнительно к получаемой заработной плате». В то же время в постановлении облисполкома и бюро обкома слов «*вместо*» и «*временное*» не было, из чего можно сделать вывод о стремлении местных руководителей сделать выплаты с сохранением обеспечения по карточкам, а денежные выплаты сделать постоянными, т.е. есть сохранить и даже расширить привилегии и льготы в будущем.

В-пятых, если в письме И. Сталина и А. Жданова содержался п. 3 «Открыть для свободной торговли... магазины и *базы* закрытого типа...», то в постановлении облисполкома и бюро обкома слово «*базы*» было упущено. Это оставляло еще одну лазейку для сохранения пользования льготами. Как показало время, эта лазейка, как и другие, продолжала использоваться. В записке от 22 марта 1948 г. главного государственного инспектора по торговле по Челябинской области К. Косякина секретарю Челябинского обкома ВКП(б) А. Белобородову указывалось, что ряд торговых организаций с ведома и согласия горкомов ВКП(б) и горрайисполкомов сохранили закрытые распределители [Рукавишников, 2020, с. 29].

Таким образом, челябинское руководство пошло на прямое невыполнение указания постановления ЦК и Совета Министров СССР. Вдобавок председатель облисполкома И. В. Заикин распорядился не взимать полагающуюся оплату за жилье ни с него, ни с первого и второго секретарей обкома ВКП(б); за счет средств соцбыта, кроме оплаты квартир первых лиц, проводился ремонт используемых ими государственных дач на озере Смолино [Сушков, 2018, с. 106].

Все это было неслучайно. Партноменклатура на местах, даже, испытывая отчаянный страх перед И. В. Сталиным, вкусив привилегии, никак не желала их лишаться.

Обратим внимание еще на один момент: партия, имея полную власть, внешне старалась это никак не показывать. Отсюда, порядок расстановки властных органов в документах – *Совет Министров СССР* и ЦК ВКП(б); *исполком областного Совета депутатов трудящихся* и бюро обкома ВКП(б); руководящим советским и партийным работникам.

В то время заработок большинства квалифицированных рабочих и обычная зарплата специалиста находились на уровне 800–1200 руб. в месяц, а среднемесячная зарплата по народному хозяйству по стране в целом составляла 646 рублей [РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 161–161об.]. Еще более низким был уровень жителей сельской местности, которые вплоть до начала 1960-х гг. составляли более половины населения страны. В 1950 г. зарплата колхозников в среднем по стране составляла менее 15%, от зарплаты ИТР, менее 30% от зарплаты служащих и менее 50% от зарплаты рабочих сельского хозяйства (совхозов) [Мамяченков, 2020, с. 117].

Партноменклатура, сохранив основные привилегии, тем не менее, хотела большего. Закономерным стало усиление коррупции в руководящей среде. Как отмечает А. В. Сушков, в течение 1948–1949 гг. руководители Челябинского обкома ВКП(б) и облисполкома при поездках в служебные командировки незаконно получали продукты, оплачивая их стоимость за счет средств облисполкома. Кроме того, они не платили за пользование квартирой, отопление, освещение, незаконно получали денежные пособия. Так, первый секретарь обкома А. А. Белобородов получил продукты на сумму 12 395 руб., не уплатил за коммунальные услуги 9 955 руб.; председатель облисполкома И. В. Заикин в 1948 г. получил продукты и папиросы на сумму 5 319 руб., приобрел ружье на 1 170 руб., устроил банкет у себя на даче на сумму 3 394 руб. из средств облисполкома, не оплачивал коммунальные услуги. Сменивший его новый председатель облисполкома М. М. Бессонов получил продукты на 8 898 руб. и не оплатил коммунальные услуги на сумму 2 387 руб. А. А. Белобородов и второй секретарь обкома Ф. Н. Дадонов получили как нуждающиеся по 3 тыс. рублей, а еще три секретаря обкома – Г. А. Бездомов, А. Г. Лашин, П. И. Матвейцев – по 1 800 руб., хотя никаких оснований для этого не имели [Сушков, 2018, с. 100–101].

В рабочих поездках для первых руководителей области также обеспечивался высокий уровень комфорта. В командировку первый секретарь обкома партии А. А. Белобородов и председатель облисполкома И. В. Заикин отправлялись в личном вагоне, к вагону прицеплялась платформа, на которой перевозили служебный автомобиль. В поездке руководителя сопровождал свой повар, в вагон загружался и запас продуктов [Там же, с. 107].

Продолжалась практика решения отдельными партработниками личных вопросов за счет предприятий и госбюджета. Дачный городок на озере Смолино был расширен, он стал занимать площадь 13,5 га. Территория была обгорожена, разбиты цветники, здесь произрастали ценные породы деревьев: липы, лиственницы, сосны. В поселке был закрытый буфет с набором дефицитных продуктов. Дачный городок охранялся, был отгорожен высоким забором. Попасть в него можно было только через пропускной пункт, где круглосуточно дежурил милиционер. Внутри городка была еще одна закрытая зона с дачами для первых людей области (первый секретарь обкома и председатель облисполкома). Дачи были построены в годы войны для И. М. Зальцмана и Н. С. Патоличева за счет средств, выделенных наркоматом танковой промышленности. Четкое разделение льгот и привилегий существовало на всех уровнях партийной иерархии. На базе на озере Смолино имелись дачи секретарей обкома. Заведующие отделами размещались в отдельных дачных домиках, партработники рангом ниже жили в общих комнатах.

В дачном поселке проводились работы по благоустройству, озеленению, содержался обслуживающий персонал (садовники, горничные, повара), они жили в отдельных помещениях. До 1948 г. все расходы по содержанию дач производились за счет управления подсобных предприятий облисполкома, затем дачи стали называться базой отдыха работников госучреждений и поселок был переведен на баланс облисполкома. На дополнительные расходы по дачам республиканский Совмин выделил облисполкому 50 тыс. рублей. Полагающаяся плата за площадь и амортизационные начисления за имеющееся на дачах имущество, включая постельные принадлежности, с начальства не взималась. В 1948 г. Совет Министров РСФСР распорядился взимать с проживающих плату как за площадь дачи, так и за находящееся на дачах имущество. Однако И. В. Заикин дал указание и дальше не взимать полагающуюся плату ни с него, ни с первого и второго секретарей обкома. На одном из озер области для областных руководителей — любителей охоты был построен специальный дом [Там же, с. 105–106].

За счет средств соцбыта облисполком регулярно устраивал банкеты для руководства. Застолье организовывались на дачах. Участниками банкета были секретари обкома, председатель облисполкома и его первый заместитель, начальники областных управлений МГБ и МВД, начальник ЮУЖД, директор Кировского завода, иногда присутствовал прокурор области. Руководителей сопровождали жены. Банкеты проводились по случаю Нового года, Первомайских и ноябрьских праздников. Банкеты были устроены в честь вручения

А. А. Белобородову удостоверения депутата Верховного Совета СССР, назначения его первым секретарем обкома ВКП(б) [Там же, с. 106].

Не отставали и партийные работники низового уровня. Так, заместитель секретаря парткома Кировского завода (ЧТЗ) А. В. Гончаров в октябре 1945 г. устроил свадьбу сына, затратив на нее 20 тыс. руб., выделенных директором завода И. М. Зальцманом. На свадьбе присутствовали директор завода И. М. Зальцман, секретарь парткома завода, он же парторг ЦК ВКП(б) М. Д. Козин [Сушков, 2015а, с. 78–90; Сушков, Михалев, 2015, с. 97–98]. Налицо было сращивание партийных и хозяйственных элит. Особое значение оно приобретет впоследствии, в период позднего социализма и начала рыночных реформ.

Зависимость руководителей парткома от директора завода приводила к тому, что вплоть до июня 1949 г. партком завода фактически закрывал глаза на барское, грубое отношение И. М. Зальцмана к рабочим и инженерно-техническим работникам, на факты грубого нарушения законов и злоупотребление служебным положением. Никто не реагировал на поведение И. М. Зальцмана обком партии и его первый секретарь Н. С. Патоличев. Так, в октябре 1945 г. обком и горком ВКП(б) запретили проводить внеочередной пленум Тракторозаводского райкома партии, который потребовали провести наиболее принципиальные и честные члены райкома по вопросу о нарушении И. М. Зальцманом партийной дисциплины и игнорирование райкома [Сушков, Михалев, 2015, с. 99–100].

Только в некоторых случаях, когда нарушения получали широкую огласку и следовали репрессивные меры со стороны ЦК партии, областное руководство несколько уступало и корректировало систему льгот и привилегий в сторону уменьшения. Так, после того, как начались разбирательства по Кособродскому сельскохозяйственному комбинату, снабжавшего продуктами областное руководство, и после настойчивых обращений рядовых коммунистов в центральные органы, комбинат решением облисполкома от 26 мая 1949 г. был возвращен областному здравоохранению для организации питания больных кумысного санатория [Хакимов, 2022, с. 90].

Были случаи и прямого присвоения денежных средств номенклатурными работниками. Так, секретарь Каслинского райкома ВКП(б) П. Ф. Бочкарев присвоил 3 500 руб., собранных населением на радиодиффракцию района [Сушков, 2018, с. 101]. Продолжалась практика самозащиты партноменклатуры в сельских районах за счет колхозов. В отчете Челябинского обкома ВКП(б) от 11 января 1947 г. отмечалось, что в Октябрьском районе секретарь райкома ВКП(б) Т. З. Сараев, начальник отдела МГБ Иноземцев, начальник отдела МВД Никитин, заведующий райзо Карпов, прокурор Иванов и ряд других работников

забирали в колхозах продукты, скот и другое имущество на десятки тысяч рублей; как правило, деньги при этом не уплачивались [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 135, л. 7].

Была и другая практика. В Кулуевском районе второй секретарь райкома партии Х. Х. Юсупов взял корову в обмен на маленького теленка, районный прокурор Лазарев в колхозе «Большевик» старую непригодную лошадь обменял на хорошую, он же в колхозе имени Буденного по решению райисполкома взял корову, оплатив по цене госзакупа, заведующий оргинструкторским отделом райкома ВКП(б) Вахитов взял корову в колхозе «Комбайн» по заниженной стоимости, оплатив 500 рублей [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 327, л. 117].

В сельской местности были свои формы привилегий для партноменклатуры. Сельские жители независимо от членства в колхозе по действующему законодательству уплачивали очень обременительный сельскохозяйственный налог. Однако партийно-советский актив от его уплаты освобождался. Предполагалось, что руководители не ведут личное хозяйство и не имеют приусадебных участков. Райисполкомы ежегодно принимали решения об освобождении от уплаты налогов. Так, исполком Кузнецкого районного Совета депутатов трудящихся на заседании 9 июня 1947 г. принял решение «О предоставлении к освобождению от уплаты сельхозналога на 1947 год руководящих работников района». Этим решением от уплаты сельхозналога были освобождены первый, второй и третий секретари райкома ВКП(б), председатель райисполкома, его заместитель, ответственный секретарь райисполкома, все заведующие отделами райисполкома (12 человек), заведующий оргинструкторским отделом, заведующий отделом пропаганды и агитации и заведующий военным отделом райкома ВКП(б), райуполминзаг (уполномоченный наркомата по заготовкам сельхозпродуктов), судья, прокурор, начальник отдела НКГБ, начальник отдела НКВД, начальник милиции, директор конторы «Главмолоко», председатель райпо, управляющий госбанком, всего 30 человек [Архив Аргаяшского муниципального района, ф. 18, оп. 1, д. 1, л. 172об.].

Послевоенный сталинский ЦК партии достаточно жестко следил за региональными руководителями. При этом количество каналов, через которые повседневно контролировались региональные руководители, было велико: это были инспекторы ЦК ВКП(б), аппарат комиссий партийного и советского контроля, работники органов наркоматов (министерств) госбезопасности и госконтроля, прокуратуры.

В Москву поступало немало писем и от рядовых членов ВКП(б), содержащих заявления о злоупотреблениях местных начальников. Действовавшая тогда практика предполагала обязательное рассмотре-

ние, наряду с подписанными, анонимных жалоб и заявлений граждан. Этот порядок действовал на протяжении всего советского периода. С одной стороны, он демонстрировал страх людей перед государственной системой и боязнь последствий для себя, возможных гонений за критику. С другой стороны, для партноменклатуры он действовал как своеобразный ограничитель, выполнял роль «дамоклова меча». Разумеется, нередко были случаи клеветы и огульных обвинений, приводивших к арестам и расстрельным приговорам, весьма распространенным в годы «Большого террора» 1937–1938 гг. и даже в 1940-е гг. Для партноменклатуры постоянным было сочетание довольства от использования привилегий и страха за карьеру и жизнь. В какой-то степени льготы и привилегии партноменклатуры можно назвать *платой за страх*. Самым страшным обвинением для номенклатурного работника было политическое.

Так, секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову поступила анонимная жалоба на неправильное поведение партработников Саткинского района. Выезжала комиссия обкома ВКП(б). Помощник секретаря Саткинского райкома А. В. Выломова, чья фамилия была упомянута в жалобе, писала в объяснение в обком партии:

«...в декабре 1951 года инструктором Челябинского обкома ВКП(б) Смирновым мне предъявлено обвинение по жалобе 1) что я дочь кулака; 2) что я имею кулацкое хозяйство, из которого извлекаю громадную прибыль... имею корову – 1, овец – 2, картофель – 6 соток, сенокоса 1,5 га, две пчелосемьи» и далее она подробно объяснялась по каждому пункту, чтобы отвести от себя страшное политическое обвинение [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 92, д. 1, л. 89, 111, 114].

После ряда писем в ЦК ВКП(б) были расследованы нарушения расходования государственных средств партийными работниками, злоупотребления директора Кировского завода И. М. Зальцмана. Все расследования проходили в 1949–1950 гг. Обвинения были рассмотрены на уровне ЦК и в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), и их можно назвать большим «челябинским делом». 16 июня 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О неправильном расходовании средств в Челябинском обкоме ВКП(б) и облисполкоме». Первый секретарь обкома А. А. Белобородов и председатели облисполкома – сменявшие друг друга И. В. Заикин (апрель 1946 – июль 1948) и М. М. Бессонов (июль 1948 – апрель 1949) были сняты с занимаемых должностей. Им объявили выговоры, обязали вернуть незаконные денежные выплаты и оплатить жилищно-коммунальные услуги. Еще более строго подошли к директору Кировского завода И. М. Зальцману. Он в июле 1949 г. был снят с работы и исключен из партии. Еще раньше в ЦК ВЛКСМ и на бюро обкома ВКП(б) было

рассмотрено «дело челябинского комсомола», когда в областной комсомольской организации выявились нарушения финансовой дисциплины, практика проведения банкетов за государственный счет, незаконные вклады в банки во время денежной реформы¹. В июле 1949 г. на пленуме обкома ВЛКСМ за допущенные нарушения А. Я. Борисов был освобожден от должности первого секретаря обкома комсомола [Федоров, 2017, с. 145–153]. Комсомольские работники были составной частью партноменклатуры, ибо комсомол, как было записано в Уставе ВЛКСМ, являлся «боевым помощником и резервом коммунистической партии». Комсомольские функционеры копировали не только взгляды, деловой опыт, но и поведенческие установки старших товарищей. И поэтому, рассматривая «челябинские дела», можно говорить о злоупотреблениях как о системном явлении в жизни номенклатуры.

Исследования по истории позднесталинского периода позволяют судить о том, что злоупотребления были широко распространены и носили всеобщий характер. И. В. Говоров пишет: «изучение ленинградских архивов позволяет нам сделать вывод о том, что в послевоенный период коррупция приобрела системный характер. В нее в различных формах (самоснабжение, различного рода злоупотребления, взятки) была вовлечена значительная часть партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. Это способствовало процессам перерождения социалистической экономики и превращению коррупции в неотъемлемый элемент советской хозяйственной системы» [Говоров, 2011, с. 79]. Межрегиональные различия были только в масштабах. Так, фигурантам «ленинградского дела» 1949 г., кроме политических и кадровых ошибок, инкриминировали многочисленные факты незаконного расходования государственных средств и использование руководителями своего служебного положения в личных целях (устройство банкетов, получение бесплатного питания, выделение трофейных пианино и автомобилей, оплата квартир, *содержание домашней прислуги*, наличие двухэтажного особняка у А. А. Кузнецова, создание специального охотхозяйства и другое) [Сушков, 2023, с. 50, 51, 73].

В ходе расследования «ульяновского дела» 25 февраля 1949 г. в Политбюро ЦК было выявлено, что на протяжении длительного времени некоторые работники обкома и горкома ВКП(б) и работники советских организаций бесплатно и в больших количествах получали спирт с заводов Ульяновского спирттреста, в результате государство был нанесен ущерб на сумму свыше 65 млн рублей, с работы были сняты и исключены из партии первый секретарь Ульяновского обкома

¹ По условиям реформы, держатели банковских вкладов имели преимущества при обмене старых денег на новые (Прим. ред.).

Терентьев и третий секретарь Артамонов [ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 2004, с. 198, 199].

А при рассмотрении «красноярского дела» в 1949 г. выяснились факты хищений директором завода плодово-ягодных вин и затем обеспечения продукцией партийных, прокурорских работников, председателя краевого суда, председателя крайисполкома, горисполкома [Сушков, 2011, с. 92]. О распространенности коррупции в среде номенклатуры свидетельствует и география (Челябинская и Ульяновская область, Ленинград, Молдавия, Красноярский край). Другой особенностью было то, что в списке преступлений региональной элиты послевоенных лет преобладают не политические обвинения, как в 1920–1930-е гг., а факты материальных злоупотреблений и морального разложения. Здесь уместно вспомнить, что в 1937–1938 гг. первые секретари обкомов Свердловской и Челябинской областей И. Д. Кабаков и К. В. Рындин были приговорены к расстрелу по политическим обвинениям. Первый – «за принадлежность к контрреволюционному уклону правых», второй – «за участие в контрреволюционной террористической организации» [Сушков, 2003, Королев, 2004].

Выводы

Послевоенные руководители СССР и лично И. Сталин стремились к восстановлению режима абсолютной власти. С этой целью они начали борьбу с усилившимися за годы войны руководящими элитами (армейской средой и региональными управленцами). Кроме того, были предприняты шаги по усилению идеологического контроля в обществе, что породило кампании в отношении деятелей культуры и общественных организаций. Одновременно шла борьба против коррупции, принимавший все более системный характер. Данная политика проводилась как путем «точечных» политических репрессий и кадровых решений («ленинградское дело», «челябинское дело», «красноярское дело», «ульяновское дело», «авиационное дело», «дело ЕАК»), так и посредством шумных пропагандистских компаний («дело космополитов», постановления ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград» и др.).

Однако, эти меры почти не затрагивали основу коррупции – систему полновластия партноменклатуры с ее неотъемлемой частью – правом распределения благ и привилегий. Отдельные случаи наказания зарвавшихся представителей партноменклатуры, даже репрессии по отношению к ним (отчасти «ленинградское дело», «челябинское дело») не имели целью разрушить номенклатурную систему. Лишить партноменклатуру привилегий можно было, только устранив

ее от кормила власти. Но это привело бы к разрушению всей системы партийно-государственной власти в стране. Также можно отметить, что в именно в 1946–1953 гг., несмотря на внешнею картину борьбы с коррупцией и показной сталинский личный аскетизм, начала складываться всеохватная система коррупции, просуществовавшая до конца Советского государства и ставшая одним из факторов его обрушения. Руководящая элита, в том числе региональная, вопреки воле Сталина, не желала отказываться от льгот и властных привилегий. Необходимо отметить, что жестокие наказания не могли остановить волну злоупотреблений. Так, уже через три года после завершения «ульяновского дела» и наказания виновных, 19 апреля 1952 г., Оргбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос «О работе Ульяновского обкома ВКП(б)» сняло с работы первого секретаря обкома партии А. И. Бочкарева за нарушения в руководстве хозяйственной деятельностью, а также за факты разложения, злоупотребления, пьянство, хищения спирта с Мелекесского спиртзавода [ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 2004, с. 288]. Несмотря на внешнюю прочность и незыблемость, созданная Сталиным система власти была обречена, постепенно разрушаясь изнутри.

Архивный отдел администрации Аргаяшского муниципального района. Ф. 18. Исполнительный комитет Кузнецкого районного Совета депутатов трудящихся.

Бондаренко С. Я. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004.

Говоров И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–71.

Калинина О. Н. Льготы и привилегии партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в позднесталинский период (1946–1953 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 59–63.

Калинина О. Н. Материально-бытовое обеспечение партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в середине 1940-х – середине 1950-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 2005. С. 147–156.

Коновалов А. Б. Эволюция системы номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России: материалы интернет-конф. «Номенклатура в истории советского общества» Пермь. 2004. С. 161–179.

Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005.

Королев Н. С. К. В. Рындин как типичный представитель партийного руководства 1920–30-х годов: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.

Мамяченков В. Н. Доходы, расходы и потребление колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960 гг.): моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).

Ф. Р-274. Челябинский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

Ф. П-288. Челябинский областной комитет КПСС.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.

Рукавишников А. А. Осуществление мероприятий по отмене карточной системы в городах Челябинской области в 1947 году // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 27–35.

Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома 1934–1991 : биограф. справ. / отв. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003.

Сушков А. В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Урал. ист. вестник. 2011. № 3 (32). С. 89–95.

Сушков А. В. «Зальцман чувствует себя вождем»: И. М. Зальцман и Челябинская номенклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 24(379). История. Вып. 66. С. 78–90 (а).

Сушков А. В. «И бояться... как бы Зальцман не стер в порошок»: И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 24(379). История. Вып. 66. С. 91–109 (б).

Сушков А. В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. (а)

Сушков А. В. Костюм для первого секретаря обкома: Скандал в руководстве Челябинской области в 1952 г. // Magistra Vitae: электр. журн. по ист. наукам и археологии, 2016, № 2. С. 81–102. (б)

Сушков А. В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург: Альфа Принт, 2018.

Сушков А. В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 99–115.

Сушков А. В., Михалев Н. А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы»: Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 22(351). История. Вып. 61. С. 107–116.

Сушков А. В., Михалев Н. А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!»: И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 14(369). История. Вып. 64. С. 94–106.

Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // Тр. Ист. фак-та С.-Петерб. ун-та. 2015. Т. 21. С. 254–271.

Федоров А. Н. «Дело Челябинского комсомола» 1949 г.: О работе региональных комитетов ВЛКСМ в послевоенный период // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 424. С. 145–153.

Хакимов Р. Ш. Формирование системы привилегий для партийно-советского актива в 1930–1950-е гг. (на примере Челябинской области) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Вып. 19. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та. 2019. С. 152–167.

Хахимов Р. Ш. Система привилегий и льгот региональной номенклатуры в советский период (на примере Челябинской области) : моногр. Челябинск. Изд-во Челяб. гос. ун-та. 2022.

Хахимов Р. Ш. Система привилегий партноменклатуры в период Великой Отечественной войны (1941–1945) (на примере Челябинской области) // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны : материалы XIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.) / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2021. С. 338–346.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко, А. Ю. Минюк, М. Ю. Прозуменичиков, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004.

Яковлев А. Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина : в 2 кн. Кн. 1. М.: «Варгис». 2001.

УДК 94(470.5).084.8:929

А. Н. Торопов

К 100-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ЕФИМОВИЧА ГЛАВАЦКОГО: МАТЕРИАЛЫ ПО БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

Статья приурочена к 100-летию выдающегося ученого Михаила Ефимовича Главацкого, работавшего в Уральском государственном университете с 1950 по 2005 гг. Научная и преподавательская деятельность М. Е. Главацкого имеет огромное значение и требует специального исследования. Данная статья посвящена характеристике деятельности историка и анализу материалов к его биографии.

Ключевые слова: М. Е. Главацкий, Уральский государственный университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, история Урала.

7 февраля 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося уральского историка Михаила Ефимовича Главацкого. По случаю этого знаменательного события мне, одному из его многочисленных учеников, хотелось бы в очередной раз напомнить о важности исследования биографии известного ученого, человека с интересной судьбой, обозначить основные этапы его жизни и направления деятельности. Наконец, мне представляется важным осветить некоторые научные и научно-популярные проекты, осуществленные под руководством М. Е. Главацкого на рубеже XX–XXI вв., в которых мне самому довелось принять участие. Это поможет расширить представление

© Торопов А. Н., 2024

о вкладе Михаила Ефимовича в изучение и популяризацию истории уральской металлургической промышленности дореволюционного периода.

В первую очередь следует указать имеющиеся основные труды к биографии М. Е. Главацкого. Разумеется, наиболее важная информация об ученом содержится в многочисленных справочных изданиях [Историки Урала, 2003; История интеллигенции России..., 2002; Уральский государственный университет в биографиях, 2010 и др.]. В сети Интернет присутствуют интересные сведения о его семье и жизни, однако необходимо пользоваться только проверенными источниками.

Как указывает справочник «Уральский государственный университет в биографиях», М. Е. Главацкий родился 7 февраля 1924 г. в городе Умань Черкасской губернии, в 1950 г. окончил исторический факультет Уральского университета и с этого года начал работу в университете. В справочнике содержатся подробные сведения о его работе в университете, научной деятельности и достижениях, в том числе указывается тема докторской диссертации – «КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1917–1940)», отмечается, что 34 ученика М. Е. Главацкого защитили кандидатские и девять – докторские диссертации, что он являлся заместителем председателя Проблемного совета Министерства высшего образования «Культурное строительство в СССР» в 1975–1992 гг., Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее роль и место в истории Отечества» в 1994–2005 гг., руководителем исследовательского центра «XX век в судьбах интеллигенции» в 1994–2005 гг. и др. Особо выделяется, что по инициативе М. Е. Главацкого в Уральском университете ежегодно проводились всероссийские конференции по истории интеллигенции (1992–2004). И наконец, перечисляются основные награды ученого: «удостоен премий Уральского университета за лучшую научную работу (1985) и за достижения в учебно-методической работе (1999); премии Фонда Сороса за лучшую рукопись учебной книги (1993); премии им. В. П. Бирюкова за лучшую книгу по краеведению (1998). Награжден серебряной медалью ВДНХ СССР за книгу «Культурное строительство на Урале» (1984), медалью им. Н. К. Чупина за труды по изучению Урала (2000), медалью им. В. Е. Грум-Гржимайло за труды по изучению истории металлургии (2004). Академик Академии гуманитарных наук (1997) и Нью-Йоркской академии наук (1998). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2007)» [Уральский государственный университет в биографиях, 2010, с. 275–276].

В другом справочном издании, «Историки Урала, XVIII–XX вв.», указываются основные этапы трудового пути М. Е. Главацкого, не только связанные с университетом: «рабочий (1941–1943), мастер на заводе (1944–1945), старший преподаватель, доцент, профессор кафедры истории КПСС (1963–1993), профессор кафедры источниковедения (1993–1996), профессор кафедры архивоведения (1996–2001), профессор кафедры документоведения и информационно-правового обеспечения управления (с 2001)», отмечается, что «на формирование научных взглядов оказали влияние М. П. Ким, Б. Д. Греков, В. З. Дробизев, В. Л. Соскин» и т. д. [Историки Урала, 2003, с. 43–45].

А еще в одной энциклопедической статье среди достижений ученого упоминается, что в 1995 г. он был инициатором возрождения журнала «Известия Уральского государственного университета» [Емельянов]

Доступная информация, несомненно, показывает разносторонность и значимость деятельности историка, но все эти краткие сведения не дают полного представления о долгой, сложной и интересной жизни Михаила Ефимовича. Необходимо обратиться к гораздо более широкому кругу источников и литературы.

Не стоит забывать, что существуют специальные издания, посвященные М. Е. Главацкому. В первую очередь к ним можно отнести вышедшую в 1999 г. книгу «К 75-летию со дня рождения. Главацкий Михаил Ефимович: биобиблиографический справочник» и труды самого ученого «Избранное» (2003).

Первое из них, подготовленное учениками Михаила Ефимовича к его юбилею, хоть и небольшое по объему, помимо сухой официальной информации о его деятельности, включает материалы, в которых составители попытались более подробно и неформально представить работу своего учителя. Части книги озаглавлены: «Публикации учеников средней школы, подготовленные под руководством М. Е. Главацкого», «Отзывы об учебной, научной и публикаторской деятельности» и «По страницам газет». В этих разделах представлены некоторые взгляды Михаила Ефимовича, оценки его деятельности другими исследователями, описана его работа со студентами и школьниками [К 75-летию со дня рождения, 1999].

Так, в отзыве академика РАН, члена президиума УрОРАН Н. Н. Красовского отмечается: «Характерные черты профессора М. Е. Главацкого: глубокая образованность, истинная культура, большая творческая энергия, умение выдвигать новые идеи, способность объективно оценивать исторические события создали ему высокий авторитет как среди специалистов гуманитарного профиля, так и среди научных со-

трудников и студентов естественных специальностей» [К 75-летию ко дню рождения, 1999, с. 20].

Другая из указанных книг – «Избранное» – является не только собранием отрывков из наиболее важных, на взгляд составителей, научных трудов М. Е. Главацкого, но и сама по себе является важнейшим источником по изучению его деятельности. В. Е. Третьяков, в то время ректор УрГУ, в предисловии к этому изданию написал: «Предлагаемая книга включает избранные работы, но несмотря на все их тематическое и жанровое разнообразие, в ней, на мой взгляд, чувствуется цельность, тот стержень, который во многом определяет личность автора» [Главацкий, 2003, с. 4]. Верность этой оценки подтверждают разделы книги: «Проблемы образования и науки», «Драмы истории», «Полемические заметки», «Интервью», «Воспоминания», «Рецензии».

В одном из приведенных в книге интервью, опубликованном в газете «Уральский рабочий» в 1993 г., М. Е. Главацкий рассказывает о подготовке «Хрестоматии по истории России»: «Мы решили, что обращение детей к истории должно базироваться не на основе чьих-то переложений, а на первоисточниках. Старшеклассникам крайне необходимо осязать живую картину прошлого и самим оценивать ее» [Там же, с. 121]. А в полемической заметке «Читая Солоухина» ученый отмечает в заключении: «Из своего жизненного опыта знаем, что у молодежи, неискушенной в политике, потянувшейся к истории, к правде, формирование сознания, политической культуры во многом идет под влиянием подобного рода «сенсаций». В таком случае Слово может обратиться в Действие с непредсказуемыми последствиями» [Там же, с. 118]. Подобные цитаты ярко характеризуют Михаила Ефимовича как исследователя и человека.

Большое количество материалов по биографии М. Е. Главацкого, многие из которых еще ждут своего исследователя, хранится в его личном фонде в музее университета. Огромную работу в этом направлении проделала Валерия Анатольевна Мазур, долгие годы возглавлявшая музей истории Уральского университета и принимавшая участие во множестве научных проектов вместе с М. Е. Главацким. Валерия Анатольевна не только являлась ближайшим соратником Михаила Ефимовича, она до сих пор активно собирает и публикует материалы о нем. Она же является составителем упомянутого издания «Уральский государственный университет в биографиях».

Даже самое поверхностное знакомство с фондом М. Е. Главацкого позволяет сделать вывод, что хранящиеся в нем неопубликованные источники могут стать основой для будущей книги о выдающемся ученом [Музейно-выставочный комплекс..., ф. 62/3]. Эти материалы, не вызывающие сомнения в своей достоверности, и могут дать наиболее полное представление о его жизни и деятельности.

Например, в автобиографии, датированной 14 августа 1945 г., М. Е. Главацкий приводит факты о своей жизни:

«Главацкий Шулим, родился в 1924 г. в городе Умань, Киевская область. В 1925 г. семья (отец, мать, три брата) переехала в село Ларино, Днепропетровской области, родители занимались земледелием [...]. 29 год – год коллективизации. Семья с имуществом вступила в колхоз. В 1933 г. умер мой отец. Я должен был, а мне было 11 лет, переехать к брату Сергею в город Серпухов, а позже Подольск, Московской области...».

Далее М. Е. Главацкий рассказывает в автобиографии, как он учился в школе, начал работать на заводе и переехал в Свердловск:

«Отечественная война застала меня на заводе им. Орджоникидзе. В конце 1941 г. эвакуировался в город Свердловск [...], работал на 3-де № 50 слесарем, а в 1942 г. выдвинут на должность мастера, хотя едва исполнилось 18 лет. В 1944 г. принят в члены В.К.П (б). В этом же году поступил в 10 класс и без отрыва от производства закончил 10 класс...» [Там же].

Конечно, важнейшими источниками по данной теме являются научные труды М. Е. Главацкого, в том числе большое количество книг, написанных им самим, либо являющихся результатом труда возглавляемых им коллективов авторов. Имеющаяся в музее истории университета информация о сотнях научных трудов, подготовленных Главацким, дает общее представление об объемах, продолжительности и направлениях его деятельности, но должна быть подробно проанализирована и систематизирована [Там же].

Один только список монографий включает в себя девять наименований: «КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале» (1974), «Горизонты высшей школы и науки на Урале» (1981, соавтор – З. Т. Сажина), «Историография формирования интеллигенции в СССР» (1987), «Рождение Уральского университета» (1995), «История рождения Уральского университета» (2000), «Философский парадокс, год 1922-й. Историографические этюды» (2002), «История интеллигенции, как исследовательская проблема» (2003), «Избранное» (2003), «Заводская карьера металлурга Грума» (2004, соавтор – Е. В. Байда) [Там же].

Особенно хочется выделить имеющуюся в фонде М. Е. Главацкого информацию о конференциях, проведенных под руководством учебного Центра «XX век в судьбах интеллигенции России». В 1990-х – начале 2000 гг. проводились такие конференции как «Дела и судьбы: научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30-е гг.», «Российская

интеллигенция. XX век» и др., издавались тезисы докладов [Там же]. Например, 14–15 апреля 2000 г. в Екатеринбурге проводилась всероссийская конференция «Интеллигенция и формирование гражданского общества в России», в которой приняло участие большое количество ученых. Организаторами конференции для обсуждения были выделены следующие проблемы: «Правовое гражданское общество: становление, тенденции развития, судьба в России», «Посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах», «Благотворительность в структуре правого гражданского общества» [Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества..., 2000].

По мнению М. Е. Главацкого, ученые обсуждали не только важнейшие, но и сложнейшие вопросы. В своем предисловии к сборнику тезисов конференции он отмечал: «Не следует думать, что по спорным вопросам будет выработано единое мнение. Цель конференции в другом – обозначить актуальные проблемы, рассмотреть их на междисциплинарном уровне. Впервые такая возможность имеется, в нашей конференции принимают участие историки, юристы, философы, социологи, политологи, экономисты» [Там же, с. 3].

Однако, как уже говорилось, научные интересы М. Е. Главацкого были гораздо шире. Одним из направлений его деятельности стала история уральской металлургической промышленности дореволюционного периода. Следует отметить, что тема привлекла внимание ученого только в 1990-е гг., но и в этой сфере он успел сделать достаточно много.

С большой долей уверенности можно предположить, что к теме истории металлургии ученый обратился на почве интереса к личности другого известнейшего профессора Уральского университета Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло (1864–1928). Исследованию биографии знаменитого металлурга М. Е. Главацкий посвятил много научных трудов. Под его редакцией вышли получившие широкую известность книги В. Е. Грум-Гржимайло [Грум-Гржимайло, 1996; Грум-Гржимайло, Грум-Гржимайло, 2001]. Эта важнейшая страница в биографии М. Е. Главацкого требует специального внимания, здесь же только отмечу, что исследование дореволюционного периода жизни и деятельности В. Е. Грум-Гржимайло послужило толчком к появлению целого ряда проектов, связанных с историей уральской металлургической промышленности, осуществленных под руководством М. Е. Главацкого [Металлурги Урала, 2001; Генерал от металлургии Павел Аносов, 1999; Старый Невьянский завод, 2001 и др.].

Изначально цели большинства этих издательских проектов были научно-популярными, поскольку они готовились к юбилейным датам,

имели большое количество иллюстраций и предназначались для широкого круга читателей. Однако применяемые М. Е. Главацким как руководителем исследовательские методы приводили к тому, что проекты приобретали и серьезную научную значимость. Поэтому считаю важным дать краткую характеристику этих методов на примере двух проектов, в которых я принимал участие.

Сборник документов «Генерал от металлургии Павел Аносов» был издан к 200-летию со дня рождения великого российского металлурга. К работе над книгой М. Е. Главацкий привлек большой коллектив авторов-составителей, многие из которых являются специалистами в разных областях исторической науки и других отраслей знания. Их участие позволило по-новому осветить известные факты и показать новые, прежде неизвестные страницы жизни и деятельности П. П. Аносова. Коллектив авторов-составителей осуществил огромную работу по поиску и отбору источников для публикации. В результате появилась книга, которая не только показала широкому кругу читателей жизненный путь металлурга и заводского деятеля, но и открыла новые факты его биографии, развенчала некоторые созданные в дореволюционное и советское время мифы [Генерал от металлургии..., 1999]. Например, в ходе работы над книгой были установлены наиболее вероятные дата и место рождения великого металлурга, а также другие факты [Главацкий, Торопов, 2004, с. 82–86].

В послесловии к сборнику документов М. Е. Главацкий и Л. А. Дашкевич отмечали: «Заполнить белые пятна в биографии ученого, раскрыть то, что еще не объяснено и подтвердить уже сказанное могут только подлинные исторические документы. Нас согревала идея дать читателю возможность поддержать в руках этих свидетелей Истории, извлеченных из архивных папок и музейных коллекций, заставить их говорить, чтобы человек не только ощутил масштаб личности нашего героя, но и вдохнул аромат эпохи, поэзию документа» [Генерал от металлургии..., 1999, с. 292].

Другая книга, «Старый Невьянский завод, 1701», была издана к 300-летию уральской металлургии и города Невьянска. Для ее подготовки использовался большой круг источников и литературы. Был сформирован большой коллектив авторов, в который вошли член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук А. А. Стариков, кандидат исторических наук Н. Г. Павловский, кандидат искусствоведения Г. В. Голынец, директор Невьянского историко-краеведческого музея А. С. Лянсберг, пресс-секретарь главы администрации МО «Невьянский район» А. В. Кравцова, хранители фондов Невьянского историко-краеведческого музея Н. И. Медовщикова, В. М. Мешкова и др. [Старый Невьянский завод, 2001, с. 10].

Привлечение к работе специалистов, занимающихся изучением различных проблем, связанных с историей уральской металлургической промышленности и Невьянского завода, несомненно, повысило значимость изданной книги.

Как выдающийся ученый, Михаил Ефимович Главацкий удостоен немало количества упоминаний в различных справочных изданиях и другой литературе. Тем не менее, многие страницы его биографии еще ждут своего исследователя. Жизнь и деятельность М. Е. Главацкого, несомненно, заслуживает серьезного исследования, отдельной большой книги.

Грум-Гржимайло В., Грум-Гржимайло С. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения / под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Генерал от металлургии Павел Аносов / под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Главацкий М. Е. Избранное. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.

Главацкий М. Е., Торопов А. Н. Металлург Павел Аносов: известный и неизвестный // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала : материалы IV регион. науч. конф., посв. 80- и 70-летию образования Уральской и Челябинской областей (15–16 янв. 2004 г.). Челябинск: Челяб. обл. краеведч. музеев ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2004. С. 82–86.

Главацкий М. Е., Финнова В. И. Невьянская башня. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

Грум-Гржимайло В. Хочу быть полезным Родине / под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1996.

Емельянов Е. П. Главацкий Михаил Ефимович // Екатеринбург. Энциклопедия. URL: <https://энциклопедия.екатеринбург.рф/encyclopedia?sub2=500> (дата обращения: 01.07.2024).

Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России: тез. докл. Всерос. конф. (14–15 апр. 2000 г.). Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000.

Историки Урала, XVIII–XX вв. : сб. ст. / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 2003.

История интеллигенции России в биографиях ее исследователей: Опыт энциклопедического словаря / под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та ; АИРО-XX, 2002.

К 75-летию со дня рождения. Главацкий Михаил Ефимович: биобиблиографический справочник. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1999.

Металлургия Урала. Энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Музейно-выставочный комплекс Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Ф. 62/3. М. Е. Главацкий.

Старый Невьянский завод, 1701. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Уральский государственный университет в биографиях / сост. В. А. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Раздел 3

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 94(470.24):332:719

Д. И. Стогов

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ г. ВЕТЛУГА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена проблемам существования малых городов России. Отмечается, что в настоящее время сложились крайне неблагоприятные условия для их развития, которые приводят к постепенному сокращению численности малых городских поселений. На примере одного из них, старинного города Ветлуга Нижегородской области, рассматривается текущая ситуация с архитектурными памятниками города и с сохранением богатого культурного наследия Ветлужского края. Отмечается, что для сохранения малых городов России недостаточны усилия отдельных энтузиастов (историков-краеведов, работников музеев, библиотек, священнослужителей и т. д.). Требуется создание комплексной государственной программы по сохранению историко-культурного наследия малых городов России и стабильное финансирование. Делается вывод о том, что будущее малых городских поселений – в развитии туристической отрасли при необходимом преобразовании местной транспортной инфраструктуры и возрождении местной промышленности.

Ключевые слова: малые города, урбанизация, Ветлуга, музей, промышленность, сельское хозяйство, культура

В настоящее время становится все более актуальной проблема сохранения облика малых городов России. В условиях научно-технического прогресса, стремительной урбанизации (в первую очередь речь

идет о росте больших городов) состояние сельских поселений и малых городов в нашей стране оставляет желать лучшего. Численность их населения стремительно убывает, отдельные предприятия в малых городах, существовавшие с советских времен и обеспечивавшие местное население рабочими местами, в последние несколько десятилетий часто закрывались. Население, лишенное средств к существованию, вынуждено переселяться в крупные города. Между тем, огромное количество малых городов России имеет богатую и славную историю. Без сохранения исторической памяти невозможно дальнейшее развитие страны, тем более в условиях глобальных геополитических вызовов, с которыми сегодня столкнулась Россия.

Практически все малые города России сегодня испытывают следующие серьезные проблемы:

- резкая убыль населения, города пустеют;
- нехватка рабочих мест и отсутствие нормального досуга и, как следствие, пьянство и прочие социальные пороки;
- уничтожение памятников старины – как естественным путем (старение), так и умышленно (например, поджоги).

Рассмотрим проблему сохранения малых городов России на примере г. Ветлуга Нижегородской области.

В 2023 г. небольшой город на севере Нижегородской области, центр Ветлужского муниципального округа (ранее Ветлужского района), официально отметил свое 245-летие. Между тем, его история уходит вглубь веков. В далекой древности в Поветлужье проживали черемисы, предки современных марийцев. В окрестностях современного города Ветлуги существует несколько археологических памятников, которые свидетельствуют о хозяйственной деятельности местного населения в древние времена и в период раннего Средневековья. Среди них – Спасское городище (культура древних черемисов), Чертово городище (в районе села Федоровское, сохранились памятники Ананьинской культуры), Одоевское городище (Ананьинская культура), Ефанихинский могильник (древние черемисы) и др. [Ветлужский район..., 2018, с. 54].

Постепенно в этот регион стали проникать русские. Исследователи рассматривают, как минимум, две основные волны переселения русского населения в район реки Ветлуги. Это переселение суздальцев (XIV–XV вв.) и псковичей с новгородцами (конец XVI – начало XVII вв., период Смутного времени) [Стогов, 2007]. Но и в последующие времена в Поветлужье по разным причинам переселялись люди из центральных регионов России.

Первое упоминание о поселении на территории современного г. Ветлуга относится к 1606 г. [Ветлужский район..., 2018, с. 58] – речь идет о деревне Шулепникова (возможны и иные написания – Щуплино, Шулепниково). С начала XVIII в. известно о существовании на месте будущего города села Верхнее Воскресенье, принадлежавшего различным владельцам. В 1778 г., однако, оно было выкуплено в казну Костромским генерал-губернатором А. П. Мельгуновым и, согласно указу императрицы Екатерины II от 5 сентября того же года, на месте села был образован новый уездный город «Ветлугъ», вошедший первоначально в Унженскую провинцию Костромского наместничества (впоследствии уездный город Костромской губернии) [Марков, 1922, с. 11–12]. Начинается история города Ветлуги.

На протяжении дореволюционного периода (до 1917 г.) город играл роль не только административного центра огромного по территории, но сравнительно малолюдного Ветлужского уезда (в его состав входила значительная часть современной Костромской и Нижегородской областей), но и являлся центром обширной торговли по реке Ветлуге, центром лесозаготовок. Ветлужское земство получило известность далеко за пределами Костромской губернии [Сизинцева, 1995]. Город стал малой родиной известных деятелей культуры – здесь родился философ В. В. Розанов [Ветлужский район..., 2018, с. 229], провел детские годы писатель А. Ф. Писемский [Там же, с. 227–228], драматург В. В. Розов [Там же, с. 229–230]. В городе родился и жил известный в свое время писатель Г. А. Яблочков [История..., 2006, с. 89–94], гражданский инженер Н. Л. Шевяков, который участвовал в том числе в строительстве гостиницы «Метрополь» в Москве [Чадаева, 2019].

Советский период истории города связан с именами выдающихся личностей: генерал-майора танковых войск, участника Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн Ф. Н. Раевского (он являлся начальником Второго Горьковского танкового училища, которое базировалось в годы Великой Отечественной войны в г. Ветлуга) [История..., 2006, с. 118–125]; актера М. И. Пуговкина (он заведовал художественной частью танкового училища) [Там же, с. 126–127]; известного хирурга, заслуженного врача РСФСР П. Ф. Гусева (похоронен на Ветлужском кладбище) [Ветлужский район..., 2018, с. 215]; героя Советского Союза В. Я. Кириллова (также похоронен на Ветлужском кладбище) [Там же, с. 219–220].

Летом 1918 г. г. Ветлуга стала одним из центров знаменитого Уренского восстания, жестоко подавленного большевиками [Гражданская война..., 2018, с. 230–243].

В советское время, несмотря на репрессии, гонения по отношению к бывшим представителям дворянства и буржуазии, деятелям церкви, интеллигенции; несмотря на закрытие крупнейших православных храмов города (Воскресенского собора и Троицкой церкви), город (теперь уже в составе Горьковской, ныне Нижегородской области) продолжал развиваться как промышленный центр. Работали хлебозавод, маслозавод, леспромхоз, филиал машиностроительного «Завода им. В. И. Ульянова», ликеро-водочный завод и др. В постсоветское время практически все эти предприятия (кроме хлебозавода) были закрыты, соответственно, население лишилось рабочих мест, началась резкая убыль населения города. Если в 1989 г. его численность составляла 10 190 чел. [Всесоюзная перепись..., 1989], то в 2021 г. – всего 7 681 чел. [Численность..., 2021]. Никаких условий для возможного роста численности населения города пока нет.

Между тем, в Ветлуге сохранилось богатое культурное наследие, которое нуждается в сохранении. Во-первых, это архитектурные памятники. Среди них – сильно перестроенное в советское время, лишенное куполов здание бывшего Воскресенского кафедрального собора (1859 г.) и расположенное рядом здание часовни святого благоверного великого князя Александра Невского (построена в честь чудесного спасения царской семьи в Борках 17 октября 1888 г.); старейшее из сохранившихся ветлужских зданий – Троицкий собор (1805 г.), частично восстановленный в наше время; Екатерининская церковь (1850 г., проект разработан в мастерской академика архитектуры К. А. Тона); здание торговых рядов (1900 г., архитектор Н. Л. Шевяков); здание городской управы; ряд административных зданий и частных домов в центре города; здание уездной земской больницы (ныне поликлиника); здания бывших мужской и женской гимназии и др.

К сожалению, за последние 15 лет некоторые архитектурные памятники Ветлуги были утрачены. Среди них дом помещиков Петерсонов (разобран на дрова в конце 2000-х гг.) и Ветлужский народный дом (в советское время – кинотеатр «Волна», в 2014 г. был сожжен) [Стогов, 2015]. Многие дома города пребывают в плачевном состоянии, либо их облик серьезным образом искажен (к примеру, старинное деревянное здание в центре города на ул. Ленина (бывшей Костромской), в котором в советское время располагалось отделение милиции, в конце 2000-х гг. обшили сайдингом, сняли с него резные наличники окон и пр.).

Рассмотрим ряд первоочередных мер, которые должны способствовать возрождению облика г. Ветлуги. Во-первых, исторические здания в центре города нуждаются в реставрации или хотя бы в консервации. Это относится, в частности, к комплексу построек Вет-

лужского ликероводочного завода (постройки начала XX в.), к дому лесопромышленника и купца И. С. Воронцова (в первые годы советской власти в особняке располагалась уездная ЧК, в настоящее время здание пустует и разрушается), к дому купчихи Л. Ф. Разумовой (в советское время площадь здания делили аптека и райвоенкомат, в настоящее время помещение пустует). Этот печальный список можно продолжить. Необходимо также немедленно привести в порядок старейшее здание города – Троицкий собор, южная стена которого обрушается.

Во-вторых, это сохранение различных других объектов культуры, в том числе нематериальных (памятники местного фольклора и пр.). Огромную работу в этом направлении в настоящее время проводят Ветлужский краеведческий музей, Ветлужская модельная библиотека, Екатерининская церковь и др. В музее регулярно проводятся тематические экскурсии для различных категорий населения (в том числе для детей и юношества, инвалидов, пенсионеров и пр.), открываются новые выставки, проходят презентации книг. Различные культурные мероприятия регулярно проводит и библиотека. Ежегодно в конце июля – начале августа на высоком уровне отмечается День города. Благоустроена территория почитаемых в народе ключей старца Герасима (в районе села Макарьевского к северо-востоку от Ветлуги) и старца Евстафия (в районе села Вознесенье).

В целях сохранения исторической памяти в последние годы усилиями ветлужской общественности предпринят ряд важных шагов по сохранению богатого культурного наследия города. Среди них размещение в сети Интернет информации о памятниках старины г. Ветлуги (материалы находятся на сайте Ветлужского краеведческого музея) [Ветлужский краеведческий музей..., 2023], а также размещение на исторических зданиях табличек с QR-кодами, по которым можно перейти на сайт музея с рассказом об истории объекта; разработка проекта «Ветлужский некрополь» с выявлением и фотофиксацией захоронений выдающихся ветлужан, похороненных на местном кладбище [Стогов, 2016]; консервация и реставрация некоторых памятников старины (торговые ряды, здание бывшего особняка купца П. И. Овчинникова, в советское время – детской поликлиники на ул. Штурмина (восстановлена на частные средства), восстанавливаемая на средства местных предпринимателей бывшая пивная лавка В. Зебальда и др.); восстановление мемориальных объектов на Ветлужском кладбище. К примеру, несколько лет назад усилиями писательницы и краеведа Алины Яковлевны Чадаевой (1931–2022) установлен крест на Ветлужском кладбище на месте братского захоронения жертв «красного террора». По ее же инициативе приведен

в порядок крест на могиле архитектора Н. Л. Шевякова, похороненного в 1942 г. на Ветлужском кладбище. В отремонтированном старинном здании по адресу ул. Ленина, д. 2 недавно открылся ресторан «Река чашек». Весьма эффективным оказался принцип государственно-частного партнерства в деле сохранения историко-культурного наследия г. Ветлуги.

Предпринимаются серьезные попытки исследования ветлужского фольклора. В частности, певица и фольклорист Екатерина Бурдаева недавно опубликовала монографию «Традиционный костюм Ветлужского района Нижегородской области (конца XIX – начала XX в.)», получившую признание среди ветлужан [Бурдаева, 2023].

Вместе с тем, несмотря на предпринятые в последние годы усилия по сохранению облика старинного города, многое предстоит сделать в самое ближайшее время. В частности, необходимо создание комплексной программы сохранения историко-культурного наследия Ветлуги. Недопустимо, когда эта проблема поднимается исключительно усилиями группы неравнодушных энтузиастов (музейщиков, историков, краеведов и пр.). Проблема может быть решена путем превращения города в туристический центр (по примеру таких старинных городов, как Мышкин, Великий Устюг, Старая Русса и др.) путем разработки и претворения в жизнь программы государственно-частного партнерства, направленной на сохранение облика города. Стартовые возможности есть: это великолепная природа и славная история. Ветлужская земля богата памятниками старины.

Превращение Ветлуги в туристический центр неизбежно предполагает развитие транспортной инфраструктуры Ветлуги и Ветлужского муниципального округа. Необходимо обеспечить город и окрестные села автобусным сообщением в ближайший город Костромской области – Шарью, откуда существует удобное прямое железнодорожное сообщение с Москвой, Санкт-Петербургом, Екатеринбург и др. Автобусное сообщение с Шарьей существовало с начала 1990-х гг., однако было ограничено, а потом полностью закрыто на фоне коронавирусных ограничений 2020–2021 гг. Пришло время его восстановить.

Требует развития и улучшения гостиничная инфраструктура города. Существующая в Ветлуге гостиница, расположенная рядом с автостанцией, нуждается в реконструкции. Требует обновления и автобусный парк (в том числе это касается сообщения между Ветлугой и ближайшим городом Нижегородской области Уренем, расстояние до которого 48 км). Небольшие села и деревни в окрестностях города нуждаются в стабильном широкополосном интернете.

В советское время в Ветлуге существовало удобное, весьма популярное транспортное сообщение по одноименной реке. В частности,

в середине 1980-х гг. от пристани города курсировал небольшой пассажирский теплоход «Заря», связывавший Ветлугу с районным центром Горьковской области поселком городского типа Варнавино [Замыслов, 2021, с. 144–149, 161]. К сожалению, уже к 1990-м гг. от этого водного маршрута остались только воспоминания. Вполне возможным представляется его возрождение, учитывая изменившиеся условия и введение в строй новых типов пассажирских судов.

Наконец, нельзя обойти вниманием и промышленный потенциал города. Безусловно, возможно возрождение города Ветлуги как центра лесной промышленности. Ветлужский леспромхоз в прежнем виде давно прекратил свое существование, необходимо его возрождение. Более двадцати лет назад приостановилось производство на Ветлужском ликероводочном заводе, возможно использование его потенциала для производства в том числе безалкогольной продукции. Возрожденные промышленные предприятия могли бы дать необходимое для жителей города количество рабочих мест.

Отсутствие в настоящее время внятной программы возрождения и развития малых российских городов (Федеральная комплексная программа развития малых и средних городов России действовала в период с 1996 по 2002 гг.) неизбежно приведет к их полному вымиранию. Это касается не только Ветлуги, но и других городов с богатой и славной историей. К примеру, в Тверской области в городах Осташкове и Торжке в плачевном состоянии находятся некоторые исторические здания (Путевой дворец Екатерины II в Торжке и др.). Вымирание огромных территорий России представляет угрозу для ее национальной безопасности. Земли, осваивавшиеся народами России на протяжении тысячелетий, оказываются никому не нужными и зарастают бурьяном. Четкая программа возрождения российской провинции при условии стабильного финансирования может способствовать возрождению богатого потенциала малых городов России.

Бурдаева Е. А. Традиционный костюм Ветлужского района Нижегородской области (конца XIX – начала XX в.). URL: https://ridero.ru/books/tradicionnyi_krestyanskii_kostyum_vetluzhskogo_raiona_nizhegorodskoi_oblasti_konca_xix_nachala_xx_vv/ (дата обращения: 09.11.2023).

Ветлужский краеведческий музей : офиц. сайт. URL: <http://vmuzeum.nnov.muzkult.ru/> (дата обращения: 09.11.2023).

Ветлужский район. Путеводитель. Н. Новгород: [Б. и.], 2018.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 09.11.2023).

Гражданская война и Нижегородский край. Исследования, воспоминания, дискуссии / авт.-сост. С. А. Смирнов. Н. Новгород: Вертикаль. XXI век, 2018.

Замыслов И. Л., Морохин Н. В. На ветлужских пароходах. Н. Новгород: Литера, 2021.

История Ветлужского края : ист.-краевед. сб. Изд. 2-е, перераб. и доп. Урень: [Б. и.], 2006.

Марков Д. А. Ветлужский край. Непериодическое издание Ветлужского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. Ветлуга: Тип. Усовнархоза в г. Ветлуге Костромской губ., 1922.

Сизинцева Л. И. «Одно из лучших в Костромской губернии...»: Земское дело в Ветлужском уезде // Ветлужская сторона: Ист.-краевед. сб. Кострома: Б. и, 1995. С. 38–47.

Стогов Д. И. Ветлужский народный дом. URL: <http://rusnardom.ru/d-i-stogov-vetluzhskiy-narodnyiy-dom/> (дата обращения: 09.11.2023).

Стогов Д. И. Ветлужский некрополь. URL: <https://dmitystogov.livejournal.com/42079.html> (дата обращения: 09.11.2023).

Стогов Д. И. Очерки по истории Ветлужского края. URL: <https://dmitystogov.livejournal.com/2444.html> (дата обращения: 09.11.2023).

Чадаева А. Я. Зодчий Николай Львович Шевяков. М.: [Б. и.], 2019.

Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3 000 человек и более [Данные Росстата 2021 г.]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-5_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 09.11.2023).

УДК 81'373.21(574)

М. Д. Шаймерденова, Н. Ж. Шаймерденова

МЕГАПОЛИСЫ КАЗАХСТАНА: ЭТНОЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И УРБОНИМЫ¹

В статье рассматриваются мегаполисы в контексте ономастического пространства Казахстана и обращается внимание на универсальные черты семантики урбонимов, а также рассматривается региональная специфика с позиции их употребления.

Авторы опираются на научные исследования Е. Хасенова, который впервые поднял проблему урболингвистики как нового направления и представил обзор казахстанских исследований. При этом он выявил исследовательские перспективы и акцентировал внимание на городских объектах, в т. ч. урбонимах, годонимах и эргонимах. Он также внес корректировки

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту» [ИРН AP23486380] (по Программе грантового финансирования научных и научно-технических проектов на 2024–2026 гг. Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

в метаязыковую базу социолингвистики, охарактеризовал метаязык исследования и дал авторские определения некоторым терминам. Именно эти дефиниции вошли в «Словарь социолингвистических терминов» [Сулейменова и др., 2007] и сегодня активно используются в научно-педагогической практике.

Современные мегаполисы представляют собой особую разновидность города. Они отличаются не только количественно, но и качественно, обладают своей историко-культурной спецификой. Важным аспектом нашего исследования является описание этноязыкового разнообразия мегаполиса в историко-культурной парадигме Казахстана. При этом наблюдаются некоторая пестрота и отпечатки различных временных срезов, поскольку анализируемый корпус представляет собой возводимые в разное время архитектурные объекты, образовательные учреждения, элементы ландшафтного дизайна. Интерес вызывают арт-объекты, придающие особый когнитивный стиль городу, характеризуют проживающее в нем население. Комплексный анализ этих составляющих позволяет охарактеризовать этноязыковой и социально-культурный состав мегаполисов. Предложенный в статье анализ ономастических единиц выделяет несколько пластов, различных по возрасту и образованию, восприятию когнитивного стиля города жителей с опорой на заложенную в объектах информацию. В работе также представлено системное историко-лингвистическое описание этноязыкового би- и полилингвального ареала трех мегаполисов Казахстана – г. Астана, г. Алматы, г. Шымкент.

Ключевые слова: урболингвистика, ономастика, мегаполис, арт-объект, урбонимы, когнитивный стиль.

Заявленная тема затрагивает многие исторические, культурологические, искусствоведческие и лингвистические аспекты. Для понимания сущности объекта исследования необходимо обратиться к слову *мегаполис*, которое, как известно, происходит от латинского слова и представляет собой особую разновидность города не только количественно, но и качественно отличающегося от «обычных городов». Мегаполисы представляют собой особое социальное, демографическое и языковое явление, и в этом аспекте они интересны как историкам и архитекторам, так и лингвистам, литературоведам и демографам.

В статье Википедии «List of largest cities» (по состоянию на 23 июня 2017 г.) приводятся три типа мегаполисов [List of largest cities]:

- *City proper (administrative)* (город в административном смысле слова),
- *Metropolitan area* (большой город с пригородами),
- *Urban area* (агломерация, сплошное пространство городского типа, отличающееся от сельской местности и от природных зон).

В Казахстане на сегодняшний день определено несколько крупных городов, которые относятся к мегаполисам, что обусловлено сле-

дующими факторами: в них сосредоточено значительное количество населения, они выделяются повышенной экономической активностью среди всех городов, подвергаются культурному влиянию в результате внутренней и внешней миграции, в них интенсивно протекают современные процессы – политические, экономические и культурные. При этом важное их отличие от обычных городов-тысячников – это развитое пространство культурной и научно-образовательной среды с высоким интеллектуальным потенциалом жителей, наличие возможности для духовного развития личности. Наше внимание обращено к таким крупнейшим городам Казахстана как Астана (рис. 1), Алматы и Шымкент.

Рис 1. Астана – крупнейший мегаполис Центральной Азии.

Работа над темами научно-исследовательских проектов позволяет провести анкетирование и решить множество задач, касающихся описания этноязыкового ландшафта Казахстана, в котором наблюдаются динамичные изменения и постоянно возникают вопросы, связанные с государственной, этноязыковой, лингво-культурологической идентичностью и компетенциями. И, конечно же, в первую очередь в данном вопросе мы обращаем внимание на статистические данные, свидетельствующие о росте населения в разрезе этносов. Наличие значительного количества этносов в данных городах играет важную роль в формировании культурной, социальной, экономиче-

ской и политической среды. Наличие различных этнических групп способствует культурному разнообразию данных мегаполисов, что проявляется в искусстве, музыке, языке, кулинарии и других аспектах культуры, тем самым делая эти города уникальными центрами многонационального взаимодействия.

На социальную динамику мегаполисов влияет взаимодействие между представителями различных этнических групп, что в свою очередь, поддерживает обмен культурными ценностями в виде мировоззрения, образа жизни и т. д.

Этнические группы также оказывают или могут оказывать влияние и на политическую атмосферу мегаполиса, так как представители этносов участвуют в политической жизни города, формируя своеобразные политические коалиции и интересы. Так, например, в Мажилисе Парламента Казахстана IV, V, VI VII созывов девять мест были представлены депутатами, избранными Ассамблеей народа Казахстана. В 2023 г. таких депутатов было пять.

В состав депутатского корпуса в Мажилисе Парламента Республики Казахстан входили представители следующих этносов (табл. 1):

Таблица 1.

*Национальный состав Мажилиса Республики Казахстан**

Созыв, годы	Национальный состав членов Мажилиса Парламента Республики Казахстан
IV созыв, 2007–2011	казахи, 17 русских, 2 немца, по одному белорусу, балкарцу, корейцу, украинцу, узбеку и уйгуру
V созыв, 2012–2016	казахи, 21 русский, 3 украинца, 2 немца, по одному татарину, чеченцу, корейцу, узбеку и уйгуру
VI созыв, 2016–2021	казахи, русские, украинцы, представители азербайджанского, армянского, дунганского корейского, узбекского, уйгурского, чеченского и других этносов
VII созыв, 2021–2023	казахи, русские, представители белорусского, корейского, немецкого, азербайджанского, армянского, курдского, татарского, узбекского, уйгурского и украинского этносов
VIII созыв, с 2023 г.	казахи, русские, немцы, белорусы, азербайджанцы

*Источник: [Национальный состав Казахстана].

С 1922 г. Ассамблея народа Казахстана была представлена пятью депутатами в высшем законодательном органе – Сенате. Депутаты от Ассамблеи народа Казахстана представляют интересы всего казахстанского народа, в том числе интересы всех этносов, поэтому их

выдвижение от общественных организаций важно, а вхождение депутатов в АНК позволяет им занимать различные позиции в комитетах Верховной палаты Республики Казахстан [Депутаты от АНК]. Однако следует заметить, что преобладание определенных этносов и, как следствие, желание создать автономию внутри государства может в какой-то степени спровоцировать трудности, связанные с социальным и экономическим неравенством между различными этническими группами и привести к конфликтным ситуациям, поэтому столь важна деятельность Ассамблеи народа Казахстана, направленная на урегулирование межэтнического взаимодействия. Неслучайно девизом Ассамблеи является «единство в многообразии», при этом представители всех этнических групп осознают важность их деятельности и ключевой роли в формировании и характере межэтнической толерантности в развитии современных мегаполисов.

Казахстанские исследователи на протяжении длительного времени анализируют данные переписей населения. Они обращают внимание на динамику численности населения, владения родным и другими языками и т. д. В нашей статье мы приводим данные на 1989–2018 гг. (табл. 2).

Таблица 2.

Этнический состав населения г. Астаны по итогам переписей населения 1989–2009 гг. и по оценке на 2016–2018 гг., тыс. чел.

Этносы	1989	%	1999	%	2009	%	2016	%	2017	%	2018	%
Всего	281,3	100	319,3	100	613,0	100	872,6	100	972,6	100	1030,6	100
Казахи	49,8	17,7	133,6	41,8	425,3	69,4	658,9	75,5	750,9	77,2	805,7	78,1
Русские	152,1	54,1	129,5	40,6	122,2	19,9	133,6	15,3	137,3	14,1	138,2	13,4
Украинцы	26,1	9,3	18,1	5,7	12,8	2,1	13,8	1,6	14,1	1,5	14,2	1,3
Татары	9,3	3,3	8,3	2,6	9,0	1,5	10,8	1,2	11,3	1,2	11,6	1,1
Узбеки	0,6	0,2	4,3	0,1	7,2	1,2	9,2	1,1	10,2	1,1	10,6	1,0
Немцы	18,9	6,7	9,6	3,0	6,9	1,1	8,7	1,0	9,1	0,9	9,2	0,9
Корейцы	1,3	0,5	2,0	0,6	4,2	0,7	5,9	0,7	6,2	0,6	6,5	0,6
Киргизы	0,9	0,3	0,2	0,6	2,6	0,4	4,3	0,5	4,5	0,5	4,7	0,4
Белорусы	8,2	2,9	5,8	1,8	3,8	0,6	4,0	0,5	4,0	0,4	4,1	0,4
Азербайджанцы	1,0	0,3	0,9	0,2	2,6	0,4	3,5	0,4	3,7	0,4	3,8	0,3
Поляки	2,4	1,0	2,5	0,8	2,2	0,4	2,6	0,3	2,7	0,3	2,7	0,3

Этносы	1989	%	1999	%	2009	%	2016	%	2017	%	2018	%
Ингуши	2,3	0,7	1,8	0,6	2,1	0,4	2,5	0,3	2,6	0,3	2,6	0,3
Чеченцы	0,5	0,2	0,8	0,2	1,0	0,2	1,2	0,1	1,3	0,1	1,3	0,1
Уйгуры	0,1	0,0	0,2	0,1	0,7	0,1	1,1	0,1	1,2	0,1	1,3	0,1
Башкиры	1,2	0,4	0,9	0,3	0,9	0,2	1,1	0,1	1,2	0,1	1,2	0,1
Армяне	0,8	0,3	0,6	0,2	0,9	0,2	1,1	0,1	1,2	0,1	1,2	0,1
Молдаване	1,0	0,4	0,6	0,2	0,6	0,1	0,7	0,1	0,8	0,1	0,8	0,1
Другие	5,5	1,6	3,6	0,8	8,1	1,3	9,8	1,1	10,4	1,1	10,7	1,0

Источник: Численность населения Республики Казахстан в разрезе этносов [Шаймерденова, Рахимжанова, 2010].

Актуальными для современных мегаполисов Казахстана являются процессы внутренней и внешней миграции, которые в последнее десятилетие особенно усиливаются. На этноязыковой ландшафт мегаполисов Казахстана также оказывают влияние создаваемые рабочие места для иностранцев. Обратимся прежде всего к вопросу внутренней миграции, регулировать которую призваны государственная программа «Серпін – 2050» (действует с 2014 г.) [Государственная программа...] и программа «Нурлы-кош», утвержденная в декабре 2008 г. [«Нурлы-кош»...]. Эти программы направлены на стимулирование перемещения соотечественников в различные регионы с целью влияния на этноязыковую панораму мегаполисов; они отражают картину востребованности специалистов в той или иной сфере. Программа, связанная с соотечественниками, приехавшими в Казахстан из Китая, Монголии, Узбекистана и других стран (кандас – этнический казах) направлена на регулирование внешней миграции. Этноязыковое многообразие связано и с работой иностранных компаний. Возьмем для иллюстрации открытые данные 2016 г. и 2022 г. о действующих компаниях в Казахстане с иностранным участием.

Сравнение Рис. 2 и 3 показывает, что число действующих на 2022 г. иностранных компаний выросло на 30 (5 %).

Как можно судить по инфографике по данным 2022 г., представленным в открытой печати, вопросы о владении языками – казахским как государственным и другими для успешной коммуникации, межкультурного и межэтнического взаимодействия становятся все более актуальными. Языковое разнообразие мегаполисов представляет собой специальный и интересный объект историко-культурного и лингвистического исследования. В сущности, современный мегаполис с его многоязычием является уменьшенной моделью всего мира.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ КОМПАНИИ В КАЗАХСТАНЕ С ИНОСТРАННЫМ УЧАСТИЕМ

на 1 января 2016 года

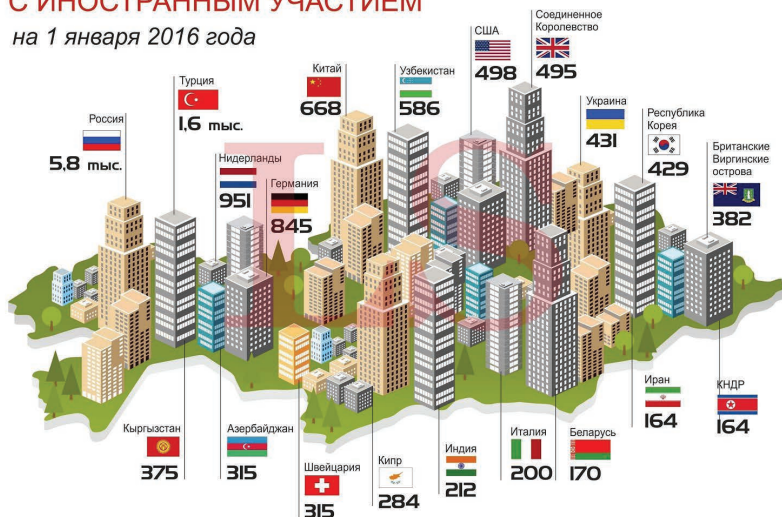

Рис 2. Источник: [Действующие компании].

В мегаполисах Казахстана можно найти носителей разных языков и представителей разных этносов и культур. Языковая ситуация мегаполиса – это сложная сеть функционирования различных языков, их многообразия. Это языковые контакты, языковое развитие, языковые сдвиги. Данные аспекты сегодня являются объектом исследования ученых различных специальностей, в частности, социолингвистов Б. Х. Хасанова, Э. Д. Сулейменовой, Ж. С. Смагуловой, О. Б. Алтынбековой, Н. Ж. Шаймерденовой и др.

Всем известен классический пример Вавилона, который был одним из величайших древних городов и считается одним из первых древних мегаполисов мира. Расположенный в Месопотамии, на территории современного Ирака, Вавилон стал культурным и экономическим центром древнего мира со своими позитивными и негативными особенностями. Совместное строительство государств, как вавилонская башня, требует особого внимания к языковому вопросу (рис. 4).

Современные города плавно и вместе с тем стремительно меняют свой облик, который формируют образы и культуры проживающих на одной территории этносов с опорой на титульный этнос. В динамично развивающемся Казахстане, где проживают представители более 126 этносов (по данным словаря «Языки Казахстана») [Қазақстан тіл-

Рис 3. Действующие юридические лица и филиалы с иностранной формой ответственности в Казахстане на 1 октября 2022 г. (изменение за год) [Национальный состав Казахстана].

дері...], которые активно перемещаются из одного региона в другой, из сельской местности в городскую, неизбежно возникают вопросы, требующие решения.

Эти вопросы мы сформулировали в рамках различных научно-исследовательских проектов, реализуемых под эгидой Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан:

- Что такое столица?
- Что такое мегаполис и каковы особенности мегаполисов в Казахстане?
- Какие процессы протекают в мегаполисах?
- Что из себя представляет этноязыковой ландшафт больших городов? Что в нем меняется, что сохраняется?

Рис 4. Вавилон – древний мегаполис
(картина П. Брейгеля Старшего. «Вавилонская башня»).

- Что такое урбонимы?
- Можно ли говорить о существовании столичной субкультуры Астаны?
- Что собой представляет культурный контекст столицы?
- Как изучается язык столицы и что это дает?
- Сколько языков присутствует в городском пространстве и как они функционируют в различных мегаполисах?
- Можем ли мы рассматривать мегаполисы как языковые ареалы особого типа?
- Каковы состав языков мегаполисов и численность их носителей?
- Какова функциональная дистрибуция языков в условиях многоязычия?
- В какой функциональной среде используются эти языки?
- В какой мере в мегаполисе представлено дву- и многоязычие?
- Проводится ли анкетирование и фиксация изменений, естественно возникающих в современном городском развитии?
- Насколько разнообразна среда, в которой мы живем, и какой тип речевой культуры в ней представлен?
- Следует ли привлекать для изучения языка туристов, приезжающих на короткий срок?

– Как происходит выбор языка и какие иностранные языки изучаются в школе или в вузах?

– Какие языки используются в иностранных и казахстанских компаниях?

Еще в 2010 г. Н. Шаймерденова и А. Рахимжанова представили свой доклад на тему «Казахский, русский, английский языки в Казахстане в сфере бизнес коммуникации Казахстана» [Шаймерденова, Рахимжанова, 2010]. В нем были предложены статистические данные, охарактеризованы бизнес-коммуникации и востребованность языков в иностранных и национальных компаниях. Сегодня тема не теряет актуальности, поскольку в этой сфере присутствует значительная позитивная динамика. Кроме того, действует программа трехязычия, согласно которой в образовательной системе Казахстана изучаются три языка – казахский, русский и английский, и их владение жителями мегаполисов, особенно в сфере бизнес коммуникации, стало явлением обычным.

Мы продолжаем работать над этой темой и пытаемся найти ответы на поставленные вопросы, однако данная проблема требует дальнейших глубоких исследований и сбора материала, поскольку этноязыковая панорама в Казахстане меняется, появляются новые структуры, офисы и коммуникации в сфере бизнеса.

Обратимся к понятийно-терминологическому аппарату, используемому в урболингвистике. Так, согласно словарю «Социолингвистических терминов», урболингвистика – это «раздел социолингвистики, изучающий возникновение, развитие языка, функционирование языков, формы существования языков, языковые контакты в городе, взаимную обусловленность процессов городского и языкового развития» [Сулейменова и др., 2007].

Дефиниция в словаре дается со ссылкой на научную работу, защищенную в 2006 г. Е. А. Хасеновым (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Метаязык и социолингвистические перспективы урболингвистики» [Хасенов, 2006]), где он детально рассматривает проблемы языка города. Е. А. Хасенов предложил дефиниции терминов по урболингвистике, внес корректировки в метаязыковую базу социолингвистики, представил свою методологию исследования урбонимов. Важно отметить, что после 2006 г., к сожалению, не появилось полного комплексного описания этноязыкового ландшафта мегаполисов Казахстана, в частности, его столицы.

Важной стороной исследования являются культурный контекст и когнитивный стиль новой (северной) столицы города Астаны и старой (южной) столицы города Алматы, которые выстраиваются:

- посредством проводимых государственных мероприятий,
- под влиянием возводимых архитектурных объектов и образовательных учреждений,
- через культурно-просветительские проекты и государственные программы по языковому развитию.

Обращаясь к образу города Астаны, пережившего несколько этапов переименований, что вносило определенные трудности в ономастический лексикон города, мы рассматриваем его в зеркале культурной парадигмы и обращаем внимание на его когнитивный и риторический стили. При этом важная составляющая столицы – это информационное поле города-мегаполиса, включающего политические и творческие встречи, мероприятия и многое другое. Астану, как и Алматы, как другие города-мегаполисы, отличает особое интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое пространство, важное для обучающейся молодежи, является творческим ресурсом, в котором идет персональное развитие личности. По этой причине важно следовать определенным принципам создания столиц. В этом контексте важны следующие аспекты:

- язык как социальное явление и его роль в формировании общества;
- этноязыковой ландшафт столицы;
- когнитивный стиль как устойчивая характеристика субъекта (субъектов), в данном случае жителей Астаны и Алматы;
- коммуникация и риторика в когнитивной, познавательной, речевой деятельности жителей столицы.

Что из себя представляет культурное пространство столицы? Язык – социальное явление, и его роль в формировании общества и в формировании облика современной столицы неопределимы. Через языковое сознание действительность, воспринимаемая человеком в процессе общения и познания, отображается в его сознании.

Разнообразие в составе жителей и гостей столицы, этнокультурная специфика актуализируют необходимость выстраивания языковой культуры и коммуникативного поведения жителей столицы с целью формирования элитарного типа коммуникации, в особенности в молодежной среде.

Когнитивный стиль позволяет увидеть, как различные по возрасту и образованию люди думают, воспринимают и запоминают информацию, а также определить их предпочтения в способах решения проблем.

При этом изучение когнитивного стиля жителей столицы свидетельствует о процессах формирования столичной культуры, позволяет высветить отличия новой северной столицы от прежней южной;

увидеть, устранена ли пестрота первых лет столицы (что, по воспоминаниям жителей, ощущалось повсеместно). И главное, помогает понять, как в период активных процессов внутренней миграции на новшества и изменения реагирует молодое поколение, что сегодня представляет собой мировосприятие жителей столицы.

Обращаем внимание на пространство коммуникативной и риторической культуры Астаны, для которой характерны:

- современный архитектурный ландшафт;
- различные памятники, а также парки;
- обилие наружной рекламы; частью визуального ряда также является уже исчезающая, а вместе с тем зафиксированная в медийных ресурсах и оставившая свой цифровой след галерея фотографий участников Общенационального проекта «100 новых лиц Казахстана»;
- полилингвальное пространство – эргонимы (названия предприятий или организаций) и др.; важно понимание, что в соответствии с реализуемой программой трехязычия пишут на казахском – государственном языке, официально используемом русском и на английском языке;
- результаты реализации ярко представленного в свое время онлайн-проекта «Astana – Bilimland» (в рамках которого остановки в Астане оснащались QR-кодами) [В столице запущен проект...].

Естественно, что мы как преподаватели вузов обращаем особое внимание на то, что формирование личности и языковой компетенции обучающихся происходит также в ходе реализации различных проектов, проведения мероприятий, акций и др., а памятники культуры, музеи, библиотеки, парки, арт-объекты мы рассматриваем как обучающие ресурсы, способствующие расширению кругозора современной молодежи. Одной из точек притяжения подобного рода активности является необычный и пользующийся любовью у жителей столицы памятник А. С. Пушкину (рис. 5).

Рис 5. Памятники А. С. Пушкину в городах Астана и Алматы.

Ежегодно 6 июня у памятника А. С. Пушкину в день его рождения и приуроченный к нему День русского языка собираются любители его поэзии, чтобы возложить цветы, почитать и послушать восхитительные стихи гения. В Астане памятник расположен возле Евразийского национального университета имени Л. Гумилева, а в Алматы – у здания Академии наук, где в этот день проходят праздничные и культурные мероприятия.

В такой день все по-особенному понимают значимость арт-объектов, памятников выдающимся личностям. Это особенно важно для подрастающего поколения казахстанцев. Поэтому нами был разработан специальный проект, в котором задействованы дети, родители, воспитатели, учителя, ученые «Читаем, рисуем, мечтаем вместе».

Рис. 6. Реализация проекта «Читаем, рисуем, мечтаем вместе» на различных площадках.

Площадкой его реализации стали улицы, парки, дворы жилых комплексов, детские сады и др. (рис. 6). Это позволило использовать весь арсенал имеющихся средств, включиться в ролевую игру, ознакомиться с арт-объектами, урбонимами столицы. Кроме того, была организована поездка в Коргалжинский заповедник с целью ознакомления с прилетающими туда розовыми фламинго, там же была прочитана сказка Н. Ж. Шаймерденовой «Розовые фламинго».

Материалы проекта можно найти на сайте «Академии детской книги Altair» (рук. Д. Б. Аманжолова). Работа в этом направлении высветила как позитивные моменты, так и проблемы, связанные с детской книгой, чтением литературы и недетскими проблемами читательской и функциональной грамотности.

Как видим, культурный контекст Астаны как мегаполиса – многокомпонентный, яркий и неповторимый, создающий особую среду для формирования портрета жителя столицы и отражения всех этноязыковых процессов. Очевидно, что культурный контекст Астаны представляет собой информационное, коммуникативное, культурное, языковое и когнитивное пространство, созданное в результате совместной деятельности казахстанцев. Особым когнитивным стилем отличается и речеповеденческая культура жителей столицы. Ее отличает причудливое переплетение современного и национально-специфического в объектах, памятниках, эргонимах. При этом важным остается создание нового облика города-символа современного Казахстана – Астаны, а также других городов-мегаполисов – Алматы и Шымкента.

В заключение хочется отметить, что в стремительно меняющемся мире постоянно возникают проблемы, решение которых возможно в рамках урболингвистики на основе анализа этноязыковой панорамы мегаполисов, идентичности, языковых сдвигов, речевого поведения жителей столиц, когнитивного стиля. Это требует фокусировки внимания на следующих исследовательских вопросах:

- этнический состав города, внешняя и внутренняя миграция, которые находят отражение в языке и речевом поведении мигрантов, прибывающих в мегаполис;
- охват и уровень владения казахским, русским и английским языками соотечественниками (кандастар), а также адаптация представителей разных возрастных групп, переехавших в мегаполисы;
- изучение ономастического пространства, а также развитие такого лингвистического направления как директивная ортология (наука о нормативной речи);
- особое место занимает использование в мегаполисах эргонимов, связанное с написанием, транслитерацией и передачей названий на трех языках.

Беспалова А. Исследование языкового ландшафта города Москвы: английский язык и латиница // Круглый стол «Языки Москвы и языковое многообразие мегаполисов» (Институт языкознания РАН, Москва, 21 нояб. 2016 г.). URL: <https://languages.msk.ru/wp-content/uploads/2017/11/Bespalova.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).

В столице запущен проект «Открытая библиотека Казахстана» // inbusiness.kz: сайт. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/v-stolitse-zapushchen-proekt-otkrytaya-biblioteka-kazakhsta> (дата обращения: 12.06.2024).

Государственная программа «Серпін – 2050» // Восточно-Казахстанский технический университет: сайт. URL: <https://www.ektu.kz/enrollee/admission/serpin/serpin.aspx?lang=ru> (дата обращения: 12.06.2024).

Действующие компании в Казахстане с иностранным участием на 1 января 2016 года. URL: https://www.google.com/search?sca_esv=596722195&xsrf=AM9HkKlH544ayK0IZE7luyIMQtz71a8kg:1704762884971&q=%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B5+%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8+%D0%B2+%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5+%D1%81+%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC+%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B5%D0%BC+%D0%BD%D0%B0+1+%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F+2016+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BD%iscl&source=lnms&sa=X&ved=2ahUKEwiw-7zRkM-DAXWNK0QIHdSmDf4Q0pQJegQIChAB&biw=1366&bih=641&dpr=1#imgrc=zSXMzbdVNG6D0M (дата обращения: 12.06.2024).

Депутаты от АНК // Ассамблея народа Казахстана. URL: <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/deputatskaya-gruppa/polozhenie-o-deputatskoy-gruppe-assambleya-naroda-kazakhstana/> (дата обращения: 12.06.2024).

История Мажилиса // Мажилис Парламента Республики Казахстан : офиц. Интернет-ресурс. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/history?id=history> (дата обращения: 12.06.2024).

Қазақстан тілдері: әлеуметтік анықтамалық (Языки Казахстана: социологический справочник) / Кітап. Жинақты құрастырғандар Э. Сүлейменова, Н. Шаймерденова. Алматы: Изд-во «Золотая Книга» ЖШС, 2020.

Национальный состав Казахстана // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 12.06.2024).

«Нурлы-кош» – программа действий // Юрист: Портал правовой информации. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30369720&pos=4;-70#pos=4;-70 (дата обращения: 12.06.2024).

Сүлейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Смагулова Ж. С., Аканова Д. Х. Словарь социолінгвістических терминов. Алматы: «Арман-ПВ», 2007.

Хасенов Е. А. Метаязык и социолінгвістические перспективы урболінгвистики: дис. ... канд. филол. наук. Казахский национальный университет имени аль-Фараби. Алматы, 2006.

Шаймерденова Н. Ж., Рахимжанова А. С. Kazakh, Russian and English languages in the business sphere in Kazakhstan (Казахский, русский и английский языки в деловой сфере Казахстана) // ICCEES VIII World Congress of International Council for Central and Eurasian European Studies «Eurasia: Prospects for Wider Cooperation»: «Eurasia: Business communication under transformation» (26–31 июля 2010 г.): abstracts (July 26–31). Stockgolm, 2010, p. 42–43.

Шамсутдинова Ж. Все дороги ведут в Казахстан: сколько иностранных компаний работает в стране. Инфографика // LS – Информационное агентство. URL: <https://lsm.kz/inostrannye-kompanii-v-kazahstane> (дата обращения: 12.06.2024).

Labov W. Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972.

List of largest cities // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_largest_cities (дата обращения: 12.06.2024).

УДК 94(470):316.7:069

О. Н. Шихова

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МАЛОГО ГОРОДА К МУЗЕЯМ: ПО МАТЕРИАЛАМ ОНЛАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье приводится анализ материалов онлайн исследования 2021–2023 гг., участниками которого были жители трех малых городов в возрасте от 13 до 60 лет, 433 респондента (на примере г. Тихвина Ленинградской области, г. Красноуфимска Свердловской области, г. Медногорска Оренбургской области). Цель анализа эмпирических данных – выявление отношения горожан к музеям родной местности. Современный музей становится активным участником городской жизни и интерактивной работы с разными категориями посетителей, усиливается ориентация на сервисную функцию. Насколько эта тенденция свойственна музеям малого города? Как изучать отношение местного населения к музеям родной местности?

Ключевые слова: музей, малый город, родной край, горожане, онлайн исследование, культурно-историческое наследие, память.

Введение

Зачем обывателю посещать музей? Масштабное социологическое исследование 1987 г. научно-исследовательского института культуры РСФСР, проведенное по проблеме отношения местного населения крупных городов к музеям, показало «практически полное отсутствие у посетителей конкретной цели прихода в музей» [Материалы..., 1987, с. 47]. С чем это могло быть связано? При обосновании данного явления стоит принять во внимание объективные и субъективные предпосылки. На наш взгляд, шел методологический поиск модели посетителя, дискуссии о которой велись в музейном сообществе начиная с 30-х гг. XX в. [Изучение музейного зрителя, 1928].

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ).

Потребность в изучении аудитории музеев всегда возникала в периоды реформ в музейном деле. В качестве примера достаточно упомянуть ликвидацию безграмотности музейными средствами в 1920–1930-е гг.; воспитание «советского человека» в 1960–1970-е гг., коммерциализацию музейных практик, начиная с 1990-х гг. [Литвин, 2022, с. 65]. Данный фактор свидетельствует о том, что музей, с одной стороны, находился и находится в пространстве власти и политических решений, а с другой – всегда присутствует социальная и культурная составляющая музейной деятельности. Сегодня это «агентность, где на первый план выходит фигура актора (в том числе посетителя), анализ его действий и реакций, мотивационная сторона практик посещения» [Максимова, 2019, с. 133].

С 1980–1990-х гг. прошло уже более 30 лет, многое изменилось, но по-прежнему остаются актуальными вопросы изучения образа посетителя музея. Обозначим общие тенденции в этом направлении.

Крупный город – динамичная система, в которой музеи, начиная с 1990-х гг., включились в «конкурентную борьбу за посетителя наравне с образовательными и досуговыми институциями» [Медведева, 2005, с. 340]. Экономический аспект повлиял на концептуализацию музея, включая эмоционально-развлекательную функцию. Развивается новая модель «участвующего» посетителя, в основу которой закладываются партиципаторные технологии [Саймон, 2017].

Исследователям же важно понять, как изучать музей и посетителя. Есть соблазн уйти в маркетинговое или партиципаторное направление. В этом случае мы оказываемся перед рядом проблем. Во-первых, практики музеев большого города в целом влияют на общую повестку в музейном деле, активируя новые веяния музейной деятельности на малых территориях. Возникает необходимость новых компетенций – включения в работу по написанию грантов, организации инновационных музейных техник работы с посетителями. Во-вторых, «не все типы музеев готовы к партиципаторным техникам, обладая высокой ценностью экспонатов, разной степенью готовности работников к внедрению новых проектов, осуществления непривычных видов деятельности (к примеру, оцифровке экспонатов, созданию виртуальных экскурсий)» [Смирнов, 2019, с. 158]. В целом, как упоминает А. С. Максимова, в России слабо изучаются посетители и они не активно интегрированы в музейную деятельность [Максимова, 2014, с. 171].

Нас музей интересует как элемент меморативного пространства малого города, имеющий свои особенности в контексте работы с посетителями.

Всего в России насчитывается 799 малых городов (с населением до 50 тыс. чел.) [Малые города...]. Это наиболее массовая группа поселений в РФ, их доля в пространственной структуре занимает 72 % [Бухвальд и др., 2017, с. 55]. Малый город в научном плане длительное время находился в поле экономических критериев и, как отмечает Ж. Б. Балдандоржиев, измерение культурного наследия малого города представляет собой слабо изученную, но значимую проблему [Балдандоржиев, 2011, с. 113]. Так, с учетом историко-культурного потенциала малых городов, можно выделить следующие их типы: исторический город (город-крепость X–XVII вв.); промышленный город-завод (XVIII в.); уездный административный город (XVIII–XIX в.); советский город (соцгород, промышленный город); позднесоветский город (город-спутник, наукоград) [Мазур, 2022, с. 30]. Музей малого города отличается от общего культурного контекста тем, что он неразрывно связан с образом городского пространства, воспроизводит в общественном сознании сюжеты малой родины. Кроме того, музейная сеть имеет полуофициальный характер, отличается нестабильностью [Там же, с. 43]. Практики музейной коммуникации с населением носят традиционный характер [Воробьева, 2021].

Нет сомнений в том, что малые города являются уникальными центрами истории и национальной культуры, где воспроизводятся легенды местности, истории родного края, предания и другие формы исторической памяти. Концептуальный образ малого города во многом отражает особую темпоральность, основанную на социокультурной устойчивости относительно различных перемен, размеренном укладе жизни горожан, «сочетании элементов урбанизованной культуры и уникального природного ландшафта» [Касаткина, 2017, с. 61].

Посетитель в музее малого города

Музей и посетитель в научном плане являются динамичными, взаимозависимыми конструктами. Назначение музея, как свидетельствует история, менялось в зависимости от социально-политической повестки, что влияло и на его посещение как социокультурную практику. Также этот фактор в некоторой степени затруднял концептуализацию музея. Это связано с тем, что музей балансирует между учебными и публикой, между культурным производством и потреблением [Максимова, 2019, с. 121]. Наравне с тем, что современный музей все же воспроизводит модель «храма», «архива» и образ посетителя как «музейного зрителя» [Изучение музейного зрителя], приходит новая форма – «музея-высказывания», «музея-соучастия» [Cameron, 1968; Desvallées, 2000; Morim, 2020].

Современный музей стал более свободным в выборе способов презентации прошлого, при которых аудитория перешла в разряд полноценного участника производства совместного культурного опыта. Разные возможности могут быть напрямую связаны с культурно-историческим потенциалом территории и самого музейного пространства. Поэтому скорее приходится иметь в виду множественность подходов в изучении музейной публики. Исследователями отмечаются:

- бихевиористский подход – способы привлечения посетителей, наблюдение за их вниманием, перемещением по залам, временные параметры;
- когнитивистский подход – ориентация на донесение идеи экспозиции;
- интерпретативный подход – изучение предыдущего и осваиваемого опыта посетителя, социальной принадлежности, субъективных смыслообразований [Максимова, 2019, с. 121].

В музейной среде появляется понимание разных социальных ролей посетителей в зависимости от социально-демографических параметров: «зритель», «слушатель», «клиент», «посетитель» [Музей и личность, 2007, с. 47].

Жители малого города – это особая категория, если мы имеем в виду потенциальную музейную аудиторию. Стоит принять во внимание свойственные образу жизни населения малого города черты: малая включенность в практики участия в общественной и политической жизни; закрытый способ проведения досуга (дома, с семьей), выраженный разрыв между полученным образованием и трудовой занятостью, где преобладают представители низкоквалифицированного труда, патерналистский характер в области культурно-досуговой деятельности [Кодина, 2012]. Дифференцирующими факторами в плане досуговой сферы являются степень удаленности малого города от центра, историко-культурный потенциал местности.

Несколько слов о социологическом исследовании

В нашем исследовании в группу малых городов, образованных до XVI в., вошли исторические территории: Трубчевск (Брянская область), Котельнич (Кировская область), Тихвин (Ленинградская область), Данилов (Ярославская область). В группе уездных городов XVII–XIX вв. находятся Красноуфимск (Свердловская область), Петровск-Забайкальский (Забайкальский край), Вытегра (Вологодская область), Мариинск (Кемеровская область). Группу советских городов, основанных в XX в., составили Пущино (Московская область), Качканар (Свердловская область), Инта (Республика Коми), Медногорск (Оренбургская область) [Виртуальная выставка...].

Объектом эмпирического исследования выступили респонденты – жители малых городов, имеющие разный возраст и социальный статус. В качестве предмета исследования было обозначено выявление роли музея в меморативном пространстве малого города. Именно этот аспект позволил вычленить отношение жителей к музеям в родной местности. Тема исследования, на наш взгляд, представляется сложной именно в плане реализации количественной стратегии исследования. Она требует корректной формулировки вопросов, поскольку речь идет не о формальном месте музея в городском пространстве, а скорее о его ментальном и меморативном значении. Малый город как поле исследовательских практик интересовал нас в контексте социокультурного образования – «места памяти», локальной конфигурации исторического, культурного, социального и экономического развития. Такое понимание нацеливало на изучение музея в городском пространстве и множественность «движений» культур памяти. Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн опроса жителей 12 малых городов (собрана 941 анкета). Была обозначена стихийная выборка по каждому городу в минимум 100 респондентов. Для выполнения задач исследования был наиболее значим критерий принадлежности к территории (человек живет в малом городе). Поиск респондентов осуществлялся через социальные сети и электронную почту, а также через контакты информантов, уже принявших участие в исследовании. Анкета была размещена на платформе Google.

Среди параметров, отражающих отношение населения к музеям малого города, обозначим:

- выявление значимых мест, которые жители города показывают в первую очередь приезжим гостям;
- определение источников самых интересных историй о городе;
- осведомленность горожан о существовании музеев в родной местности;
- мнение обывателей о том, для кого музеи города интересны в первую очередь;
- выявление частоты посещения музеев в целом среди населения;
- формы участия обывателей в деятельности музеев родного города;
- представления о том, каким должен быть современный музей;
- варианты идей об открытии возможного музея в родном городе (какой теме он мог бы быть посвящен).

Поскольку объем статьи не позволяет показать общую картину по всем городам, представим небольшой обзор результатов исследова-

ния по одному городу из каждой хронологической группы¹: г. Тихвин Ленинградской области, г. Красноуфимск Свердловской области, г. Медногорск Оренбургской области (табл. 1).

Социально-демографический портрет участников исследования оказался весьма типичным по каждому городу. Анкету заполнили дети, представители среднего и старшего возраста. Значительная доля респондентов представлена участницами женского пола. Больше половины участников живут в городе с самого рождения, примерно треть в определенный период жизни приехала из разных регионов.

Таблица 1.

*Состав участников онлайн исследования –
жителей малого города*

Тихвин	Красноуфимск	Медногорск
1383 г. – упоминание в источниках 1773 г. – статус города	1781 г. – статус города	1939 г. – статус города
Возраст – 13–68 лет 82,4 % женщин 17,6 % мужчин 61,3 % живут в городе с рождения (N-165)	Возраст – 13–60 лет 84 % женщин 16 % мужчин 69 % живут в городе с рождения (N-97)	Возраст – 11–58 лет. 85 % женщин 15 % мужчин 66 % живут в городе с рождения (N-171)

Обратимся к анализу значимых мест/объектов в городском пространстве и попытаемся выявить место музея в нем. Уточним, что в анкете было задано два типа вопросов, позволяющих определить значимые места в городском пространстве: «для себя» и «для других»². Рассмотрим ситуацию по каждому из трех городов. Наиболее старшим в историческом плане из представленных в данном материале является город Тихвин (табл. 2).

Таблица 2.

*Важные места/объекты в г. Тихвине,
которые жители города показывают гостям*

№	Значимые места/объекты	Количество упоминаний
1	Тихвинский монастырь	67
2	Дом-музей Н. А. Римского-Корсакова	29

¹ Города выбраны случайным способом.

² Данный методический подход был апробирован Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой и М. Н. Вандышевым в научном проекте «Места памяти в молодых городах». См.: [Веселкова и др., 2016].

№	Значимые места/объекты	Количество упоминаний
3	Икона Божьей матери	18
4	Тихвинский шлюз	15
5	Парк поколений	11
6	Таборы (пруд)	6

По данным таблицы видно, что тема религии занимает значимое место в меморативном пространстве города Тихвина. Также в общественном сознании велика роль исторических личностей, о чем свидетельствует частое упоминание о Доме-музее Н. А. Римского-Корсакова.

Отметим, что на вопрос о «значимых местах в городе лично для Вас» также лидируют Тихвинский монастырь и дом-музей Н. А. Римского-Корсакова, появляется упоминание о стеле, посвященной Великой Отечественной войне, о природе – Вепском лесу. Жители, указывая монастырь среди важных мест города, писали о его духовном значении как для самих земляков, так и для паломников, о нахождении в его стенах чудотворной иконы и ее роли в основании и развитии города. Среди тем, которым горожане хотели бы посвятить открытие нового музея в Тихвине, указали следующие: вепская культура, монашество, куклы, семейные реликвии, боевая слава, шлюзовая система.

Рассмотрим город Красноуфимск на предмет значимых мест (табл. 3).

Таблица 3.

*Важные места/объекты в г. Красноуфимске,
которые жители города показывают гостям*

№	Значимые места/объекты	Количество упоминаний
1	Набережная (обновленная)	39
2	Дивья гора	12
3	Аликаев камень	10
4	Храм Александра Невского	7
5	Здание железнодорожного вокзала	7
6	Музей земской медицины	6
7	Краеведческий музей	6
8	Палентологическая тропа	3
9	Виадуки (мостовое сооружение)	3

В Красноуфимске при перечислении важных мест как «для других», так и «для себя» респонденты указывали природные объекты – Аликаев камень, река Уфа, горы, Александровские сопки, Марьин утес; а также здания религиозного значения – храмы, Белую церковь, Красную церковь, Собор Александра Невского, Троицкую церковь, часовню Иосифа Песнопевца. Музеи в перечне объектов общественного признания заняли менее значимое место, но при этом они были отмечены как важные источники местных легенд, историй о городе (табл. 5). Если бы у горожан были возможности, то они бы открыли в Красноуфимске музеи Гражданской войны, камней, самовара, советского быта, профессий, связанных с работой на железной дороге.

Охарактеризуем наиболее значимые места и объекты для жителей Медногорска (табл. 4).

Таблица 4.

*Важные места/объекты в г. Медногорске,
которые жители города показывают гостям*

№	Значимые места/объекты	Количество упоминаний
1	Площадь им. Ленина	62
2	Центральный парк	31
3	Кинотеатр «Урал»	28
4	Аллея воинской славы	10
5	Ключ (памятный въездной знак)	9
6	Колокол на горе	9
7	Блявинский карьер	8
8	ДК «Металлург»	7
9	Немецкий мост	6

Музеев в данном списке не оказалось. Если посмотреть результаты ответов на вопрос «Какие места или объекты в городе, его окрестностях Вы считаете самым важными?», то прослеживается похожая картина – парки, школы, больницы, появляются библиотеки, Медно-серный комбинат. Таким образом, значимость исторических и природных объектов «для себя» и «других» в данном городе совпадают, они носят в большей мере функционально инфраструктурное значение.

Несмотря разную глубину прошлого городов, каждый имеет свою историю, для нас было важно, откуда обыватели узнают о ней. Мы обобщили данные по трем городам (табл. 5).

Итак, среди источников, из которых люди узнают о своем городе в Тихвине и Красноуфимске, лидируют музеи. В Медногорске музей оказался на 4-м месте. В Тихвине среди значимых источников обозначены библиотека и Интернет. Среди музеев, которые упоминают жители Тихвина, называют: дом-музей Н. А. Римского-Корсакова, историко-краеведческий музей на территории Тихвинского монастыря, школьные музеи, музей почтовой станции. В целом говорят о существовании трех музеев в городе, хотя на самом деле их больше. В ходе полевого исследования группа ученых посетила девять музеев.

Таблица 5.

Источники информации о городе

№	Источник	Ранг (по количеству упоминаний)		
		Тихвин	Красноуфимск	Медногорск
1	Музеи	1	1	4
2	Библиотеки	2	5	6
3	Интернет	3	3	3
4	Школа, техникум, колледж	4	4	2
5	Газеты, радио	5	7	5
6	Друзья	6	6	7
7	Семья, знакомые	7	2	1

Какие музеи знают красноуфимцы? Среди перечисленных респондентами фигурируют краеведческий музей, музей земской медицины, музей аграрного колледжа, школьные музеи, казачья изба.

Жители Медногорска упоминают Медногорский городской музей, музеи в школах, музей ЦДО. 23% участников исследования никогда не были в музее. Музеи, которые горожане хотели бы открыть в Медногорске: выпускаемой в городе продукции, автомобилей советской эпохи, на тему Великой Отечественной войны, знаменитых певцов, актеров – гостей города, школьных дневников. Полученные данные говорят о некой неопределенности в сознании жителей Медногорска, складывается ощущение размытости и неустойчивости прошлого. Исследователи молодых индустриальных городов описали данную особенность через парадоксы городского пространства, рожденного в советское время. Это отсутствие длительного прошлого, где доми-

нирующую историческую роль занимает градообразующее предприятие. Культурные практики оказывались вторичны по отношению к «основной» деятельности [Веселкова и др., 2016, с. 11].

Типичной по анализируемым городам оказалась ситуация с теми, для кого интересны музеи в первую очередь. В среднем около 60 % респондентов считают, что музей родного города значим для представителей всех возрастов. Около 30 % отмечают, что для детей, и около 20 % – для людей старшего поколения. Все респонденты сошлись во мнении, что музей важен, так как в нем отражена история родного города и края.

Далее охарактеризуем формы участия местного населения в деятельности музея (табл. 6).

Таблица 6.

Формы участия горожан в деятельности музеев родного города

№	Формы участия	доля ответивших, %		
		Тихвин	Красноуфимск	Медногорск
1	Просто посещал(а) музей	51,4	56,8	39,3
2	Участвовал(а) в мероприятиях, которые проводит музей (лекции, мастер-классы)	43	63	15,5
3	Никакого участия не принимал(а)	20,4	13,6	44
4	Приносил(а) материалы, документы, вещи и пр.	6,3	9,9	6
5	Делился(лась) воспоминаниями о прошлом	4,2	1,2	0,6

Полученные цифры свидетельствуют о том, что музеи малых городов воспроизводят свою привычную, классическую роль – института сохранения культурного наследия и его трансляции для разных поколений. В основном среди местного населения распространена практика простого посещения музея, участия в просветительских лекциях, реже проявляется более активная деятельность (принести материалы, поделиться воспоминаниями). Эту черту можно проследить при анализе вопроса о том, каким должен быть современный музей. По мнению жителей трех городов, современный музей – это в первую очередь место хранения важных документов и предметов

(80 %); интересный рассказ экскурсовода (75 %); возможность поиграть в прошлое в форме квестов (30 %); возможность использования экспонатов (потрогать, примерить и пр., 30 %); принять участие в мастер-классах и семинарах (25 %); воспользоваться мультимедиа – видео, фото и пр. (24 %). Отметим, что в Медногорске 44 % респондентов указали на то, что никакого участия в музейных практиках не принимают. Вероятно, молодой город с индустриальной историей определяет эту особенность.

Заключение

Таким образом, отношение жителей к музею малого города формируется на фоне общего отношения к городскому пространству. Преобладает социально-патриотический сюжет, проявляющийся в локальной конфигурации исторического развития города и элементах природного ландшафта. Иными словами, музей «растворяется» в городском пространстве, воспроизводит образ родного края. В этом смысле он более устойчив к социокультурным изменениям.

Балдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. Серия: история, политология. 2011. № 3 (27). С. 112–119.

Бухвальд Е. М., Валентик О. Н., Кольчугина А. В., Одинова А. В. Стратегическое планирование для малых городов России // Вестн. ИЭ РАН. 2017. № 3. С. 53–70.

Вeselкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах : моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Виртуальная выставка малых городов по итогам научного проекта «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» // УрФУ : офиц. сайт. URL: <https://idun.urfu.ru/exhibition-2023/> (дата обращения: 02.02.2024).

Воробьева О. Ю. Музейные практики в малом провинциальном городе: Углич в контексте Ярославского региона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: Ярослав. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2021.

Изучение музейного зрителя : сб. метод.-просв. отд. / под. ред. Л. В. Розенталя. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1928.

Касаткина С. С. Определение концепта малого города в русле системно-семиотического подхода философских исследований // Социодинамика. 2017. № 6. С. 59–65.

Кодина И. Н. Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород: Иванов. гос. ун-т, 2012.

Литвин Т. А. Музейная социология в контексте социально-исторических перемен // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 63–77.

Мазур Л. Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 20–49.

Максимова А. С. Концептуальные и методологические вопросы изучения посетителей музеев // Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2014. № 39. С. 157–188.

Максимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журн. социологии и соц. антропологии. № 22(2). 2019. С. 118–146.

Малые города в России // Города России : информ. сайт. URL: <https://города-россия.рф/reytin-cities.php?name=малые> (дата обращения: 30.01.2024).

Материалы социологического исследования «Отношение населения крупных городов к музеям» / Мин-во культ. РСФСР и др. М.: Б. и., 1987.

Медведева Е. Б. Изучение музейной аудитории как фактор «ориентации на посетителя» (из опыта естественнонаучных музеев Германии) // Сб. науч. тр. Гос. биол. музея им. К. А. Тимирязева: посв. 110-летию основателя музея академика Б. М. Завадовского / под общ. ред. Е. А. Чусовой. М.: Гос. биол. музей им. К. А. Тимирязева, 2005. С. 333–343.

Музей и личность / отв. ред. А. В. Лебедев, сост. М. Ю. Юхневич. М., 2007.

Саймон Н. Партиципаторный музей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017

Смирнов А. В. Партиципаторные технологии как новый вызов теоретической музеологии // Вопр. музеологии. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 153–160.

Cameron D. A Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol. 11. Pp. 33–40;

Desvallées A. Introduction // Publics et Musées. 2000. № 17–18: L'écomusée: rêve ou réalité / sous la dir. A. Desvallées. P. 11–31.

Morim J. O Museu da Parreira enquanto processo experimental // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. Pp. 193–212.

УДК 94(47):069.01

Т. А. Джумантаева

МУЗЕЕФИКАЦИЯ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ХРАМА КАК СТРАТЕГИЯ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА

Результатом музеефикации масляной живописи XIX в. Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке стало создание стационарной выставки «Стенопись XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма» в Художественной галерее Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Осуществление данного проекта музеефикации стало возможным благодаря уникальной технологии отсложения масляной живописи XVIII–XIX вв., разработанной российскими реставраторами. Опыт реализации данного проекта является примером

удачного объединения реставрационных практик и музейных новаций в музеологии и перспективного направления в деле актуализации культурного наследия исторического города.

Ключевые слова: культурное наследие, музеефикация, исторический город, реставрация, отслоение живописи, тонирование.

В культурном пространстве сегодня происходит трансформация известных нам социокультурных институтов, в том числе музеев. Музеефикация этого пространства стала важной частью музейной деятельности. По мнению Т. П. Калугиной, «...определение постмодернизма как “музеефикаторского” типа культуры основывается... на... музеефикации целых культурных ландшафтов, реставрации старых городов, систематическом накоплении и выставлении всех и всяческих составных частей культуры и т. д.» [Мастеница, 2013]. Последнее 30 лет этот процесс переориентировал музейную деятельность с коллекционирования на музеефикацию. Особенно активно он происходит в исторических городах, где есть музеи.

Исторические города с их богатым культурным наследием предоставляют местному сообществу возможность не только получить информацию об объектах наследия, но и участвовать в его репрезентации, использовать его для самоидентификации и творческого самовыражения. Музейная составляющая таких городов играет решающую роль в освоении культурного наследия посредством музеефикации как метода актуализации наследия, предоставляет людям пространство для объединения и взаимодействия друг с другом, создавая чувство общности и культурного единства. «История самых разных культурно-исторических общностей знает множество различающихся по своим последствиям ярких примеров “актуализации прошлого”, обращения к историческому опыту с целью его переосмысления с позиций и в интересах настоящего» [Репина, 2022, с. 213].

Музеефикация как научный процесс включает в себя следующие виды музейной деятельности: сохранение (отбор, приобретение, управление коллекциями, консервация), исследование (включая каталогизацию) и коммуникацию (через экспозиции, публикации и т. д.) [Ключевые понятия..., 2012]. Выходя за рамки логики коллекций, она становится частью традиции и воспринимается как оптимальный путь к сохранению и использованию не только памятника, но и культурной памяти поколений.

Как считает М. Е. Каулен, «именно музеи могут решить задачу – через музеефикацию сделать объекты фактами актуальной культуры... музеефикация сегодня осознается как оптимальный путь сохранения

и использования памятника... музеефицированное наследие связано со своим краем, со своим обществом и средой бытования» [Каулен, 2012, с. 389].

Создание стационарной выставки «Стенопись XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма» в Художественной галерее Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника стало результатом музеефикации масляной живописи XVIII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиньевского монастыря. Экспозиция была создана в 2013–2019 гг. [Стенопись XII–XIX вв....]

Здесь представлены предметы историко-художественной значимости, документирующие историческую и культурную уникальность полоцкой архитектурной школы и школы живописи, наиболее значимые из которых – отслоенные и перенесенные на новую постоянную основу фрагменты стенописи XIX в.

Отдельно следует отметить, что данная экспозиция была построена на принципах сочетания тематической экспозиции и открытого хранения, что позволило на ограниченных площадях представить вниманию специалистов и посетителей музея максимальное количество отслоенных и перенесенных на новую основу фрагментов стенописи. Экспозиция включает в себя археологические находки XII в., копии фресок XII в. и их графические прорисы, макеты памятников архитектуры, предметы литургического обихода и личного благочестия, а также цифровые проекции и фильмы, фиксирующие процессы отслоения и перенесения на постоянную основу отслоенной масляной живописи.

Концепция проекта музеефикации масляной живописи XIX в. Спасо-Преображенского храма появилась в период передачи в Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник на постоянное хранение фрагментов отслоенной живописи XVIII–XIX вв. (общая площадь отслоенной живописи XVIII–XIX вв. составляла более 16 тыс. кв. дм). Обычно при раскрытии средневековых фресок поздние записи утрачиваются (счищаются). При раскрытии фресковой росписи Спасского храма XII в. в Полоцке этого не произошло. Было принято решение сохранить масляную живопись XVIII–XIX вв., покрывавшую фрески XII в.

Уникальные технологии отслоения были внедрены в реставрационную практику еще в 1978 г. С. В. Филатовым, но в ходе работ в Спасо-Преображенской церкви они были усовершенствованы российскими и белорусскими реставраторами (в том числе и музейными). В частности, для отслоения композиций большого формата был разработан новый способ, который позволил снимать масляную жи-

вопись участками до нескольких квадратных метров [Гребенщикова и др., 2013].

Технологии отслоения, переноса и сохранения на новом основании живописи XVIII–XIX вв. до сих пор недостаточно распространены в реставрации настенной живописи, хотя преимущества их очевидны. Такой метод позволяет сохранить даже два слоя живописи – первоначальный и слой поновления, который также является объектом художественного наследия. Подобный метод сохранения позднего по отношению к первоначальному слою живописи вполне заслуживает применения в реставрационной практике, так как запись бывает выполнена талантливыми живописцами и представляет собой отдельный комплекс росписей, имеющих художественную ценность. Часто эта ценность носит исторический характер и бывает связана с репрезентацией стилей и манер, характерных для определенных периодов развития живописи; еще чаще она документирует культурное пространство храма, монастыря, города...

При выборе метода музеефикации должны учитываться особенности объекта историко-культурного наследия, среды его бытования, дальнейшее его использование. Среди нескольких методов музеефикации недвижимых объектов историко-культурного наследия подходящим стал метод транслокации (переноса с первоначального местонахождения объекта на новое место) [Тихонов, 2004]. Именно таким образом был музеефицирован комплекс отслоенной живописи XVIII–XIX вв. Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке.

Однако фрагменты стенописи XVIII–XIX вв. Спасо-Преображенской церкви дошли до нас с многочисленными утратами, что мешало полноценному восприятию композиций. Мировая практика реставрации и консервации произведений живописи предусматривает проведение тонировок в местах утрат для придания им экспозиционного вида. Научная концепция экспозиции стационарной выставки «Стенопись XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма» предусматривает отражение художественной культуры Полоцка трех временных периодов: XVIII в., начала XIX в. и конца XIX в. Проанализировать и увидеть стилистические различия монументальной живописи разных эпох, имевшей место в истории Полоцка, без проведения тонировок в местах утрат живописи затруднительно. Тем более, что в отдельных фрагментах утраты живописи достигали 40 %. Было принято решение тонировать отслоенные фрагменты (щадящая тонировка акварелью), и в 2015 г. начался новый этап проекта – выполнение реставрационных тонировок отслоенных фрагментов. При этом отдельные

работы по тонированию проводились реставраторами непосредственно в экспозиции, что придавало интерактивность данной экспозиции и делало посетителей участниками процесса.

Созданная в 2013 г. и значительно дополненная в 2016 г., в 2019 г. музейная экспозиция позволяет сохранять и демонстрировать уникальность и богатство художественной культуры исторического Полоцка, а также во многом содействует возрождению белорусской школы реставрации.

Благодаря музеефикации как основополагающему принципу сохранения наследия состоявшийся проект дает объективное представление или презентует одновременно три интерьера уникального Спасского храма: фресковую программу XII в., масляные росписи 1837 г. и 1885 г. Это позволяет посетителям музея, и в первую очередь полочанам, оценить уникальность и богатство художественной культуры исторического Полоцка. Специалисты в области реставрации и искусствоведения могут познакомиться с новыми технологиями и реставрационными практиками.

Гребениčkova А. Б., Сергiеня В. В., Скобцova Д. А. Поновления древней росписи Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке. Проблема сохранения и музеефикации поздних записей // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : материалы VI Междунар. науч. конф. (1–3 нояб. 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке: История. Архитектура. Живопись. Полоцк: Полоцкое кн. изд-во, 2013. С. 19–29.

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012.

Ключевые понятия музеологии. URL: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/key_concepts_ru.pdf (дата обращения: 11.08.2023).

Мастеница Е. Н. Музеефикация городской среды: подходы и методы. URL: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=1&c_text=137 (дата обращения: 18.08.2023).

Репина Л. П. Практики историописания в пространстве межкультурного взаимодействия // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 2(32). 114–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-istoriopisaniya-v-prostranstve-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 18.08.2023).

Стенопись XII–XIX вв. Спасо-Преображенского храма. Открытие стационарной выставки // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. URL: <http://polotsk.museum.by/node/35935> (дата обращения: 14.06.2024).

Тихонов В. В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2004.

ТРАНСКРИБИРОВАНИЕ ИНТЕРВЬЮ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ¹

Транскрибирование интервью – это важная часть качественных исследований, позволяющая превратить аудио в более удобный носитель информации – текст, который могут изучать и использовать в научных целях все участники научного коллектива. Ввиду того, что в роли транскрибатора могут выступать исследователи, не проводившие интервью, они имеют возможность оценивать материал только в общем виде, конструируя картину восприятия из особенностей разговора, осмысления поведения всех участников исследования, а также восполнения пробелов в повествовании информанта информацией из открытых источников. Все эти элементы формируют дополнительный взгляд на проведенное интервью, направляют ход последующего анализа и могут влиять на результаты исследований, создавать новые темы и видения проблемы, заданной изначально.

Ключевые слова: транскрибирование интервью, качественное исследование, интервью, денатурализованное транскрибирование.

Самая распространенная основа качественных социологических исследований – это анализ транскриптов, то есть текстовых переводов записанных на диктофон интервью. Перевод аудиозаписи в текст, транскрибирование, является одной из самых затратных по времени стадий исследования. Это связано с тем, что, в зависимости от вида транскрибирования, один час аудиозаписи может занять от трех до шести часов набора текста. Скорость перевода устной речи в текстовую форму зависит от многих факторов. В первую очередь, от лица, переводящего аудио в текст. Здесь возможны три варианта:

1. Исследователь самостоятельно расшифровывает свое интервью. В данном случае перевод будет осуществляться быстрее, так как исследователь уже знаком с содержанием записи.

2. Исследователь отдает аудиофайлы другим участникам исследования, которые не являлись интервьюерами. В зависимости от квалификации специалиста временные затраты могут разниться. Например, не имеющий опыта работы с аудиозаписями человек может

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 21-18-00418, <https://rscf.ru/project/21-18-00418> «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

затратить в десять раз больше времени, потраченного на проведение самого интервью.

3. Исследователь отдает кассеты в работу транскрибатору-профессионалу, способному за относительно короткий временной период обработать запись. Но стоит отметить, что исследователю все равно потребуется потратить дополнительное время на прослушивание аудиофайлов для того, чтобы внести необходимые корректировки в текст.

Второй фактор – качество записи. Затрачиваемое на расшифровку время увеличивается, когда аудиозапись содержит речь нескольких собеседников, в ней присутствует много специальных терминов, имеются диалектные особенности. Также качество и скорость транскрибирования зависят от того, где проводилось интервью, в здании или на улице, как много было посторонних шумов, отвлекающих факторов, уточняющих вопросов от интервьюера или пауз и ошибок в речи информанта.

В связи с этим качественный транскрипт требует соблюдения определенных технических требований уже в момент проведения интервью:

1. На протяжении всего интервью нужно держать диктофон или микрофон ближе к информанту, а в случае тихого голоса информанта необходимо попросить его говорить чуть громче.

2. Важно избегать унисона, когда исследователь говорит одновременно с информантом. Во время транскрибирования это становится проблемой, так как нужно разобрать, что говорит каждый человек. Обычно слышен либо один голос, либо не понятны оба, отчего могут теряться важные смыслы.

3. Следует выбирать для интервью тихие места, где нет посторонних разговоров, уличного шума или других помех. Если интервью проводится на улице в движении, то лучше продумать вариант с петличками для всех участников интервью.

4. Попутные записи в блокноте лучше делать подальше от диктофона, а затем сообщать о них транскрибатору, чтобы была возможность обратиться к заметкам как к помощникам при расшифровке.

В рамках реализации исследовательского проекта «Музей малого города: множественность культур памяти» исследователи отправляли коллегам аудиофайлы проведенных интервью для транскрибирования. Качество интервью различалось: иногда это были прогулки по улицам с информантами, иногда – интервью в помещениях, но в присутствии нескольких информантов или исследователей.

Несмотря на то, что каждый участник научного коллектива работал над расшифровками в своем режиме, мы попытались сформировать общие способы и правила работы над транскриптом. Наиболее оптимальный вариант, который, на наш взгляд способствует быстрой и достаточно качественной работе с аудиозаписями заключается в следующем:

1. В основных текстовых редакторах сейчас присутствует функция голосового помощника, набирающего текст, который ему диктуют. При оформлении транскрипта в Microsoft Word с помощью функции «Диктофон» аудиозапись переводится в текст. Это сплошное полотно, не содержащее в себе знаков пунктуации и междометий. Лучше переводить небольшие отрывки (например, по 10–15 минут), а затем дорабатывать текст вручную. Это необходимо всегда, но особенно, если аудиозапись содержит шумы, тихую речь, особенности речи.

2. Обработка текста состояла в повторном прослушивании аудиозаписи, но уже в наушниках, чтобы лучше слышать все детали происходящего разговора. В имеющемся тексте расставлялись знаки препинания, указывались паузы и посторонние шумы. Почему лучше обрабатывать небольшие отрывки? Во-первых, потому что происходит первичное прослушивание, «проживание», появляется понимание сути речи. Во-вторых, если в тексте встречаются слова, обозначающие названия, характерные только для этого города, их можно распознать и облегчить себе узнавание при упоминании в дальнейшем.

3. Следующий важный момент заключается в активном использовании поисковых систем, социальных сетей, литературы, посвященной теме интервью. Например, названия улиц, сокращенные наименования, фамилии людей, известных только на местном уровне, – все это требует корректного указания, которое лучше подтвердить источниками. Если этого не сделать, может произойти искажение смысла, что является грубой ошибкой и серьезной проблемой при последующем анализе транскрипта.

4. При новом повторном прослушивании лучше использовать разные виды аудиовоспроизведения: через динамики рабочего ПК, через наушники, через колонки. Так как разные динамики по-разному могут передавать звучание, при прослушивании через другое устройство можно услышать или расслышать что-то новое.

5. После обработки всей аудиозаписи необходимо еще раз сверить устную и полученную письменную речь, расставить знаки препинания, разделить мысли информанта на отдельные абзацы.

6. Завершающим этапом является рефлексия. В нашем исследовании важна каждая деталь, поэтому в конце транскрипта указывались

комментарии транскрибатора относительно всего интервью, способные подсветить интервьюерам-исследователям то, что не было замечено в процессе разговора.

При транскрибировании очень важно договориться о полноте и условных знаках расшифровки речевых записей. Эти условия определяются целью исследования.

Социолог М. Бухольц, занимающийся методами транскрибирования, предложил представить разновидности транскрибирования в качестве континуума, определив две его крайности – «натурализованное» и «денатурализованное» [Bucholtz, 2000, p. 1439–1465]. Натурализованное транскрибирование – это написание устной речи по стандартным правилам грамматики письменной речи, т.е. используя запятые, точки, и абзацы. Денатурализованное транскрибирование включает в себя все звуки, которые издает респондент, в том числе междометия для заполнения пауз, слова-паразиты, смысловые повторы, длительность пауз, изменения в громкости речи.

В исследовании «Музей малого города: множественность культур памяти» использовались денатурализованные транскрипты. Мы, как исследователи-транскрибаторы, отражали мельчайшие подробности речи информантов и того, что происходило вокруг.

Стоит отметить, что большое количество элементов устной речи, включенных в итоговый текст, приводит к тому, что внешнему читателю или человеку, не знакомому с подобными видами транскриптов, будет сложно прочитать текст интервью. Социологи Д. Оливье, Дж. Серович и Т. Мэйсон считают, что данный вид транскрибирования основывается на идее о том, что «язык содержит значения и восприятия, которые конструируют реальность» [Oliver et al., 2005, p. 1273–1289]. Денатурализованные транскрипты больше подходят для разговорного анализа, в рамках которого «мельчайшие и на первый взгляд незначимые детали беседы оказываются на самом деле средством актуализации важнейших социальных институтов» [Коралева, Кульминская, 2011].

Из этого положения вытекает еще одна важная тема, связанная с транскрибированием текста – осмысление и анализ полученного документа. Важно понимать, что расшифровка аудиозаписи – это, с одной стороны, улучшение первичного документа посредством создания связного текста, а с другой – это переработанный документ, неизбежная интерпретация того, что было сказано, из которой могли ускользнуть некоторые детали.

Аудиозапись не передает визуальные элементы интервью и опускает невербальные аспекты речи: выражение лица, позы, жесты. По

этой причине исследователи всегда ведут подробные записи, описывающие контекст интервью, манеру поведения информанта, помечают важные невербальные аспекты коммуникации с отметками времени и приблизительной цитаты, при произнесении которой был сделан жест. На аудиозаписи транскрибер также может слышать, например, перелистывание страниц, но не знать, что именно показывали интервьюеру, зато он может замечать эмоциональные переходы в речи, слышать увеличение паузы, так как прослушивает всю речь несколько раз и сосредоточен только на одном способе получения информации – слухе. В то же время интервьюер проживает ситуацию полностью.

Именно поэтому всегда будут существовать различия между тем, как сделал расшифровку сам исследователь, и тем, как то же самое интервью расшифровывал другой участник исследования или сторонние организации.

Поэтому результат осмысления одного и того же интервью всегда будет различаться между тремя разными исследователями: интервьюером, транскрибатором и исследователем, получившим уже готовые аудио и текстовые файлы.

Конечно же, легче всего проанализировать интервью исследователю, который все делал сам. Он сможет соотнести аудио со своими пометками, вспомнить детали разговора во время транскрибирования. Но такой вариант не подходит для масштабных исследований, которые ограничены временем.

Если исследователь делал пометки в ходе интервью, то делегирование транскрибирования другому человеку не станет большой помехой при анализе текста. Свериться с записями, вспомнить детали и воссоздать поток мыслей информанта, читая текст, будет несложно. Труднее тем исследователям, которые занимаются только транскрибированием или работают с итоговыми файлами. Здесь стоит отметить, что транскрибатор все же оказывается в лучшем положении. Даже если на расшифровку полуторачасового интервью было затрачено в три раза больше времени, он уже пережил определенные эмоции, услышал все эмоциональные оттенки речи информанта, смог обратить внимание на особенности его речи и создать для себя образ этого человека, узнать его через слух.

Исследователь, работающий с итоговыми файлами, скорее всего, будет переслушивать только интересующие его моменты, обращать внимание не на весь текст, а на отдельные фрагменты, который затем будет рассматривать в контексте того, что было сказано за некоторое время до и после сообщения на интересующую его тему, какие выводы сделал информант.

Таким образом, у всех участников, работающих над одним и тем же интервью, формируется свое видение, определяется проблематика разговора, которая может не совпадать с интерпретациями остальных исследователей.

С одной стороны, это минус, так как два последних исследователя не могут видеть полной картины и могут дополнять ее своими размышлениями. Для того, чтобы избежать недопонимания, исследователи проводят общие собрания для обмена впечатлениями о проведенных встречах, а также могут обращаться друг к другу, чтобы уточнить детали интересующих их моментов интервью. Однако, на эту проблему можно посмотреть и с положительной стороны, так как появляется дополнительный взгляд на рассказ информанта. Новое видение может изменить ход последующего анализа, повлиять на результаты исследований и сформировать новое видение темы, заданной изначально.

Обращение к исследователю-интервьюеру за объяснением приводит к тому, что он передает свой опыт проживания интервью. При этом у исследователя-транскрибатора не формируется собственный опыт. Он трансформируется и укладывается в рамки видения того, кто непосредственно проводил интервью. Именно поэтому транскрибирование позволяет создать собственный опыт для исследователя, даже если он не участвовал в самих интервью. Эмоционально прожитый опыт от прослушивания, повторение текста в письменном виде и уточнение деталей рассказа позволяют запомнить факты и детали, приводимые информантом.

В ходе обсуждения работы над транскриптами было выяснено, что работа с аудиозаписью, посвященной определенному городу, приводит к более быстрой актуализации примеров, обработанных транскрибаторами. В ходе транскрипции проживается определенная часть ритма жизни человека, связанного с музеем и сбором информации, или идущего по городу и отмечающего его особенности. Эти примеры становятся осязаемыми, что делает исследование отчасти субъективным, сужает количество примеров, но, с другой стороны, напротив, позволяет исследователю углубиться в заданную проблему. Также становится проще искать опровержения или подтверждения определенной мысли в текстах, которые транскрибатор не расшифровывал.

Анализ транскриптов позволяет услышать отношение одного человека к определенной проблеме, в нашем случае – к проблемам музеев малых городов и малых городов в целом. Но этот один человек задает направление для поиска других примеров; в дальнейшем мы ищем закономерности, которые действительно подкрепляются словами людей из разных населенных пунктов, иногда очень удаленных

друг от друга. Например, отношение к развитию городов, когда жители формируют свое видение будущего, опираясь на историческое прошлое данной местности.

Подводя итоги, хочется отметить, что тема транскрибирования мало раскрыта в социологической литературе, особенно современной. Но на наш взгляд, это важная часть качественных исследований, она расширяет границы изучаемых проблем, в связи с чем нуждается в изучении и постоянном улучшении.

Для масштабных исследований необходима качественная техника, диктофоны и микрофоны, которые позволят услышать все детали максимально разборчиво. Доступ к пометкам интервьюера, которые позволят создать более полную картину, нужен не для того, чтобы перенаправить исследование в русло, заданное «интервьюером», а с тем, чтобы увидеть и обсудить новые грани проблемы, которые выявил транскрибатор.

Кораблева Г. Б., Кульминская А. В. Интернет-дискуссии как инструмент формирования общественного мнения // Дискуссия. 2011. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskussii-kak-instrument-formirovaniya-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 20.08.2023).

Bucholtz M. The Politics of Transcription // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32. Pp. 1439–1465.

Oliver D. G., Serovich J. M., Mason T. L. Constraints and Opportunities with Interview Transcription: Towards Reflection in Qualitative Research // Social Forces. 2005. Vol. 84. №. 2. Pp. 1273–1289.

Раздел 4

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

УДК 651:378

М. В. Плетнева, О. М. Зудова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РОСТ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ «SOFT SKILLS»

В статье представлено исследование «мягких навыков», необходимых молодым специалистам-документоведам для дальнейшего роста в профессии. Приводятся результаты опроса студентов заочной формы обучения Уральского федерального университета по программе подготовки «Документоведение и архивоведение», которые позволяют определить наиболее востребованные «soft skills» среди начинающих специалистов.

Ключевые слова: документовед, «мягкие навыки», профессиональный рост, карьера, документ.

Профессиональная подготовка специалистов в сфере документационного обеспечения управления и архивного дела в России имеет долгую историю и сегодня реализуется в разных форматах: высшее образование, среднее профессиональное, курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Таким образом выполняется задача предоставления образовательных услуг различным категориям населения с учетом их индивидуальных запросов и потребностей [Мазур, 2013, с. 287]. Широкие возможности приобрести современные профессии документоведа и менеджера в сфере управ-

ления документацией, возросший спрос в последние годы на специалистов в области информационного обеспечения управления подтверждают востребованность этих специалистов на рынке труда в XXI в.

Специфические особенности подготовки специалистов направления «Документоведение и архивоведение» заключаются в необходимости овладеть широким спектром знаний и навыков, связанных с организацией, хранением и использованием документов. Немаловажную роль в подготовке квалифицированных специалистов играет знакомство с основами информационных технологий, а также изучение принципов организации работы с базами данных и системами управления документацией, поскольку будущие специалисты должны быть готовыми к работе в цифровой среде. В современном мире все больше документации хранится и обрабатывается в электронном виде, поэтому студентам предоставляется возможность изучить специализированные программные продукты (в том числе CRM-системы), позволяющие эффективно управлять электронными документами. Важным разделом программы является изучение нормативно-правовой базы, регулирующей работу с документами.

Профессиональная подготовка не ограничивается только теоретическими знаниями. В процессе освоения новой профессии студенты учатся самостоятельно осуществлять поиск информации по запросу пользователя, составлять сводные аналитические отчеты на основе имеющихся данных. На сегодняшний день большинство учебных заведений РФ, специализирующихся на подготовке документоведов, включили в учебные программы такие курсы, как «документационное обеспечение управления», «документная лингвистика», «кадровое делопроизводство», «организационное проектирование», «управление документацией», «документирование трудовых отношений» и др.

Само же понятие «молодой специалист», хотя и появилось в советский период, не утратило своей актуальности и в наши дни. Еще в 1990 г. был учрежден пост Уполномоченного при Президенте СССР по делам молодежи. Позже, в ходе реструктуризации 2008 г., состоялось реформатирование этой сферы ответственности в Федеральное агентство по делам молодежи. В Приказе МинВУЗа СССР от 30.07.1980 № 870 впервые было упомянуто понятие «молодой специалист» – выпускник высшего или среднего специального учебного заведения, который окончил полный курс обучения и защитил дипломный проект, успешно сдал государственные экзамены и направлен на работу комиссией по персональному распределению. Специалист считается «молодым» в течение трех лет со дня окончания учебного заведения.

В трудовом кодексе Российской Федерации отсутствует понятие «молодой специалист», хотя в ст. 70 («Испытание при приеме на работу») указано, что испытание при приеме на работу не устанавливается для лиц, получивших среднее профессиональное образование или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и впервые поступающих на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения профессионального образования соответствующего уровня [Трудовой кодекс..., 2023].

Полная характеристика молодого специалиста представлена в ст. 2 закона «О молодежной политике Российской Федерации», согласно которой молодой специалист – это «гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет включительно..., завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией» [О молодежной политике..., 2020].

Проблемы профессионального роста и трудоустройства молодых специалистов в сфере документационного обеспечения управления и архивоведения осложняются высокой конкуренцией на рынке труда среди представителей данных профессий. Нередко молодых специалистов недооценивают по причине отсутствия опыта работы и, как следствие, работодатели предлагают заработную плату ниже среднерыночной. Помимо стандартных требований к кандидатам в части профессиональных знаний, все чаще работодатели выдвигают так называемые «универсальные, ключевые компетенции», или «soft skills».

«Мягкие навыки» являются важной составляющей успешной карьеры и личностного роста молодого специалиста и относятся к некогнитивным, социальным и эмоциональным компетенциям, которые позволяют эффективно взаимодействовать с другими людьми и успешно развиваться в профессиональной и личностной сферах. Они необходимы для того, чтобы стать конкурентоспособным на современном рынке труда. «Мягкие навыки» могут выражаться в таких характеристиках, как умение проявлять гибкость в профессиональной среде, не бояться брать на себя ответственность, умение ладить с коллегами, работать в команде, передавать свой профессиональный опыт коллегам, способность точно ставить цель и задачи перед сотрудниками и др.

«Мягкие навыки» следует отличать от «hard skills», под которыми понимается совокупность базовых знаний по профессии, полученных в ходе обучения по выбранной специальности. «Мягкие навыки» не менее важны для успешного трудоустройства и последующего про-

фессионального роста. В идеале их следует развивать самостоятельно с раннего детства. К «soft skills» относят коммуникабельность и эмпатию, критическое мышление, умение работать в команде. Работодатели высоко ценят специалистов, способных сплачивать коллектив, создавать здоровый эмоциональный климат, даже если они не являются в полном смысле экспертами в профессии. Поэтому «soft skills» следует рассматривать в качестве ключевых характеристик специалистов.

Остановимся на особенностях реализации навыков «soft skills» в сфере документационного обеспечения управления и архивного дела и рассмотрим должностные обязанности трех основных представителей профессии: документоведа, архивариуса и секретаря. Согласно квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и других служащих документовед, архивариус и секретарь руководителя обладают следующим перечнем основных обязанностей [Квалификационный справочник..., 2018].

Документовед:

1. Разрабатывает и внедряет технологические процессы работы с документами и документной информацией на основе использования организационной и вычислительной техники.

2. Принимает участие в планировании, организации и совершенствовании деятельности службы ДОУ, осуществляет контроль за состоянием делопроизводства.

3. Организует внедрение систем ведения документации.

4. Принимает меры по упорядочению состава документов и информационных показателей, сокращению их количества и оптимизации документопотоков.

5. Участвует в отборе документов, передаваемых на государственное хранение, организации хранения и экспертизе ценности документов.

6. Изучает и обобщает передовой отечественный и зарубежный опыт в области ДОУ, разрабатывает нормативно-методические документы по вопросам документационного обеспечения.

7. Принимает участие в работе по подбору, расстановке и повышению квалификации кадров службы документационного обеспечения управления.

Архивариус:

1. Организует хранение и обеспечивает сохранность документов, поступивших в архив.

2. Принимает и регистрирует поступившие на хранение от структурных подразделений документы, законченные делопроизводством.

3. Участвует в разработке номенклатур дел, проверяет правильность формирования и оформления при их передаче в архив.

4. В соответствии с действующими правилами шифрует единицы хранения, систематизирует и размещает дела, ведет их учет.

5. Подготавливает сводные описи единиц постоянного и временного сроков хранения, а также акты для передачи документов на государственное хранение, на списание и уничтожение материалов, сроки хранения которых истекли.

6. Ведет работу по созданию справочного аппарата по документам, обеспечивает удобный и быстрый их поиск.

7. Участвует в работе по экспертизе научной и практической ценности архивных документов.

8. Следит за состоянием документов, своевременностью их восстановления, соблюдением в помещениях архива условий, необходимых для обеспечения их сохранности.

Секретарь:

1. Осуществляет работу по организационно-техническому обеспечению административно-распорядительной деятельности руководителя предприятия.

2. Принимает поступающую на рассмотрение руководителя корреспонденцию, передает ее в соответствии с принятым решением в структурные подразделения или конкретным исполнителям.

3. Принимает документы и личные заявления на подпись руководителя предприятия.

4. Следит за своевременным рассмотрением и представлением структурными подразделениями и конкретными исполнителями документов, поступивших на исполнение.

5. По поручению руководителя составляет письма, запросы, другие документы.

6. Выполняет работу по подготовке заседаний и совещаний, проводимых руководителем, ведет и оформляет протоколы.

7. Организует прием посетителей, содействует оперативности рассмотрения просьб и предложений работников.

Для выполнения функциональных обязанностей в рамках профессиональной компетенции перед молодым специалистом стоит непростая задача: в кратчайшие сроки усилить свои «мягкие навыки». С целью определения наиболее востребованных «soft skills» у начинающих документоведов был проведен опрос среди студентов заочной формы обучения направления подготовки «Документоведение и архивоведение» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета в форме анонимного интервью. Было опрошено 16 студентов, большинство из которых на момент интервью работали по специальности. В результате проведенного исследования

удалось определить круг наиболее актуальных навыков по трем категориям специалистов (табл. 1).

Таким образом, удалось выявить, что «hard skills», безусловно, имеют решающее значение на этапе становления молодого специалиста в профессии документоведа. И доминирующим навыком здесь является приобретение фундаментальных знаний в области документационного обеспечения управления и архивного дела. Однако состояться профессионалом без навыков перманентного обучения, убеждения, сглаживания конфликтов очень сложно. Вот почему развитие «soft skills» имеет чрезвычайно важное значение на последующих этапах профессионального роста документоведа.

Таблица 1.

«Soft skills» молодых специалистов-документоведов

Документовед	Архивариус	Секретарь
1. <i>Организационные способности:</i> умение планировать и организовывать работу с документами, эффективно управлять временем и ресурсами.	1. <i>Организационные способности:</i> умение планировать и организовывать работу с архивными материалами, эффективно управлять временем и ресурсами.	1. <i>Организационные способности:</i> умение планировать и расставлять задачи по приоритетам, гибкость в управлении временем и способность адаптироваться к изменениям.
2. <i>Коммуникативные навыки:</i> способность эффективно общаться и взаимодействовать с коллегами, клиентами и другими заинтересованными сторонами.	2. <i>Коммуникативные навыки:</i> способность эффективно общаться и взаимодействовать с коллегами, посетителями и другими заинтересованными сторонами.	2. <i>Коммуникативные навыки:</i> умение слушать, ясно и четко выражать свои мысли как в письменной, так и в устной форме, умение поддерживать рабочие отношения с коллегами и клиентами.
3. <i>Аналитические способности:</i> способность анализировать и оценивать документы, выявлять связи и сопоставления, делать выводы на основе имеющихся данных.	3. <i>Координационные способности:</i> способность согласовывать и совмещать различные задачи и проекты, умение работать в команде и координировать работу других сотрудников.	3. <i>Координационные способности:</i> способность согласовывать и совмещать различные задачи и проекты, умение работать в команде и координировать работу других сотрудников.

Документовед	Архивариус	Секретарь
4. <i>Внимание к деталям:</i> умение замечать и исправлять ошибки, внимание к деталям при анализе, классификации и организации документов.	4. <i>Внимание к деталям:</i> умение замечать и исправлять ошибки, внимание к деталям при обработке, описании и хранении архивных материалов.	4. <i>Дипломатичность и конфиденциальность:</i> умение обращаться с конфиденциальной информацией, соблюдать принципы деловой этики, держать информацию в секрете и быть дипломатичным в общении.
5. <i>Точность и аккуратность:</i> умение выполнять работу с документами с высокой точностью и аккуратностью, соблюдение правил и стандартов.	5. <i>Аналитические способности:</i> способность анализировать информацию, выявлять связи и сопоставления, делать выводы на основе имеющихся данных.	5. Умение решать проблемы: способность быстро анализировать ситуацию, принимать взвешенные решения.

Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих : утв. пост. Минтруда России от 21.08.1998 № 37, ред. от 27.03.2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58804/94cdcca33937822ff3691681a441bd316b27aa0/ (дата обращения: 20.05.2024).

Мазур Л. Н. Профессиональная подготовка документоведов и архивистов в России: от специализации к системе непрерывного образования // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. Мазур и Я. Лосовски. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 287–308.

О молодежной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Гарант.ру.: инф.-прав. портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 07.06.2024).

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/cc065f088bd92d312b5fae714377b25f557ac44a/ (дата обращения: 16.09.2023).

УДК 94(47).073:355.1(093)

Т. Н. Кандаурова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОКРУГА ОХТЕНСКОГО ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПО ОТЧЕТНЫМ МАТЕРИАЛАМ ДЕПАРТАМЕНТА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

В 1810-х гг. наряду с военными поселениями пехоты и кавалерии был сформирован небольшой по масштабам военно-поселенный округ на Охтенском пороховом заводе по соседству с Санкт-Петербургом. Данное военное поселение имело свои особенности устройства и развития. Публикуемые департаментские отчетные материалы представляют основные характеристики хозяйственного развития, социального и культурного пространства Охтенского военного поселения артиллерии в 1840–1850-х гг.

Ключевые слова: Охтенское военное поселение, Департамент военных поселений, Охтенский пороховой завод, поселенные роты, инспекторские смотры, отчетные материалы, военные поселяне – хозяева-ремесленники, поселяне – хозяева-хлебопашцы

Среди региональных военных поселений самым малым по масштабам было военное поселение на Охтенском пороховом заводе близ Санкт-Петербурга, начало которому было положено в середине 1810-х гг. Территория округа составляла 14 152 дес. земли или 0,4% от площади всех военных поселений [Ячменихин, 2008, с. 64]. Охтенское военное поселение было единственным, созданным при одном из военно-промышленных предприятий того времени. При создании военных поселений в планы императора Александра I входила орга-

низация наряду с округами поселения пехоты и кавалерии округов поселения артиллерии. В 1816 г. инспектор артиллерии, генерал от артиллерии барон П. И. Меллер-Закомельский получил распоряжение осуществить выбор и подготовку мест для создания военных поселений артиллерии. Прорабатывались планы развертывания поселенных округов на Казанском и Шосткинском (Шостенском) пороховых заводах в Черниговской губернии и при Брянском арсенале.

Для начала реализации проекта был выбран Охтенский пороховой завод, располагавшийся по соседству со столицей. Общее руководство организацией округа осуществлял генерал граф А. А. Аракчеев, а непосредственным исполнителем был определен начальник Охтенского завода подполковник Д. Ф. Кандыба [РГВИА, ф. 405. оп. 1, д. 59, л. 13].

Формирование и расквартирование поселенных рот осуществлялось постепенно. Одной поселенной роте в составе поселян – хозяев-ремесленников и хлебопашцев полагалось принимать на постой и обеспечивать продовольствием 120 постояльцев, или по одному на каждого поселянина-хозяина, из числа мастеровых рот завода [Там же]. В округах поселений пехоты и кавалерии до 1826–1827 гг. один военный поселянин – хозяин содержал постоем и продовольствовал двух солдат-постояльцев действующих батальонов и эскадронов. По мере развертывания поселения на Охтенском заводе на три поселенных роты приходилось шесть действующих, т. е. на одно хозяйство по два постояльца.

В 1817 г. началось поселение первой роты на Охтенском пороховом заводе, и к весне 1821 г. в ней уже состояло 126 хозяев, в числе которых были 84 ремесленника и 42 хлебопашца. В это время рота уже сокращала государственные расходы на 8 тыс. руб. [О поселении..., 1821, с. 671]. Каждому хлебопашцу-хозяину было назначено по 6 дес. пахотной земли и по 2 дес. сенокоса, землю они получали по мере расчистки неудобных угодий. Хозяев-хлебопашцев казна также обеспечивала рабочим и продуктивным скотом: «каждому хлебопашцу дано было от казны по одной корове, одной лошади и на первоначальную распашку полей всем 30 волов». Овес на продовольствие рабочего скота выделялся также от казны [Каменев, 1894, с. 46–47].

Летом 1821 г. началось поселение второй роты на Охтенском пороховом заводе в составе 42 хлебопашцев и 84 ремесленников на том же основании, что и поселение первой роты [О поселении..., 1821, с. 672]. В каждой роте также состояло четыре непоселенных нижних чина (фельдфебель, каптенармус, писарь и цирюльник). Ремесленники 2-й поселенной роты имели собственные дома. По общему плану устройства Охтенского завода предусматривалась перестройка старой слободы, где проживали эти ремесленники, «лицом к реке Луппе», левому притоку Охты, по утвержденным фасадам. На это им предусматривалось пособие от казны строительными материалами

и заимообразно финансами, в помощь выделялись строители. Для поселения хозяев-хлебопашцев и непоселенных чинов роты предусматривалось строительство новых домов с надворными строениями, и они получали все необходимое от казны (рабочий и продуктивный скот, инвентарь, семена для посева) [Там же, с. 673]. Поселяне-хозяева ремесленники могли заниматься в свободное время – два дня в неделю – изготовлением ремесленных изделий на продажу.

Третью поселенную роту начали обустривать в 1823 г. По отчету 1824 г., численность народонаселения на заводе составляла 600 душ м. п. (мужчин) и 549 душ ж. п. (женщин) [Отчет..., 1825, с. 4], в отчете 1826 г. показано 767 душ м. п. и 654 души ж. п. [Отчет..., 1827, с. 4]. После формирования 3-й поселенной роты «остальные нижние чины завода составляли по-прежнему нераздельную команду». В 1825 г. они были разделены на шесть непоселенных, или действующих, рот, «которые были расквартированы по военным поселениям» [Каменев, 1894, с. 51]. Военные поселяне-хозяева хлебопашцы и ремесленники получали от казны жалованье, мундирные, амуничные и оружейные вещи, как и солдаты действующих рот Охтенского завода. Поселянам-хозяевам хлебопашцам отстраивали от казны дома и выделяли землю для огорода, выгона и сенокоса 2½ дес., для хлебопашества по 4½ дес. и при водворении – все необходимое для занятия хозяйством [Там же, с. 52]. При поселенных ротах на заводе полагалась инвалидная команда из 200 человек, выполнявшая караульные и охранные обязанности.

К 1824 г. в ротном штабе 2-й и 3-й поселенных рот были возведены: дом ротного комитета, дом для ротных командиров с надворным строением к нему, часовня, мастерская, дом для инвалидов, сарай для пожарных инструментов; в 3-й поселенной роте – запасной хлебный магазин на 600 четвертей. «Сверх того: 21 дом, 40 надворных строений отстроены по утвержденным фасадам собственным попечением ремесленников-хозяев» [Отчет..., 1825, с. 119–120]. Осуществлялась расчистка полей [Там же, с. 48]. На продовольствии от земли округа поселения завода состояло 358 человек [Там же, с. 61]. В ротных школах Охтенского порохового завода в 1824 г. обучалось 89 кантонистов [Там же, с. 21]. В соответствии с отчетом, «водворение военных поселян Охтенского порохового завода, во всех трех поселенных ротах, равномерно кончено» [Там же, с. 46]. При нехватке для завода строительного и дровяного леса, в 1824 г. была приобретена для завода у камергера Плещеева дача Малое Мурино с 520 десятинами леса, 151 дес. сенокоса и 5 дес. неудобной земли. И из казенной Порецкой дачи было отведено заводу дровяного леса – 4 000 дес. и под болотом земли – 1 363 дес. [Там же, с. 65–66].

В комплексе материалов Департамента военных поселений (далее – ДВП) Российского государственного военно-исторического

архива определенный интерес и особую ценность представляют материалы по региональным поселениям. Помимо годовых отчетов и материалов к ним в фонде сохранились отчеты по инспекторским осмотрам военно-поселенных округов. Сводные отчетные материалы, в том числе формировавшиеся уже в самом ДВП на основе материалов с мест (годовые отчеты, доклады по Департаменту), позволяют получить обобщенные показатели развития региональных округов военных поселений. Материалы с мест, присылаемые к общим годовым департаментским отчетам, и материалы инспекторских смотров содержат дополнительную информацию для характеристики социально-экономического и социокультурного развития поселенных округов, включая значимые количественные показатели. Часть данных из этих отчетов не включалась в общие департаментские отчеты. Комплексный анализ всех отчетных материалов ДВП позволяет сформировать более репрезентативную базу исследования состояния и развития военно-поселенных округов и использовать их информационный потенциал значительно более эффективно в плане представления основных характеристик региональных военных поселений.

Материалы годовых и инспекторских отчетов по Охтенскому округу военного поселения позволяют рассмотреть и охарактеризовать не только экономическое состояние, но и социальное и культурное пространство округа, созданного с целью сокращения расходов на содержание завода и улучшения положения его служителей: благоустройство заводской и прилегающей территорий, в частности, полей и лесных дач, осушение болотистых мест, посадку лесов; устройство общественного огорода, обустройство набережных водоемов, каменных мостовых; уровень развития земледелия и скотоводства.

Отчеты показывают расширение жилого сектора завода и его структуру; работы по ремонту строений, включая заводскую церковь; наличие и состояние фондов социального страхования (запасные хлебные магазины, заемные денежные капиталы, содержание и обеспечение продовольствием вдов и сирот, преемственность в развитии поселенских хозяйств); поддержание состояния шоссейных дорог, мостов; обеспечение пожарной безопасности в заводских слободах и территориях; развитие образовательных заведений для обучения кантонистов. Во всех военных поселениях было введено всеобщее начальное образование, позднее получило развитие профессиональное образование. Наличие в штате Охтенского завода повивальных бабок, лекарей и фельдшеров позволяло обеспечивать военных поселенцев надлежащей для своего времени медицинской и акушерской помощью.

При публикации сохранено широкое использование в отчетных документах прописных букв, подчеркивания рубрик, пунктуация приближена к современной, восстановленные по смыслу слова и части слов заключены в квадратные скобки.

№ 1

Рапорт Инспектора пороховых заводов генерала Ф. М. Шульмана в Департамент военных поселений о препровождении отчета по округу военного поселения Охтенского порохового завода¹

31 октября 1840 г.

Министерства Военного
Департамент военных поселений

В следствии отношения Департамента военных поселений от 5-го августа за № 4323-м, представленный от командира Округа военного поселения Охтенского порохового завода генерал-майора Головачева при рапорте от 29-го октября за № 752-м, отчет об Округе военного поселения за 1840 год, при этом в Департамент военных поселений препроводить честь имею.

Инспектор пороховых заводов
генерал-лейтенант [Ф. М.] Шульман.

Адъютант капитан подпись²

РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2783. Л. 2.

Подлинник. Рукопись.

№ 2

Отчет командира округа военного поселения Охтенского порохового завода генерал-майора Головачева о состоянии округа за 1840 год

31 октября 1840 г.

По части хозяйственной

Состояние округа военного поселения Охтенского порохового завода.

I. Народонаселение

Общее народонаселение в округе к 1-му ноября 1839 года простиралось 2732 человека.

К 1-му ноября 1840 года состоит в округе 2686 человек.

Следовательно, народонаселение в 1840-м году уменьшилось до 46 человек.

¹ Угловой штамп (рукописный): *Военное поселение в С.Петербургской губернии Управление Поселенными ротами Охтенского Порохового завода. Ст. Петербург. 31 октября 1840 года. № 268.* Вверху листа штамп: Департамен[т] Воен[ных] Посел[ений]. Отдел[ение] Хозяйствен[ное]. № 4716/825 (вписан чернилами). Получ[ено] 2 Ноября 1840 года.

² Внизу листа помета карандашом: слово неразборчиво и 4/16.

В прилагаемой ведомости под литерою А народонаселение исчислено в подробности.

І. Хлебопашество.

а. Посевы и урожай.

1. Представляемая ведомость под литерою Б показывает:

а. О количестве посева и урожая в 1840 году по сравнению с 1839 годом.

б. Что посевы в округе озимого и ярового хлеба на 1840 год против 1839 года произведены в одинаковом количестве по имеющемуся пространству земли.

с. Урожай в 1840 году ярового хлеба был изобильнее противу прошлого года, а озимого – менее. Причина уменьшению – беспрепятственные дожди с ветром, когда цвел хлеб.

2. Следующее сравнение показывает преимущества урожая одного года пред другим:

Озимого		Ярового	
в 1839 году	в 1840 году	в 1839 году	в 1840 году
Сам – 4½	4⅓	4½	4¾

Вообще при урожае сем народонаселение в округе Охтенского завода в течение 1840 года обеспечивалось собственными способами, как в продовольствии, так и в надобностях для засева полей.

Б. Запасный магазин.

Состояние запасного магазина объясняет в подробности представляемая ведомость под литерою С.

В нем к 1 ноября 1840 года состоит:

Четвертей			Итого
Ржи	Круп	Овса	1 260
504	—	756	

Из того числа в долгу не имеется.

В. Собственное продовольствие от земли.

В 1840 году состояло на продовольствии от земли всего 658 человек³.

В 1839 году продовольствовалось 665 человек.

Следовательно, в 1840 году против 1839 года состояло на собственном продовольствии менее 7 человек.

³ Пояснение автора отчета: В числе сих продовольствовавшихся от земли заключается нижних чинов непоселенных рот 126 и кантонистов 159 человек.

Продовольствием в 1840 году людей непоселенных рот от земли округа поселения сокращены издержки казны по местным ценам на сумму 2 233 руб. 46¾ коп. серебром.

Кроме того, без всякого от казны пособия довольствовалось от земли округа военного поселения Охтенского завода 532 души, составляющих собственно народонаселение сего округа⁴.

II. Скотоводство.

Состояние скотоводства в округе в 1840 году по сравнению с 1839 годом показывает представленная ведомость под литерою Д.

Число скота против 1839 года умножилось 30 коровами.

III. Лесоводство.

Все леса, принадлежащие округу, по составленному и утвержденному проекту разделены на лесничества и делятся на годовые лесосеки.

Вообще в лесу посев и подладка дерев занимает пространства в округе 16 десятин.

Съемка и разделение земель.

1. Произведена экономическая съемка Порецкой лесной дачи согласно положению о лесах по прошествии десяти лет.

2. Произведена уборка хвороста на вырубленных в прошлом годах лесосеках.

IV. Хозяйственные заведения.

В округе поселения завода состоит:

1. Кирпичных заводов 2⁵.

2. Плитные приломы на сто погонных сажень в Новолadoжском уезде на берегу реки Волхова.

Выгоды от сих заведений проистекают те, что кирпич и плиты приобретаются дешевлешими ценами противу покупных от вольных продавцов, но состояние прилома истощилось уже до того, что в них по примерному исчислению осталось только до 50 кубических сажень.

VII. Инспекторские смотры в округе Охтенского порохового завода.

Военные поселяне состоянием своим довольны, жалоб и претензий на начальство нет.

⁴ Пояснение автора отчета: *Число сих душ составляют военные поселяне-хозяева и их семейства мужеского пола.*

⁵ Пояснение автора отчета: *Один из этих заводов упразднен по неимению для выделки кирпича годной глины и песку.*

Вдовы и сироты к семействам пристроены и в содержании обеспечены.

Военные поселяне в домах своих живут опрятно, поля обрабатываются хорошо и все засеяны, хозяева занимаются хлебопашеством усердно.

Скот в хорошем состоянии.

Некоторые поселяне занимаются торговлей, имеют капиталы, таковых поселян находится в округе 1 человек, который имеет капитал до 300 рублей серебром.

Бедных хозяев, имеющих нужду в пособии, в округе нет.

В 1839 году таковых не было.

Хлеба для продовольствия и семян для озимых и яровых полей везде достаточно.

VIII. Ротные школы.

В школе сей к 1-му ноября 1840 года состоит:

Число учителей	Число учащихся кантонистов
2	40

Генерал-майор [Н. Т.] Головачев
Аудитор⁶

Литера А.

Ведомость

О народонаселении в округе военного поселения Охтенского
порохового завода

	Число людей	
	1839 год	1840 год
Хозяев	350	342
Нехозяев	41	42
Детей их, кантонистов	310	318
Непоселенных нижних чинов и инвалидов*	729	684
Детей их, кантонистов	204	200

⁶ Подпись неразборчива.

	Число людей	
	1839 год	1840 год
Жен	484	480
Вдов	38	38
Детей женского пола	433	445
Солдаток	1	—“—
Духовенства мужского пола	4	4
женского пола	5	4
Повивальная бабка	1	1
Разночинцев обоего пола	132	128
Итого	2 732	268
Против прошлого года		
менее	—“—	46
более	46	—“—

*Здесь показываются нижние чины непоселенных рабочих рот и инвалидной команды

Генерал-майор [Н. Т.] Головачев
Аудитор⁷

Б.

Ведомость

О состоянии хлебопашества в округе военного поселения Охтенского порохового завода

	Ржи				Овса			
	в 1839 году		в 1840 году		в 1839 году		в 1840 году	
	засе- яно	соб- рано	засе- яно	соб- рано	засе- яно	соб- рано	засе- яно	соб- рано
	Четвертей							
В округе завода	252	1 134	232	1 092	504	2268,4	504	2 436

Генерал-майор [Н. Т.] Головачев
Аудитор⁸.

⁷ Подпись неразборчива.

⁸ Подпись неразборчива.

С.

Ведомость

О состоянии запасного магазина округа военного поселения
Охтенского порохового завода

	Ржи	Овса	Всего
Всего состоит [четвертей]	504	756	1260
В долге не имеется			

Генерал-майор [Н. Т.] Головачев
Аудитор⁹

Д.

Ведомость

О состоянии скотоводства в округе военного поселения Охтенского
порохового завода

	Лошадей		Коров	
	1839 года	1840 года	1839 года	1840 года
К 1-му ноября				
Всего состоит	126	126	482	512
Против 1839 года более				30

Генерал-майор [Н. Т.] Головачев
Аудитор¹⁰

РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2783. Л. 3–9.
Подлинник. Рукопись.

№ 3

*Рапорт исправляющего должность Инспектора пороховых заводов
генерала В. В. Гербея 2 императору Николаю I о предоставлении
записки по осмотру поселенных рот Охтенского порохового завода¹¹*

21 января 1851 г.

Вашему императорскому величеству имею счастье всепод-
даннейше представить у сего записку об смотре поселенных рот

⁹ Подпись неразборчива.

¹⁰ Подпись неразборчива.

¹¹ Вверху листа штамп: Инспектор[ский] Департам[ент], сверху 40 (вписано чернилами). По 2 (вписано чернилами) Отделению № 1195 (вписано чернилами). Получено 24 Января 1851.

Охтенского порохового завода в декабре месяце 1850 года¹²

№ 40

Генерал-лейтенант [В. В.] Гербель 2.
Адъютант штабс-капитан (подпись)¹³.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 7027. Л. 416.
Подлинник. Рукопись.

№ 4

*Записка о состоянии поселенных рот Охтенского порохового завода
при инспекторском смотре в декабре месяце 1850 года.*

I. По части строевой.

1. Люди вообще имеют вид здоровый.
2. Из числа 362 человек, состоявших к 2-му числу ноября месяца 1848 года.

Умерло: в 1849 году	12 челов.
—“— 1850 —“—	11 —“—
Против 1848 года менее	6 —“—
3. Из числа кантонистов большого возраста поступило:

в 1849 году	5 челов.
В звание хозяев	
—“— 1850 —“—	7 —“—
В непоселенные рабочие роты	
в 1850 году	1 —“—
4. Хозяев, не способных оставаться в сих званиях:

По желанию поступить на действительную службу	22 челов.
По старости лет и изнеможению сил	5 —“—
По нерасположению жениться	1 —“—
5. Смещено из звания хозяев с 1-го ноября 1848 года:

По старости лет и изнеможению сил на основании	
§ 110 положения о полном составе поселенного	
пешего полка	16 челов.
По желанию поступить на действительную	
службу на основании § 113 положения о полном	
составе поселенного пешего полка	13 —“—
По возрасту	6 —“—

¹² Помета чернилами с левой стороны листа: *Копию получил с приложениями 23го июня Красно* [далее – три буквы неразборчиво].

¹³ Перед подписью адъютанта чернилами помета – № 197.

По признанной способности:

в писаря	1 —“—
—“— фельдфебеля	1 —“—
По малолетству и не имению родственников	1 —“—
По неблагонадежному поведению	6 —“—
	44 ¹⁴

6. На место неспособных и смещенных из звания хозяев поступили их родственники и посторонние.

7. Одежда военных поселян и инвалидов приноровлена хорошо и с данными образцами сходна.

II. По части хозяйственной.

A. Занятия офицеров:

1. Офицеры в устройство военного поселения вникают.
2. Ротные командиры состояние военных поселян знают.

Б. Состояние военных поселян:

1. Военные поселяне состоянием своим довольны, жалоб и претензий не имеют.

2. Таких хозяев, коим бы нужна была особая помощь, нет.

3. Вдовы и сироты к хозяевам пристроены.

4. Скот у военных поселян-хозяев в хорошем состоянии. К 1-му ноября 1848 года состояло:

Лошадей	125
Коров	408

По настоящее время уменьшилось:

Коров	137
Лошадей	2.

Уменьшение в коровах последовало по причине существовавшей повальной болезни чумы рогатого скота, а в лошадях по причине смещения из звания хлебопашцев по неблагонадежному поведению, отчего лошади их проданы, впредь до приискания новых благонадежных хозяев.

5. Самый богатый хозяин имеет не более одной лошади и 5-ти коров, а некоторые из ремесленников, занимаясь ремеслом, скота вовсе не имеют.

6. Бедных хозяев в ротах не имеется.

¹⁴ Число 44 вписано карандашом.

7. На собственном продовольствии состоит:

Непоселенных рабочих рот мастеровых	126 чел.
Военных поселян и кантонистов	449 —“—
Вообще жен, вдов и детей женского пола	648 —“—
	1 147

8. Затем состоит на казенном продовольствии:

Непоселенных нижних чинов унтер-офицеров мастеровых, кантонистов всех возрастов и сирот женского пола	184 человек.
---	--------------

9. Число состоящих на своем продовольствии уменьшилось ... 5 —“—

Уменьшение последовало по случаю помещения военных поселян с их семьями из звания хозяев за неспособностью и по другим причинам в инвалиды и непоселенные рабочие роты.

10. Поля на участки разделены, удобрены и засеяны.

11. Сбор хлеба с военных поселян не производится, потому что определенное проектом о военном поселении пехоты 1 части § 148 количество зернового хлеба в запасный хлебный магазин собрано.

12. Военные поселяне в домах своих живут опрятно.

13. По сравнению достатка хозяев роты округов военного поселения Охтенского порохового завода имеют следующее преимущество:

- а. Поселенная №2 рота / командир капитан Азанов /.
- б. Поселенная №3 рота / командир капитан Михайлов /.
- в. Поселенная №4 рота / командир капитан Травин /.

По устройству и хозяйству эти роты в одинаковом положении.

В. Наряды:

Наряды хозяев на общественные работы делаются уравнительно, порядок в положении о работах предписанный соблюдается.

Г. Строения и дороги:

1. В 1849 и 1850 годах произведены следующие работы:

В 1849 году

а. Окончен постройкой один каменный дом для военных поселян хлебопашцев поселенной №3 роты, в черне построенный в 1848 году.

б. Оштукатурены внутренние стены в двух каменных домах военных поселян хлебопашцев поселенной №3 роты, построенных в 1846 и 1847 годах.

в. Построены вновь кухня при доме, занимаемом командирами поселенных №3 и 4 рот.

г. Построены две караульни в Охтенской лесной даче для лесной стражи.

Произведено ремонтное исправление:

д. 3-х каменных и 49 деревянных собственных домов военных поселян хлебопашцев и ремесленников 3-х поселенных рот.

е. Деревянные дома на казенном огороде.

ж. Пять деревянных караулен в Охтенской лесной даче.

з. Мост через реку Охту, около села Мурина.

и. Исправление крыши на доме в Штабе поселенных № 3 и 4 рот, занимаемом форстмейстером¹⁵ лесов.

і. Шоссе от Безбородкиной¹⁶ дачи к заводу.

к. Шоссе, пролегающего чрез округ.

л. Выделано кирпича 54 031.

м. Прокопано в Охтенской лесной даче канав шириной 4-х, глубиной 1 аршина в число предположенных для ежегодной копки 3 393¼ погонных сажень, 1 582 погонных сажени, для осушки рассыпного болота¹⁷.

н. Произведена уборка хвороста в вырубленных в 1847 году лесосеках в Охтенской лесной даче, заключающей 35 десятин 942 квадратных сажени.

о. Возобновлены межевые знаки вокруг границы Порецкой лесной дачи, расположенной в Шлиссельбургском уезде.

В 1850 году.

п. Произведено исправление 43 собственных домов военных поселян.

р. Исправлены крыша на доме, занимаемом командирами поселенных № 3 и 4 рот.

с. Перестроено пять мостов по шоссейной дороге от Безбородкиной дачи к заводу.

Произведено ремонтное исправление:

т. В трех кухнях непоселенных рабочих рот.

у. В 4-х каменных домах хлебопашцев поселенной № 3 роты.

ф. В 8-ми каменных домах ремесленников поселенной № 4 роты.

х. Моста через лощину к пороховым погребам.

ц. Моста чрез ручей Караулов по дороге в село Колтуши.

ч. Моста чрез ручей Капральный.

¹⁵ Форстмейстер – смотритель за лесами, лесничий.

¹⁶ Дача графа А. А. Безбородко.

¹⁷ Пояснение автора отчета: *Остальные 1811¼ погон. саж. канав не докопаны по причине недостатка рабочих людей.*

- ш. Перестроена казарма, состоящая в Шлиссельбургском уезде в Порецкой лесной даче, для жительства лесной стражи.
- щ. Шоссейной дороги от Безбородкиной дачи к заводу.
- ь. Шоссейной дороги, пролегающей через округ.
- э. Выделано кирпича 120 т[ыс]. штук.

Произведена уборка хвороста в вырубленных в 1847 году лесосеках в Охтенской лесной даче, заключающей 35 десятин 942 квадратных сажени.

Произведена экономическая съемка Охтенской лесной дачи.

Разделено 27 лесосек Охтенской лесной дачи просеками, с постановлением[м] занумерованных столбов.

2. Возведенные в Штабе поселенных № 3 и 4 рот деревянные строения по ветхости заменяются каменными домами; некоторые из деревянных строений предположено исправить.

3. Ротные строения содержатся в исправности.

Дома и надворные строения хлебопашцев и ремесленников поселенных рот находятся некоторые в ветхом, а некоторые в удовлетворительном положении.

Взамен существующих и приходящих в ветхость деревянных домов Ваше императорское величество в 1835 году высочайше повелеть соизволили ежегодно возводить по 4 каменных дома.

4. В 1851 году предполагается произвести следующие работы:

а. Построить бревенчатый наплавной мост чрез реку Охту близ серного завода вместо такового же дощатого.

б. Исправить три образцовых дома с надворными строениями военных поселян хлебопашцев поселенной № 2 роты.

в. Исправить шесть деревянных домов военных поселян хлебопашцев поселенной № 3 роты, состоящих в Ржевской слободе.

г. Исправить деревянный дом в Штабе поселенных № 3 и 4 рот для инвалидов, при пожарном инструменте находящихся, в котором помещается отдаваемая в аренду мелочная лавочка.

д. Исправить две деревянных караульни в Порецкой лесной даче, состоящей в Шлиссельбургском уезде для жительства лесничих нижних чинов.

е. Исправить по набережной озерной слободы земляной откос и перила с окраской последних.

Произвести ремонтные исправления:

ж. В двух каменных домах военных поселян хлебопашцев поселенной № 2 роты.

з. В трех каменных домах военных поселян хлебопашцев поселенной № 3 роты, состоящих в Ржевской слободе.

и. В 4-х каменных домах военных поселян ремесленников поселенной № 4 роты.

і. Каменной мостовой, устроенной от моста чрез отводный канал до домов военных поселян хлебопашцев поселенной № 3 роты.

к. Шоссе, пролегающего от Безбородкиной дачи к заводу.

л. Шоссе, пролегающего чрез округ.

Об этих строениях и исправлениях по распоряжению Департамента военных поселений сделано представление в Управление I округа Корпуса инженеров военных поселений.

м. Продолжать копку осушительных канав по рассыпному болоту в Охтенской лесной даче на протяжении 3 393³/₄ погон. сажень.

н. Произвести уборку хвороста в вырубленных в 1849 году лесосеках в Охтенской лесной даче, заключающих 35 десятин 942 квадрат. саж.

о. Продолжать в натуре деление просеками Охтенской лесной дачи с постановлением столбов.

п. Устроить две дороги для сообщения лесничих, жительствоющих во вновь построенных казармах.

р. Устроить дороги чрез Порецкую лесную дачу в Шлиссельбургском уезде как для необходимой вывозки материалов, так и для удобнейшего надзора.

с. Произвести копку канала чрез болото, расположенное посреди Порецкой лесной дачи, и соединить таковое с речкою Мгою на протяжении 8 верст 292 сажень.

5. О состоянии вообще строений, принадлежащих военному поселению, представляется описание строениям под литер. А¹⁸.

6. Шоссе, устроенное от Безбородкиной дачи чрез округ военного поселения Охтенского порохового завода, равно каменная мостова[я], идущая от завода к домам хлебопашцев поселенных № 3 и 4 рот, находятся в неудовлетворительном состоянии и требуют совершенного возобновления, а не ремонта; прочие же дороги в хорошем состоянии.

Д. Пожарный инструмент:

1. Пожарные инструменты, заведенные в 1831 году, находятся в Штабе поселенных № 3 и 4 рот и большая часть их требуют капитального исправления.

2. Пожарных лошадей особо для этого не имеется, а наряжаются таковые от поселенных рот Охтенского порохового завода по очереди.

¹⁸ В деле описание отсутствует.

Е. Запасные хлебные магазины:

1. В магазине к 1 числу декабря 1850 года состоит хлеба:

Ржи 504 четвер.

Овса 756 –“–

2. Хлеба в долгу на военных поселянах не имеется.

3. Весь показанный в магазине хлеб состоит налицо и в надлежащей годности.

III. По части школ

1. Школа по методе взаимного обучения устроена, и кантонисты в ней обучаются с успехом.

2. В этой школе обучается кантонистов:

Читать и писать 40 человек.

3. Всех кантонистов состоит:

Большого 39 –“–

Среднего возрастов 52 –“–

Малого 176 –“–

267

IV. По части Комитета военного поселения Охтенского порохового завода

1. Правила, предписанные проектом учреждения о военном поселении по производству дел, соблюдаются.

2. Все доставленные до сего времени положения о военном поселении находятся в полном числе и должном порядке.

V. О капиталах

1. Денежные суммы состоят в ведении Комитета в целости.

2. Ежемесячные свидетельства и записка в книгах прихода и расхода денежных сумм производятся с должной исправностью.

3. Заемный денежный капитал военных поселян обращается по изданному о сем капитале положениям.

Капиталов сих состоит:

Заемного денежного капитала Военных поселян ... 14 954 руб. сер.

Против 1848 года менее 4 195^{19*} –“–

Переходящей суммы 3 235 руб. сереб.

¹⁹ Пояснение автора отчета: Уменьшение заемного капитала последовало по случаю произведенных из него расходов на доставку из Порецкой лесной дачи подрядом бревен для ремонтного исправления домов.

Ассигнованной на устройство округа поселенных	
рот в 1850 году	1 964 –“–
Против 1848 года более	1 954 –“–
Остаточной от прежних лет на устройство округа ..	2 014 –“–
Против 1848 года более	1 338 –“–
Церковного капитала	487 –“–
Против 1848 года менее	13 –“–
Артельной солдатской суммы	81 –“–

VI. По управлению

1. Командующий округом военного поселения Охтенского порохового завода полковник Фадеев, состоящий в звании бригадного командира, и помощник его подполковник Герцен в звании батальонного командира усердны и способны.

2. Ротных командиров, таких, которые бы были не способны, нет.

Исправляющий должность инспектора пороховых заводов
генерал-лейтенант [В. В.] Гербель 2.
Адъютант штабс-капитан²⁰

РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 7027. Л. 417–425.
Подлинник. Рукопись.

№ 5

*Доклад директора Департамента военных поселений Н. И. Корфа
императору Александру II об инспекторском смотре поселенных
рот Охтенского порохового завода 1850 г.²¹*

24 июня 1851 г.

Исправляющий должность Инспектора пороховых заводов доносит об инспекторском смотре, произведенном в 1850 году, трем поселенным ротам Охтенского порохового завода.

1. Состав поселенных рот.

При инспекторском смотре в ротах сих состояло:

²⁰ Подпись неразборчива.

²¹ Угловой штамп (рукописный): Доклад по Департаменту военных поселений Отделение военных поселений. Стол 2. 24 июня 1851 года. № 309. Вверху листа штамп: Департамен[т] Воен[ных] Посел[ений]. Приписка сверху № 9135 (от руки чернилами). Отдел[ение] Воен[ных] Посе[ле]ний. № 931/1138 (вписан чернилами). Получ[ено] 2 Июля 1851 года. Приписка сверху даты получения: 27 июня 1851 года (от руки чернилами).

Военных поселян:

Хлебопашцев	118.
Ремесленников	242.

2. Убыль.

В течение года в поселенных ротах:

	Умерло	Бежало
Военных поселян	11	не было
Против 1849 г. менее	1 ²²	

Смещено с звания хозяев:

По старости и болезням	5
– желанию поступить на действительную службу	22
– нерасположению жениться	1
Против 1849 г. менее	16 ²³

На места смещенных с звания хозяев поступили их родственники и посторонние, вполне соответствующие назначению.

3. Состояние военных поселян.

Военные поселяне состоянием своим довольны, жалоб и претензий нет.

Бедных хозяев в ротах не имеется.

Вдовы и сироты пристроены к хозяевам.

Полей незасеянных нет и поселяне занимаются хлебопашеством усердно.

Наряды военных поселян на общественные работы производятся уравнительно и порядок, определенный существующими на сей предмет положениями, соблюдается.

4. Хлебные запасы.

Запасные магазины содержатся в порядке и в них к 1-му числу декабря 1850 года состояло:

Ржи	504 ч[етвер]тей
Овса	756 —“—

То же число было и в 1849 году²⁴.

Хлеб весь в целости и надлежащей годности, долгу на военных поселянах нет.

²² Прописано карандашом.

²³ Прописано карандашом.

²⁴ Прописано карандашом.

5. Довольствие от земли округа нижних чинов.

Мастеровых непоселенных рабочих рот	126 челов.
Военных поселян и детей их кантонистов	449 –“–
Вообще жен, вдов и детей женска пола	648 –“–
	1 237 ²⁵
	1 223
Против 1849 года менее	14 ²⁶

6. Состояние школы при поселенных ротах.

В школе этой обучается 40 человек кантонистов по методе взаимного обучения и образование их удовлетворительно.

7. Скотоводство.

Скот у военных поселян в хорошем состоянии, к 1-му декабря 1850 года состояло:

Лошадей	123
Против 1849 г. менее	3 ²⁷
Коров	271
Против 1849 г. менее	213 ²⁸

Уменьшение последовало по случаю существовавшей в 1850 году на скоте повальной болезни.

8. Состояние сообщений и других хозяйственных обзаведений.

Устроенное чрез Охтенский пороховой завод шоссе, равно и прочие дороги, а также существующие на сих дорогах мосты в хорошем состоянии, а казенные строения содержатся в исправности.

9. Состояние капиталов.

Заемного денежного	14 954 р.
Против 1849 г. менее	4 195 –“– ²⁹

Уменьшение это произошло по случаю расходов, произведенных на ремонтное исправление домов военных поселян.

Церковного капитала	427 р.
Против 1849 г. менее	13 –“–

²⁵ Прописано карандашом.

²⁶ Прописано карандашом.

²⁷ Прописано карандашом.

²⁸ Прописано карандашом.

²⁹ Прописано карандашом.

Артельной солдатской суммы 21 –“–

/ То же число было и в 1849 г. /³⁰

10. По части комитета управления поселенными ротами.

Правила, предписанные по производству дел, соблюдаются.

Ежемесячное свидетельство и записка в книги прихода и расхода денежных сумм производится с должною исправностью.

Заемный денежный капитал военных поселян обращается по изданному о нем положению.

11. Способности ротных командиров.

Усердны и благонадежны и все три поселенные роты по устройству в одинаковом положении.

Генерал-лейтенант барон [Н. И.] Корф³¹.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 7027. Л. 435–437.

Подлинник. Рукопись.

№ 6

Рапорт инспектора пороховых заводов

генерал-майора В. М. Яфимовича, поданный императору Александру II

24 декабря 1857 г.

С.- Петербург

№ 449

Вашему Императорскому Величеству, имею счастье всеподданнейше представить у сего записку, об осмотре поселенных рот Охтенского порохового завода в Октябре месяце 1857 года.

Инспектор пороховых заводов
генерал-майор [В. М.] Яфимович.

Адъютант Поручик Ефимов.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 12. Д. 6. Л. 2.

Подлинник. Рукопись.

³⁰ Прописано карандашом.

³¹ Корф Н. И. – директор Департамента военных поселений.

№ 7

*Записка Инспектора пороховых заводов генерал майора
В. М. Яфимовича об инспекторском смотре поселенных рот
Охтенского порохового завода в 1857 г.*

О состоянии поселенных рот Охтенского порохового завода при инспекторском смотре в октябре месяце 1857 года.

I. По части строевой.

1. Люди вообще имеют вид здоровый.
2. Из числа 122 хлебопашцев, 236³² ремесленников и 30 непоселенных чинов, всего 388 человек, состоявших к 1 числу января месяца 1857 года:

Умерло 6 человек.

Против прошлого года – менее 2 –“–

3. Из кантонистов большого возраста поступило:

В звание хозяев 4 челов.

4. Смещено из звания хозяев с 1-го января 1857 года:

По неспособности к продолжению настоящей
службы 2 челов:

По признанным способностям к производству:

в кондукторы³³ 1 челов.

–“– писаря 4 –“–

По вдовству и нерасположению жениться 3 –“–

По слабости здоровья и зрения глаз 1 –“–

Отдано для причисления к личному
почетному гражданству 1 –“–.

Выключено из военного ведомства для записки
в свободное состояние 4 –“–.

5. К 20 числу декабря 1857 года состоит в округе поселенных рот Охтенского порохового завода:

Хлебопашцев 121 челов.

Ремесленников нижних чинов и кантонистов 236 –“–

Непоселенных чинов 37 –“–.

6. На место неспособных и смещенных из звания хозяев поступили их родственники и посторонние.

7. Одежда военных поселян приноровлена хорошо и с данными образцами сходна.

³² Пояснение автора отчета: В том числе заключается кантонистов 43 человека.

³³ Кондукторы – помощники строительных инженеров.

II. По части хозяйственной.

А. Занятие офицеров:

1. Офицеры в устройство военного поселения вникают.
2. Ротные командиры состояние военных поселян знают.

Б. Состояние военных поселян:

1. Военные поселяне состоянием своим довольны, жалоб и претензий не имеют.
2. Таких хозяев, коим бы нужна была особая помощь, нет.
3. Вдовы и сироты к хозяйству пристроены.
4. Скот у военных поселян-хозяев в удовлетворительном состоянии.

К 1-му числу декабря 1857 года состоит:

Лошадей	121
Коров	385 ³⁴

5. Самый богатый хозяин имеет не более одной лошади и 4 коров, а некоторые из ремесленников, занимаясь рукоделием, вовсе не имеют их.

6. Бедных хозяев в ротах не имеется.

7. На собственном продовольствии состоит:

Непоселенных рабочих рот мастеровых	126 чел.
Военных поселян и кантонистов	357 —“—
Вообще жен вдов и детей женского пола	570 —“—
	1 053 —“—

За тем остается на казенном продовольствии:

Непоселенных нижних чинов: унтер-офицеров, мастеровых, кантонистов всех возрастов	56 чел.
--	---------

9. Число состоящих на своем продовольствии уменьшилось 128 чел.³⁵

10. Поля на участки разделены, удобрены и засеяны.

11. Сбор хлеба с военных поселян хлебопашцев не производится, потому что определенное количество проектом учреждения о военном поселении 1 части § 148 [в] запасный хлебный магазин собрано.

³⁴ Пояснение автора отчета. В течение 1857 г. против прошлого года уменьшилось лошадей 1, коров 18, — уменьшение произошло: лошадь по неимению штатного хозяина, которая будет искуплена по избрании нового, а коров по случаю продажи их, по необходимости.

³⁵ Пояснение автора отчета: Уменьшение последовало по случаю увольнения кантонистов в свободное податное состояние и смещения военных поселян с их семьями из звания хозяев.

12. Военные поселяне в домах своих живут опрятно.

13. По сравнении достатка хозяев округ военного поселения имеет следующее преимущество:

а. Поселенная № 2 рота (командующий капитан Чекмасов)

б. Поселенная № 3 рота (командир майор Михайлов)

в. Поселенная № 4 рота (командир капитан Петров)

Роты по устройству и хозяйству все вообще в одинаковом положении.

В. Наряды.

Наряды хозяев на общественные работы делаются уравнительно и порядок в положении о работах предписанный соблюдается.

Г. Строения и дороги.

1. В текущем 1857 году произведены следующие работы:

а. Перестроен мост чрез ручей Зибин.

б. Перестроен мост через ручей Безымянный.

в. Перестроены пять мостов чрез канавки по шоссейной дороге, пролегающей от Безбородкиной дачи к Охтенскому пороховому заводу.

г. Переделана сопревшая дымовая труба в церкви Св. Пророка Илии.

д. Перестроены три погреба при кухнях нижних чинов шести непоселенных рабочих рот.

е. Произведена окончательная облицовка пьедесталов у церкви Св. Пророка Илии.

ж. Исправлено каменных домов военных поселян ремесленников поселенной № 4 роты с перекладкою наружной поперечной стенки один и без перекладки четыре.

з. Произведено ремонтное шоссе, пролегающего от Безбородкиной дачи к Охтенскому заводу.

и. Построены вновь два дома со службами под № 46 и 47 и капитально исправлен таковой же дом под № 77 с постройкою кладовой при доме под № 76 ремесленников поселенной № 3 роты.

і. Произведена уборка хвороста в вырубленных в 1856 году лесосеках в Охтенской лесной даче.

к. Выкопано канавы 1 151 погонных сажень для осушки болотистых мест в той же даче.

л. Отделено 40 лесосеков в Порецкой лесной даче с постановлением заномерованных столбов.

м. Произведена расчистка дороги по Рассыпанному болоту на протяжении 6 верст 318 сажень.

2. Возведенные в Штабе поселенных №3 и 4 рот деревянные строения по ветхости заменяются каменными домами, некоторые из сих строений предполагено исправить.

3. Ротные строения содержатся в исправности.

Дома и надворные строения хлебопашцев и ремесленников поселенных рот находятся некоторые в ветхом, а некоторые в удовлетворительном положении.

Взамен существующих и приходящих в ветхость деревянных домов по Высочайшему повелению в 1835 году разрешено ежегодно возводить по четыре каменных дома.

4. В 1858 году предполагается произвести следующие работы:

а. Исправить 2-х престольную каменную церковь во имя Св. Прока Илии и Св. Благоверного князя Александра Невского.

б. Исправить одноэтажный деревянный дом, занимаемый фортмейстером лесов.

в. Построить мост чрез ручей Караулов по дороге в село Колтуши.

г. Построить мост чрез ручей Ржевский на новое кладбище.

д. Построить три отхожих места позади кухонь нижних чинов шести непоселенных рабочих рот.

е. Исправить два моста по шоссеиной дороге в Охтенское капсульное заведение.

ж. Постановить сжимы и обшить снаружи стены досками в 2-х деревянных цейхаузах для хранения амуниции нижних чинов.

з. Капитально исправить деревянный дом, занимаемый командирами поселенных №3 и 4 рот.

Об этих строениях и исправлениях по распоряжению ДВП сделано представление в Управление 1-го округа Корпуса инженеров военных поселений.

и. Продолжать копку осушительных канав по Рассыпному болоту в Охтенской лесной даче на протяжении 1 696 и ½ погон. саж.

і. Произвести уборку хвороста в вырубленных в 1857-м году лесосеках в той же даче, заключающих 42 десятины 141 квадратных сажень.

к. Произвести очистку просеков 31 лесосеки в Охтенской лесной даче от заросшего молодого кустарника на протяжении 32-х верст 481 сажени.

л. Продолжать деление в натуре просеками лесосеков в Порецкой лесной даче с постановлением столбов.

5. О состоянии вообще строений, принадлежащих военному поселению Охтенского порохового завода, всеподданнейше представляется описание строениям под лит. А.

6. Шоссейные дороги, устроенные от Безбородкиной дачи до округа военного поселения Охтенского порохового завода и чрез округ поселенных рот, а также каменная мостовая от отводного канала до домов военных поселян-хлебопашцев поселенной № 3 роты находятся в хорошем состоянии; прочие затем строения и дороги содержатся в исправности.

Д. Пожарный инструмент.

1. Пожарные инструменты, заведенные в 1831 году, находятся в Штабе поселенных № 3 и 4 рот и содержатся в исправности.

2. Пожарных лошадей особо для этого не имеется, а наряжаются таковые от поселенных рот по очереди.

Е. Запасные хлебные магазины:

1. В магазине к 1 числу декабря 1857 года состоит:

Ржи 504 четвер.

Овса 756 –“–

2. Хлеба в долгу на военных поселянах не имеется.

3. Весь показанный в магазине хлеб состоит налицо и в надлежащей годности.

III. По части школ:

1. Школа по методе взаимного обучения устроена, и кантоницы в оной обучаются с успехом.

2. В этой школе обучается кантонистов:

Читать и писать 40 чел.

IV. По части Комитета.

1. Денежные суммы состоят в ведении Комитета поселенных рот Охтенского порохового завода в целости.

2. Ежемесячные свидетельства и записка в книгах прихода и расхода денежных сумм производится с должною исправностью.

3. Заемный денежный капитал военных поселян обращается по изданному о сем капитале положением.

Капиталов сих состоит:

Заемный денежный капитал военных поселян 15 347 руб.

Против прошлого года менее 76 –“–

Ассигнованной на содержание чинов округа	
поселенных рот в 1857 году	537 –“–
Против прошлого года менее	78 –“–
Доходов с оброчных статей	20 –“–
Против прошлого года менее	9 –“–
Ассигнованной на устройство округа поселенных рот	
в 1857 году	444 –“–
Против прошлого года менее	341 –“–
Остаточной от прежних лет на устройство округа	22 –“–
Против прошлого года менее	459 –“–
Преходящей суммы по округу поселенных рот	485 –“–
Против прошлого года более	319 –“–
Церковного капитала	601 –“–
Против прошлого года более	24 –“–
Артельной солдатской суммы	35 –“–
Против прошлаго года более	14 –“–

V. По Управлению:

1. Командир округа военного поселения и Охтенского порохового завода генерал-майор Саблин, состоящий в звании бригадного командира и помощник его подполковник Миллер, состоящий в звании батальонного командира, усердны и способны.

2. Ротных командиров таких, которые бы были неспособны, нет.

Инспектор пороховых заводов
генерал-майор [В. М.] Яфимович.

Адъютант поручик Ефимов.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 12. Д. 6. Л. 81–88об.
Подлинник. Рукопись.

№ 8

Ведомость о числе жителей Охтенского порохового завода в 1857 г.

16 января 1858 г.
№ 26.

В поселенных ротах:

Штаб-офицеров – 1. Обер-офицеров – 5.

Непоселенных нижних чинов:

Фельдфебелей – 2.
Каптенармусов – 1.
Фейерверкеров – 6.
Цирюльников – 1.
Мастеровых – 20³⁶

Поселенных:

Хозяев (в том числе фейерверкеров 18 человек) – 315.

Прибыло:

Из непоселенных рабочих рот – 17.
Из кантонистов с зачислением на службу – 3.
Всего – 20 чел.

Убыло:

Переведено в непоселенные рабочие роты – 8,
в инвалидную команду – 3.
Выключено по неспособности в отставку – 3.
Умерло – 5.
Всего – 19.

Кантонистов большого возраста – 43.

Прибыло:

Перечислено из среднего возраста – 7.
Переведено из внутреннего штата – 1.
Зачислен из податного состояния – 1.
Всего 9 чел.

Убыло:

Переведено в непоселенные рабочие роты – 1,
в пиротехническую школу – 3,
во внутренний штат завода – 1.
Поступило на службу – 4.
Выключено в податное состояние – 17.
Произведен в писаря Управления г. Инспектора
пороховых заводов – 1.
Всего – 27.

Среднего возраста – 31.

Перечислено из малого возраста – 13.
Перечислено в большой возраст – 7.
Выключено в податное состояние – 11.

³⁶ Пояснение автора документа: *Последние три разряда – переведены из непоселенных рабочих рот.*

Всего – 18.

Малого возраста – 173.

Переведено из гарнизонной артиллерийской № 1 р[оты] – 1,
непоселенных рабочих рот – 1,
внутреннего штата – 1.

Вновь родилось – 17.

Всего 21.

Перечислено в средний возраст – 13.

Переведено в непоселенные рабочие роты – 2,
переведено во внутренний штат завода – 1.

Выключено в податное состояние – 144,
умерло – 23.

Всего 183.

Жен:

Хозяев – 252.

Непоселенных нижних чинов – 9.

Вдов вообще – 57.

Детей ж. п. – 251.

Всего в округе, исключая штаб и обер-офицеров, к 1-му января
1858 года состоит – 414.

Прибыло – 91, убыло – 126.

Мужеска пола – 592.

Прибыло – 77.

Убыло – 255.

К 1-му числу января 1858 года состоит 414.

Женска пола – 569.

Сверх того:

Священников – 2.

У них жен – 2.

Детей ж. п. – 1.

Повивальная бабка – 1.

Людей постороннего ведомства³⁷ (о коих прилагается особый
список):

Мужеска пола – 123.

Женска пола – 84.

³⁷ К людям постороннего ведомства относились: отставные штаб- и обер-офицеры, Санкт-Петербургские купцы и мещане, вольно-отпущенные и крепостные, отставные, обер-офицерши, Санкт-Петербургские купчихи и мещанки, солдатские вдовы и девицы, крепостные ж.п.; прусский подданный технолог Эдуард Озинский [РГВИА, ф. 405, оп. 12, д. 14, л. 7].

Примечание. В течение 1857 года бежавших нижних чинов не имелось.

Председатель комитета:
генерал-майор [Н. М.] Саблин.

Члены комитета³⁸.

Казначей кол[лежский] ассессор Марник
Аудитор³⁹

РГВИА. Ф. 405. Оп. 12. Д. 14. Л. 1–5об.
Подлинник. Рукопись.

Каменев К. И. Историческое описание Охтенского порохового завода. Период 2 (1816–1890 гг.). Т. 2. СПб: Гл. артиллерийское упр. Воен. мин-ва, 1894.

О поселении 2-й роты Охтенского порохового завода // ПСЗРИ-I. Т. 37. 1821 г. № 28591. СПб.: тип. II отдел. С. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 671–674.

Отчет по военным поселениям за 1824 год. СПб: тип. Штаба военных поселений, 1825.

Отчет по военным поселениям за 1826 год. СПб: тип. Главного штаба Е. И. В. по военным поселениям, 1827.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Департамент военных поселений.

Ячменихин К. М. Охтенское военное поселение: хозяйственно-административная структура // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип. 52: Серія: Історичні науки. 2008. №. 5. С. 61–64.

УДК 94(47).084.3+930.2(044)

А. П. Килин

«ЕСЛИ СЛОЖАТСЯ ТАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ЧТО ОЧУТИМСЯ СНОВА С ВАМИ, ЗНАЧИТ “СУДЬБА”, – БУДЕМ “ВЕРТЕТЬ” СВОЮ ЖИЗНЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ: ПИСЬМА А. С. КОГАНА

Целью работы является публикация частной переписки сына А. С. Когана с отцом С. О. Коганом, посвященной перспективам переезда из г. Сочи в г. Екатеринбург. В письмах рассматривается широкий спектр бытовых, производственных и личностно-психологических проблем, кото-

³⁸ Подписи четырех человек, неразборчивы.

³⁹ Подпись неразборчива.

рые позволяют реконструировать историю повседневной жизни городского обывателя и частного предпринимателя в период перехода от военного коммунизма к новой экономической политике, что делает эти эго-документы ценным историческим источником. Письма были конфискованы в ходе обыска и хранились в составе судебно-следственного дела, посвященного выявленным фактам незаконной скупки и перепродажи платины. Фигурантом уголовного дела являлся адресат публикуемых писем.

Ключевые слова: частная переписка, эго-документ, судебно-следственное дело, история повседневности, нэп, частное предпринимательство, уровень жизни, логистика, родственные связи.

Судебно-следственные дела (далее – ССД) являются комплексным и сложносоставным источником, который включает в себя иные массовые источники, в том числе созданные на основе типовых форм документов. Это в первую очередь протоколы допросов и анкеты обвиняемых. Кроме того, ССД могут включать источники личного происхождения, например, биографии и частную переписку [Килин, 2018a].

Массовое обращение к ССД, публикации как непосредственно документов, так и научных исследований на их основе, побудило Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела разработать методическое пособие, в котором детально описана методика анализа и публикации ССД. В пособии отмечается: «Понятие “следственное дело” шире понятия “судебно-следственные документы”, так как оно включало также документы личного происхождения (например, письма) и иные документы, содержащие информацию, нужную для расследования дела» [Издание судебно-следственных документов..., 1998, с. 15].

В Циркулярном письме Народного комиссариата юстиции РСФСР Н. М. Янсона от 5 июля 1929 г. говорилось о чрезвычайной перегруженности дел избыточной информацией: «Дело на $\frac{1}{4}$ загружается протоколами допросов совершенно ненужных свидетелей и ничего не разъясняющих по делу документами. Наоборот, свидетели существенные и документы, к делу прямо относящиеся, сплошь да рядом либо к делу не привлекаются, либо тонут среди груд совершенно ничемных материалов и бумаг» [Циркулярное письмо..., 1929, с. 48–49]. Благодаря этому, с точки зрения чиновников, «недостатку» исследователь имеет возможность ознакомиться с частной перепиской, биографиями, вырезками из прессы и прочими материалами, которые имеют особую ценность для изучения истории повседневности.

Нашей целью является публикация частной переписки, которая содержалась в ССД. Подготовленные к публикации письма были изъ-

яты в ходе обыска у граждан, которые проходили обвиняемыми по делу о хищении платины с рудников в г. Нижний Тагил. Заголовки дела следующий: «Дело по обвинению Хшиве Черни Соломоновны и Хшиве Исаия Яковлевича в скупке платины; Исаева Ивана Сергеевича в спекуляции платиной; Когана Соломона Осиповича в противозаконных операциях с платиной; Камаева Ивана Фомича в спекуляции платиной».

Дело находится на хранении в Государственном архиве Свердловской области, в фонде Р-138 «Екатеринбургский губернский суд (1921–1924 гг.)» и состоит из двух томов. Первый том содержит документы суда, в том числе протокол судебного заседания и приговор [ГАСО, ф. Р-138, оп. 3, д. 72 (42 л.)], а второй включает в себя комплекс материалов следствия [Там же, д. 73 (221 л.)].

Суть уголовного дела изложена в приговоре суда. В октябре 1922 г. в Екатеринбурге

«Уполномоченным 4 района Екатеринбургского Губотдела ГПУ была задержана гражданка Хшиве Черни Соломоновна, проживающая в городе Нижнем Тагиле, у которой было обнаружено 82 золотника похищенной в сыром виде платины. В дальнейшем, при ведении дознания и предварительного следствия, было установлено, что гр. Хшиве Черни, проживая в г. Н.-Тагиле со своим мужем – Исаем Яковлевичем Хшиве и не имея на руках никаких полномочий от Госорганов, скупали у старателей приисков в сыром виде похищенную платину и сбывали ее спекулятивным способом дальше. Таким посредником-скупщиком являлся тесть Хшиве Исаия – гражданин Коган Соломон Осипович, проживающий в городе Екатеринбурге, который систематически произвел 5 покупок платины – 3 в 1921 и 2 в 1922 годах, причем в 1921 г. он при посредничестве Камаева получил от Хшиве в посылках около 60 золотников платины (каковую продал братьям Рабиновичам, таким же спекулянтам как и сам), получив от этого комиссионное вознаграждение» [ГАСО, ф. Р-138, оп. 3, д. 72, л. 32].

Адресатом публикуемых писем был Соломон Осипович Коган. Ориентировочно он родился в 1865 г., поскольку на момент ареста ему было 66 лет. Он происходил из мещан г. Горки Могилевской губернии, был беспартийным и с низшим образованием. Проживал в Екатеринбурге на ул. Тихвинская, д. 29 (сегодня ул. Хохрякова). Являлся часовым мастером и ювелиром-самоучкой. До 1914 г. также проживал в Екатеринбурге, работал ювелиром и часовщиком, имел свою торговлю – магазин золотых и серебряных вещей. По данным следствия, до 1917 г. был владельцем лесопильного завода. Судимостей в прошлом не имел, лишь был заключен под стражу на трое суток за невыполнение контрибуции при советской власти. С. О. Коган был женат и имел трех дочерей Миру, Розу, Черни и сына Абрама.

Приговор суда в отношении С. О. Когана был достаточно мягким. В соответствии с ч. 2 ст. 181 УК РСФСР он приговаривался к трем годам без строгой изоляции, но по амнистии, к пятилетию Октябрьской революции, было решено сократить срок до одного года, с отсрочкой исполнения приговора до его выздоровления. В деле имелось медицинское заключение, в котором профессор Кузнецов диагностировал у С. О. Когана порок сердца и последствия туберкулеза.

Очевидно, что и на приговор его дочери Ч. С. Хшиве была подана апелляция, которую рассматривал Президиум ВЦИК. В деле имеется письмо от 11 апреля 1923 г., направленное в адрес Екатеринбургского революционного трибунала:

«Рассмотрев дело по ходатайству осужденной 19.01.1923 г. Екатеринбургским ревтрибуналом к одному году лишения свободы с лишением права проживать на Урале в течение трех лет и освобожденной по амнистии 1922 г. от заключения под стражей, Черни Соломоновны Хшиве, о разрешении остаться на Урале, Президиум ВЦИК постановил: высылку Ч. С. Хшиве не производить» [ГАСО, ф. Р-138, оп. 3, д. 73, л. 211].

Итак, санкции были минимальными. Это обстоятельство можно объяснить как повсеместно распространенными практиками скупки и перепродажи платины на Урале, которую, в отличие от золота, невозможно было переработать в готовый продукт, минуя государственные аффинажные предприятия, так и определенными связями обвиняемых, их материальным положением и, как следствие, способностью отстаивать свои права. С. О. Коган нанял себе адвоката, А. К. Попова, а медицинское заключение о состоянии его здоровья подписал профессор Кузнецов. Возможно, суд учел то обстоятельство, что все обвиняемые ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Автором публикуемых писем является сын С. О. Когана Абрам Соломонович Коган, который не являлся фигурантом уголовного дела. Его жена Анна Константиновна Постникова работала в госпитале в Нижнем Тагиле. На момент написания писем они находились в г. Сочи, куда из г. Томска было переведено это медицинской учреждение. Однако супруги стремились вернуться на Урал, поскольку морской климат был неблагоприятен для Анны Константиновны, которая периодически болела малярией.

В ССД публикуемые документы помещены в отдельный конверт под заголовком «Письма Когана». Документ представляет собой рукописный текст на пяти листах с текстом на обеих сторонах, формат – блокнотный лист, текст написан синими чернилами. Листы пронумерованы автором римскими цифрами, а архивными работниками – арабскими (при этом архивная нумерация неверна, поскольку

ку не соответствует последовательности написания текста), листы не скреплены.

Публикация включает в себя два письма А. С. Когана. Первое написано 14–15 апреля 1922 г. (рис. 1), а второе 19 апреля 1922 г.

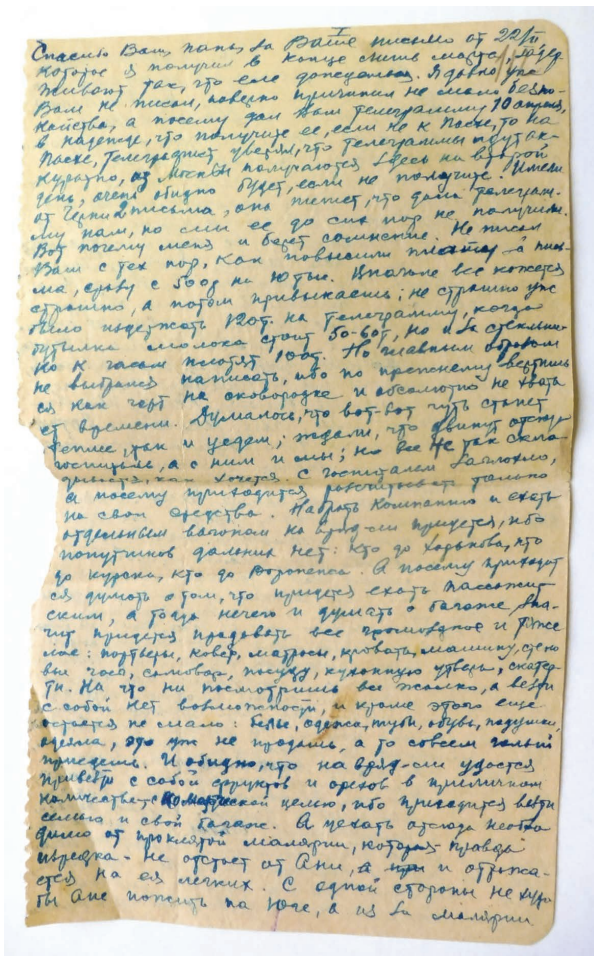

Рис. 1. Первая страница письма от 14.04.1922 г. ГАСО. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 73. Л. 112.

Данные исторические источники привлекли наше внимание, поскольку являются ценным свидетельством переломной эпохи, перехода от военного коммунизма к новой экономической политике.

Солидарен с оценкой авторов сборника эго-документов, который был посвящен частной переписке 1917 г.:

«Письма как точки опоры среди других подломившихся или рухнувших точек опоры позволяли современникам революции выстраивать и поддерживать некий более или менее стабильный круг близких людей. Иначе говоря, будучи своеобразным инструментом сближения, частная переписка 1917 года позволяла различным микрогруппам (семья, коллеги, друзья, соседи, знакомые и пр.) хотя бы мысленно, хотя бы на время законсервировать свою “самость”» [Россия 1917 года..., 2019, с. 10].

Несмотря на то, что эти письма написаны позднее (1922 г.), они созвучны революционной эпохе, времени перемен, этому противоречивому и чрезвычайно динамичному периоду. Стремление к воссоединению «со своими» – основной мотив писем, а сами письма – вещественные свидетельства, олицетворяющие эту связь. Современному читателю может показаться странным желание перебраться с «благословенного» Юга на Урал, вопреки устоявшимся сегодня стереотипам, но, помимо медицинских показаний, стремление воссоединиться с родными и близкими, получить их поддержку являлось весьма весомой причиной.

Обращает на себя внимание стиль изложения материала, грамотная письменная речь автора, обилие образных выражений, которые в большей степени характерны для устной речи. Например: «вертишься как черт на сковородке»; «старое пепелище»; «не стоит и огород городить»; «попасть из огня, да в полымя»; «чтобы были и волки сыты, и овцы целы».

Такие стилистические приемы создают эффект живого общения. Можно констатировать, что автор владеет значительным словарным запасом и умело им пользуется. Логика изложения порой нарушается. Об этом свидетельствуют маргиналии, поскольку автор пользуется полями для записи пропущенных мыслей или дополнений. Эти ремарки буквально вдавливаются в текст.

Первое письмо было начато в один день, а продолжено в другой. Полагаем, что это было распространенной практикой, поскольку переписка не была столь интенсивной, как в наши дни, требовала определенных временных затрат. При этом мысленный диалог со своими близкими был перманентным явлением.

Очевиден дефицит бумаги, поскольку текст расположен максимально компактно, он написан уборым, но ровным и достаточно четким почерком. Стремление автора передать письмо с охапкой, а не отправить по почте было вызвано не столько стремлением к экономии

(хотя отмечается дороговизна почтовой корреспонденции), сколько осознанием реальных проблем в работе почты, в том числе длительных сроков доставки. Вновь мы обращаем внимание на стремление решить проблему в узком кругу, ориентируясь на родственников и знакомых. А. С. Коган не только передает письмо с оказией, через соседа инженера Мартыновича, но и надеется на его протекцию при поиске работы в Екатеринбурге. Очевидно, автор письма полагает, что в переломные моменты истории, в экстремальных обстоятельствах, патриархальные институты демонстрируют большую надежность и устойчивость, большее доверие у А. С. Когана вызывают неформальные связи, а не официальные институты.

В письмах сочетаются лиризм и прагматизм. Личные переживания и решение бытовых проблем тесно переплетаются. С одной стороны, присутствуют волнения по поводу переезда, с другой – налицо желание окупить поездку и подробное описание уровня цен на местных рынках. Полагаем, что такого рода сведения, полученные из первоисточника и по неофициальным каналам, представляли реальный коммерческий интерес для частных предпринимателей.

Из писем можно получить информацию о стоимости услуг часовых дел мастера в годы галопирующей инфляции, в период до проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Описывая проблемы с переездом, автор сетует на необходимость «таскаться с кипами денег» в случае пересадок с одного вида транспорта на другой. Поездка на поезде и приобретение прямого билета видится ему более предпочтительной.

В документе содержатся оценки качества жизни в первые годы нэпа. Мы получаем представление об уровне потребления и рационе питания семьи часового мастера. Отметим, что содержащиеся в ССД описи имущества подследственных, родственников автора писем, дополняют картину повседневного быта наших героев. Можно констатировать, что их материальное положение было относительно благополучным и выше среднего уровня.

В документах представлена ценная информация о характере снабжения, товарообменных операциях и способах получения материальных благ. Эта проблематика мне близка в силу того, что частная торговля является сферой моих научных интересов [Килин, 2018б].

Примечательны описание проблем с транспортом и представление о логистике в раннесоветском обществе. Ряд ограничений, которые были наложены на перемещения граждан в годы гражданской войны, были сняты, но появляются новые, связанные прежде всего с медленным восстановлением разрушенной инфраструктуры.

Автор много пишет о себе. Его образ представлен в постоянном движении, которое, по его словам, обеспечивает ему средства к существованию. Это объяснимо, поскольку он хочет выглядеть успешным в глазах своего отца. Отметим, что он, как и его отец, работает часовым мастером, фактически получив свою профессию по наследству и продолжив семейную династию, что являлось общепринятой практикой. Одновременно, на контрасте, у автора постоянно идет речь о фатализме, о «судьбе» и невозможности изменить сложившиеся обстоятельства. Плыть по течению, но при этом непременно барахтаться, чтобы окончательно не утонуть – вот его кредо. Такого рода повествование напрямую выводит нас на образ лягушек из притчи, попавших в кувшин с молоком. Полагаем, что к описываемым автором обстоятельствам вполне применим образ «жизни в катастрофе», который детально описывал И. В. Нарский [Нарский, 2002], а А. С. Коган называет «проклятым временем».

Но данный документ отчасти оптимистичен, поскольку демонстрирует востребованность человека, который владеет определенным ремеслом. Умение не только достать и перепродать, но и отремонтировать сломанную вещь своими руками, в условиях острого товарного дефицита является чрезвычайно ценным и востребованным. Помимо починки часов, автор занимается ремонтом других бытовых вещей; вполне вероятно, что он, как и его отец, занимается ювелирным делом. Об этом свидетельствует его внимание к ценам на золото и серебро на рынке в г. Сочи.

В письме, вопреки моим ожиданиям, не делается особого акцента на конфессиональную принадлежность как автора, так и адресата. Обращает на себя внимание равноудаленность или одинаковая вовлеченность автора в празднование как православной пасхи, так и иудейского песаха. При этом деление пасхи на «свою» и «русскую» весьма примечательно. Можно предположить, что в большей степени эти события были поводом для организации семейного застолья, а не религиозного мероприятия, по этой причине кашрут игнорировался. Отметим, что и слово «Бог» автор пишет без сокращения («Б-г»). Полагаем, что можно говорить о бытовой религиозности семейства Коганов и определенном влиянии секулярных идей.

Мы не знаем, как эти письма повлияли на ход следствия, оказали ли они какое-либо воздействие на решение суда. Возможно, что мы имеем дело с той «избыточностью» о которой говорилось в циркуляре Наркомата юстиции. Никаких упоминаний о незаконной торговле платиной в письмах нет. Политический подтекст, несомненно, присутствует, но он неочевиден.

Единственный фрагмент, который, на наш взгляд, с учетом современной правоприменительной практики, мог привлечь внимание правоохранителей, звучал следующим образом:

«А жизнь страшна и одинакова везде, цены на все почти одинаково повышаются как здесь, так и там; голодные валяются и умирают и здесь, тиф подцепить можно и здесь, как писал – был и у нас в квартире; убийства, грабежи, воровство бывают и здесь. Россия – одно слово, живем в одном государстве» [ГАСО, ф. Р-138, оп. 3, д. 73, л. 109об.].

Можно констатировать, что в документах представлен широкий спектр проблем, позволяющих реконструировать сюжеты частной жизни городского обывателя и частного предпринимателя, рассмотреть историю повседневности рядового гражданина через призму его частной переписки.

Переходя на более высокий уровень обобщения, утверждаем, что данные материалы могут быть использованы при описании и детализации наших представлений о частнопредпринимательском хозяйственном укладе, который формировался и легально функционировал в годы нэпа. Он может быть рассмотрен как в городе, так и в селе; в различных видах деятельности или отраслях хозяйства (ремесло, торговля, кредитование и т. п.).

Публикация документов сопровождается подстрочными примечаниями, восстановленные сокращения слов приведены в квадратных скобках, знаки препинания проставлены согласно современным правилам.

№ 1

*Письмо Абрама Соломоновича Когана своему отцу
Соломону Осиповичу Когану*

14–15.04.1922 г.
г. Сочи

Спасибо Вам, папа, за ваше письмо от 22.02, которое я получил в конце лишь марта, задерживают так, что еле дожدهмся. Я давно уже Вам не писал, наверное, причинил немало беспокойства, а посему дал Вам телеграмму 10 апреля, в надежде, что получите ее, если не к Пасхе, то на Пасхе¹, телеграфист уверял, что телеграммы идут аккуратно, из Москвы получают здесь на второй день, очень обидно будет, если не получите.

¹ Песах отмечался в 1922 г. 13 апреля по новому стилю.

Имели от Черни² два письма, она пишет, что дала телеграмму нам, но мы ее до сих пор не получили. Вот почему меня и берет сомнение.

Не писал Вам с тех пор, как повысили плату с письма, сразу с 500 руб. на 10 тыс. Вначале все кажется страшно, но потом привыкаешь; не страшно уже было издержать 120 тыс. руб. на телеграмму, когда бутылка молока стоит 50–60 тыс., но и за стеклышко к часам платят 100 тыс. [руб.].

Но главным образом не выбрался написать, ибо по-прежнему вертись как черт на сковородке и абсолютно не хватает времени. Думалось, что вот-вот чуть станет теплее, так и уедем; ждали, что двинут отсюда госпиталь, а с ним и мы; но все не так складывается, как хочется.

С госпиталем заглохло и потому приходится рассчитывать только на свои средства. Набрать компанию и ехать отдельным вагоном навряд ли придется, ибо попутчиков дальних нет: кто до Харькова, кто до Курска, кто до Воронежа. А посему приходится думать о том, что придется ехать пассажирским, а тогда и нечего думать о багаже, значит придется продавать все громоздкое и тяжелое: портьеры, ковер, матрасы, кровать, машину³, столовые часы, самовар, посуду, кухонную утварь, скатерти.

На что ни помотришь, все жалко, а везти с собой нет возможности, и, кроме этого, еще остается немало: белье, одежда, шубы, обувь, подушки, одеяла, это уже не продашь, а то совсем голый приедешь. И обидно, что навряд ли удастся привести с собой фруктов и орехов в приличном количестве, с коммерческой целью, ибо приходится везти семью и свой багаж.

А уехать отсюда необходимо от проклятой малярии, которая – правда изредка – не отступает от Ани⁴ и отражается на ее легких. С одной стороны, не худо бы Ане пожить на юге, а из-за малярии надо уезжать отсюда. Аня, конечно, ходит, выглядит-то хорошо; малярия не такова как была, когда приехала сюда; но все время как-то чувствует себя не в силах, скоро устает. Сходит на базар, так распишется [в собственной беспомощности], потом отлеживается; одним словом, и в Тагиле, и в Томске чувствовала себя лучше. И питается хорошо, но видно одно – климат благословенный Юга ей не по нутру.

О Кс[ении] Ив[ановне]⁵ говорить не приходится, ее хоть и потреплет иной раз, но у нее сердце и легкие здоровые, и жиру запас был

² Черни Соломоновна Хшиве – жена Хшиве Исаяи Яковлевича.

³ Имеется ввиду бытовая швейная машина.

⁴ Жена автора, Постникова Анна Константиновна.

⁵ Возможно, это соседка, общая знакомая семьи.

достаточный. Конст[антин] Ник[олаевич]⁶ после одинокой жизни в Туапсе быстро поправился, вполне здоров, уставать не от чего, времени на отдых сколько хочешь; к теперешней жизни, в смысле добывания всего прочего, так и не приспособился, никакого дела по-прежнему поручить нельзя. Ксения Ивановна стряпает, стирает белье, шьет.

Аня сейчас в отпуске ввиду закрытия того отделения госпиталя, в котором работала; госпиталя вообще сильно сокращены, больных не берут, осталось их мало, ни кормить, ни лечить нечем. Аня, как и остальной персонал, изредка кое-что получает, в общем, маловато, жалование все обещают. Я, слава Богу, вполне здоров, желудок работает лучше, чем в Томске, малярия от меня должно быть совсем отвызлась; надеюсь, что в этом отношении я акклиматизировался.

Работать, конечно, приходится во всю; такой уж характер, что и в хозяйстве без меня не обойдется, потом бежишь на базар, толчешься тут, там и работешки попадает; и купить и сменяться при случае выгодней; а вечером сижу, работаю. Перепадает немало, но все же почти невозможно отработать, ибо расход дневной на питание около двух млн [руб.].

Пока жаловаться не приходится – имеем и молоко, и масло, и сало, яйца, крупы, овощи, изредка мясо. С мукой, чем дальше, приходится туговато, но как-то же так выходит, что мне до сих пор удавалось сравнительно удачно, надеюсь на свою звезду и в дальнейшем. Был бы только здоров, ибо храни Бог, – без меня пойдет все почем зря, без всякого расчета, лишь бы с булочкой, как говорится. Сейчас хозяйки хлопочут в кухне, готовятся к Пасхе, все-таки есть и куличи, и творожная пасха, и яйца крашеные, и вина, и мясо, и копченая свинина – одним словом, не в таком количестве, конечно, как раньше, но есть все. Меня все это нынче мало привлекает (хотя не прочь, конечно, отведать более вкусных вещей), ибо абсолютно не пришлось ничем отметить свою Пасху⁷. Здесь очень мало евреев и даже мацу нынче не пекут, так, кое-кто, домашним способом, а большинство совсем не справляет Пасху.

Обидно все-таки сложилось. Если бы не уезжать отсюда, так я бы выбрался один повидаться с вами, ведь я был уверен, что к Пасхе-то [до]беремся⁸ ... на Урал, да вышло иначе. После первых дней русской Пасхи⁹ начинаю определенно ликвидировать лишний груз и готовиться в путь. Посему и писал в телеграмме, что выезжаем через ме-

⁶ Видимо, знакомый семьи.

⁷ Свою, т. е. еврейскую.

⁸ Далее одно слово неразборчиво.

⁹ Состоялась 16 апреля 1922 г.

сяц, в мае надо выбраться, ибо в июне будет такое пекло, что изнурит совсем. Обещают жел[езную] дор[огу] в мае пустить; возможно, что и ее подождем, ибо неохота двигаться морем, гораздо сложнее, больше канители и неделями надо караулить. А по жел[езной] дор[оге] хоть сразу можно купить билет до места, и не таскаться с кипами денег.

Итак, определенные решения: ликвидироваться и собираться в путь, задержка может быть, если будет возможность дожидаться жел[езной] дор[оги]. Надеемся, что ничего не произойдет такого, что зависит не от нас.

Вы пишете, что Роза¹⁰ хлопочет о нас, и на днях напишет, но уже прошло недели две, а я больше ничего не получал. Да и что могут дать хлопоты Розы? Пропуска сейчас дают свободно за 250 тыс., не требуется никакого вызова, а ведь готовых билетов на проезд никакое учреждение не дает; так и толку от них мало. Жел[езно]дор[ожная] служба в этом отношении лучше, могла бы дать годовой проезд, но туда нет заручки¹¹. Сей инженер Мартынович, с которым посылаю сие письмо, обещает посодействовать, но пока он доедет, пока даже и пошлет, так выйдет к Рождеству, а посему надеюсь только на свои средства. Все равно уже, соберемся на старое пепелище, что-нибудь уж будем работать. Здесь, конечно, тоже сложно [было] бы создать дело, но раз уж здесь не жить, то не стоит и огород городить.

Далеко и скучно без своих, все не мило, а природа не плоха: здесь уже давно тепло, все ожило вновь, все цветет, скоро уже кой-какие свежие фрукты будут, овощи свежие уже продаются. Но Бог с ней этой прелестью, все-таки сыро, слишком много влаги, благодаря морю.

Кончаю, несу письмо Мартыновичу, он, кажется, сегодня собирается уехать, пришел большой пароход, но я уверен, что так сразу ему не уехать, но на всякий случай надо отнести, живет близко, в соседях.

Всякие подробности расскажем лично; неужели не удастся почему-либо выбраться – с ужасом об этом думаю. Ох, как хочется уехать в свои края. И, наверное, все равно не будет спокойной жизни, такое уж теперь проклятое время; как надоела эта беготня, забота о куске хлеба; раньше работа увлекала, а теперь работаешь без малейшего удовольствия.

Сообщить уж цены: мука кукурузная 4–5 млн пуд, пшеница 7–8 млн, картошка – 2 млн пуд, мясо 120 тыс. фунт, рыба 100–150 т[ыс]. фунт, масло сливочное – 600 тыс. фунт, постное 400 тыс. фунт, свекла, лук, морковь около 2 млн пуд, сахар 300 тыс., чернослив 100 тыс., груши сушеные 40–50 тыс. фунт, орехи грецкие 40–50 тыс. фунт, во-

¹⁰ Сестра автора.

¹¹ Зарука, т. е. поддержка.

лоцкие¹² орехи 100 тыс. фунт, фасоль 150 тыс. фунт, рис 250–300 тыс. фунт, мыло – 400 тыс. фунт, мануфактура 300–400 тыс. аршин. На базаре готовые тряпки, обувь сейчас недорого, ибо покупателей нет, а продавцов вдоволь. Серебро лом 20–25 тыс. золотник, в вещах можно продать до 50 тыс. зол[отник], золото лом 1 млн зол[отник], в вещах немного дороже, золотник 4–5 млн, серебряный рубль 200–250 тыс. Сапоги приличные можно купить за 2–3 млн. Виктор¹³ сделал почин и бегаёт в деревянных колодках, здешняя обувь.

Первая вставка на полях: Не могу выбраться написать Черне и Лине, кланяйтесь, пока им... Целую маму и всех прочих. Все-таки пишите на всякий случай...

Вторая вставка на полях: Извиняюсь за Аню, привет от нее, занята во всю стряпней...

ГАСО. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 73. Л. 110–112об.
Подлинник. Рукопись. Синие чернила. Блокнотный лист.

№ 2

Письмо Абрама Соломоновича Когана своим сестрам Мире и Розе

19.04.1922 г.

г. Сочи

Милая Мира, Роза и все остальные! Вчера получил твое письмо, Мира.

Теперь определенно знаю, что невозможно ничего устроить, чтобы вызвать нас в Екатеринбург, что интересовало нас в том отношении, чтобы получить бесплатный проезд. Теперь придется, значит, ехать за свой счет. В таком случае сумеем приехать так, чтобы Аня была свободна, и чтобы куда ее не посылали, а на месте уж, если будет служить, то только при тех условиях, кои ей будут по душе. Может быть, инженер Мартынович сможет мне помочь, даю ему заявление о принятии меня на службу. Может быть, Ане, ввиду необходимости ей уехать из Сочи от малярии дадут проезд, может быть, госпиталь двинут. Может быть, вообще положение изменится. Во всяком случае, сборы займут 3–4 недели, а там виднее будет. Если починка дороги будет подходить к концу, то будет смысл неделю-другую ее подождать, чем тащиться морем. Никто, конечно, не думает о том, чтобы

¹² Возможно, волошские, т. е. очищенные грецкие орехи, поскольку они в два раза дороже.

¹³ Личность не установлена.

только выехать и попасть из огня, да в полымя. Конечно, стараешься все это сделать так, чтобы были и волки сыты, и овцы целы. А жизнь страшна и одинакова везде, цены на все почти одинаково повышаются как здесь, так и там; голодные валяются и умирают и здесь, тиф подцепить можно и здесь, как писал – был и у нас в квартире; убийства, грабежи, воровство бывают и здесь. Россия – одно слово, живем в одном государстве.

Но будет же возможность работать более успешно и интенсивней, чем сейчас; и тогда уж лучше продолжать начатое дело, чем заводить новое, лучше работать опять со своими, в своем краю, тогда не страшен и переезд, и расходы дорожные. Только в том случае и можно двинуться. А если рассчитывать на худшее, если нельзя будет предпринять дома что-либо дающее возможность человеческого, нормального существования, что возможно будет лишь при общем более или менее налаживающемся положении страны, тогда нечего рассчитывать на это и здесь; если будет хуже у Вас, то не лучше будет и здесь; если начнется анархия, то она будет и здесь. Тогда будет только вопрос – насколько времени хватит вещей и выживем ли мы вообще. Кому какая судьба!

Есть много за и против жизни здесь; точно так же, как и жизни у вас; но приходится сказать, что жизнь складывается не так как хочется; думаешь и ищешь одного, получается другое. Одним словом «судьба». Куда и как теперь она забросит нас – не предугадаешь, а посему ничего определенно не скажешь. Если сложатся так обстоятельства, что очутимся снова с Вами, значит «судьба», – будем «вертеть» свою жизнь в Екатеринбурге. Одним словом, поживем, увидим. Надеюсь, на все хорошее, что поедем к Вам, свидимся, съедемся, и примемся за новую жизнь, а не дождемся и не удастся выбраться, будем умирать всяк в своем месте.

Надеюсь, что будете здоровы, сыты, одеты, я в это верю, а потому за вас спокоен. Вам тоже смущаться нечего от наших сборов. Повторяю, что безрассудно ничего не предпримем, против рожна, как говорится, не попрем.

Вчера справили день рождения Ани; были гости, пили вкусное вино, несколько бутылочек сохраняю, чтоб угостить Вас; в общем, первые три дня отметили, позволили себе более вкусные блюда. Теперь переходим снова на более скромную пищу. Аню питаю более усиленно. На этих днях имел 8 бут[ылок] молока бесплатно за поч[инку] швейн[ой] машины, так что вчера после обеда пили какао на чистом молоке. Не горюй Мира – выживем и доживем до лучшего будущего.

Целую всех вас, Абрам.

Первая вставка на полях: Поздравляю Осю с днем рождения. Привет Гуткиным и другим знакомым.

Вторая вставка на полях: Итак, приедем к Вам, если будет возможность работать, а если вся жизнь сведется к тому, чтобы только проживать все что имеется, и дальше – голодная смерть, то мертвому безразлично где лежать. Но я надеюсь на лучшее. А пока все-таки пишите, может, и задержимся до конца июня.

ГАСО. Ф. Р-138. Оп. 3. Д. 73. Л. 109–109об.
Подлинник. Рукопись. Синие чернила. Блокнотный лист.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-138 Екатеринбургский губернский суд (1921–1924 гг.).

Издание судебно-следственных документов советского периода : метод. пособие / рук. темы О. Ф. Козлов; М. В. Бельдова, Ю. С. Воробьева, М. П. Дьячкова. М.: ВНИИДАД, 1998.

Килин А. П. Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы нэпа. // Документ. Архив. История. Современность : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (16–18 нояб. 2018 г.) Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 427–437. (а)

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты : науч. моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. (б)

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Россия 1917 года в эго-документах : письма / УрО РАН, ИИиА; авторы-составители Н. В. Суржикова (научный редактор) [и др.]. – М. : Науч.-полит. книга, 2019.

Циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции РСФСР Н. М. Янсона № 93 от 5 июля 1929 г. // Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1929. № 32. С. 48–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакшаев Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alexandr.bakshaev@yandex.ru

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии УРО РАН, профессор кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Валдайских Дарья Владимировна, магистр истории, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: d.valdaiskih@gmail.com

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар. E-mail: gngkol2@mail.ru

Джумантаева Тамара Александровна, кандидат культурологии, докторант Белорусского государственного университета культуры и искусств, Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: tamara.jum@gmail.com

Зудова Ольга Михайловна, студентка направления «Документоведение и архивоведение, УрФУ, Екатеринбург

Кандаурова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: tanikand@mail.ru

Килин Алексей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Копырина Сардана Николаевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: sandaleyk@mail.ru

Коротин Вячеслав Андреевич, лаборант кафедры истории России департамента «Исторический факультет», УрФУ, Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.korotin@gmail.com

Куськало Юлия Владимировна, лаборант-исследователь Научно-образовательного центра цифровой гуманитаристики, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: juliabauer17@mail.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург; ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва. E-mail: lmaz@mail.ru

Михайлов Алексей Павлович, Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, lesal6608@gmail.com

Муравьев Артем Владимирович, бакалавр документоведения и архивоведения, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: artem.muravev.2020@mail.ru

Плетнева Марина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: mvt0303@yandex.ru

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Спиридонова Алина Дмитриевна, ассистент кафедры политических наук, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: alinadmtrvn@gmail.com

Стогов Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург. E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Торопов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: atoropoff@rambler.ru

Триасучкина Ксения Денисовна, лаборант-исследователь научной лаборатории «Международный центр демографических исследований», УрФУ, Екатеринбург. E-mail: triasuchkina-ks@yandex.u

Уланов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: ulanov.kir@gmail.com

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Екатеринбург. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Хакимов Рашид Шавкатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, Челябинск. E-mail: hakra51@mail.ru

Черноухов Эдуард Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический универ-

ситет, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, УрФУ, Екатеринбург. E-mail: echernoukhov@yandex.ru

Хорькова Вера Михайловна, студентка направления «Документоведение и архивоведение, лаборант-исследователь, научная лаборатория «Международный центр демографических исследований», УрФУ, Екатеринбург. E-mail: vera.rusha@gmail.com

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна, кандидат исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Казахстана и социальных наук, Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, г. Алматы, Казахстан. E-mail: mena.mdsh@gmail.com

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики, г. Алматы, Казахстан. E-mail: 777nursulu@mail.ru

Шихова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург. E-mail: krutikol@mail.ru

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВСРЖ	Всероссийский союз равноправности женщин
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ДВП	Департамент военных поселений
КГЗП	Канцелярия Главного заводов правления
НОТ	Научная организация труда
ПК	программный комплекс
райзо	районный земельный отдел
райпо	районное потребительское общество
РЖВБО	Российское женское взаимно-благотворительное общество
РЛРЖ	Российская лига равноправия женщин
СНХ	Совет народного хозяйства
ССД	судебно-следственные дела
ЦЕКУБУ	Центральная комиссия по улучшению быта ученых
ЦИТ	Центральный институт труда
ЦСУ	Центральное статистическое управление
ЧТЗ	Челябинский тракторный завод
ARA	American Relief Administration, Американская администрация помощи голодающим в Советской России

SUMMARY

Section 1 RELAY OF ACADEMIC RESEARCH

Daria V. Valdayskikh

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Network Analysis in the Study of Rural Communities
(Based on the Example of the Materials of the Registry Books
of the Perm Province of the 19th – Early 20th Centuries) 6**

The article examines the possibilities of applying network analysis methods in the study of rural communities using the example of records of marriages in the Nativity of Christ Church of the Ust-Garevskoye village of the Perm district of the Perm province for 1866–1919. General directions of development of the network analysis method in historical sciences and problems arising in conducting such studies are considered. A general description of the Ust-Garevskoye village and parish is given, including data on the materials of the records of marriages in the registry books of the parish church. Possible algorithms for selecting and forming network matrices based on the data from the registry book database on marriage records, as well as for assessing the properties of the formed networks are described.

Key words: network analysis methods in historical research, registry books, rural communities of the 19th – early 20th centuries, Ust-Garevskoye village of Perm district.

Artem V. Muravyov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Images of the Communist Future in the Magazine “Vokrug Sveta”
(1927-30) 18**

Since the second half of the 1920s, there has been a move away from the ideas of revolutionary romanticism towards scientifically oriented pictures of the future. Popular science magazines are relevant sources for studying this topic. Based on the materials of the magazine “Vokrug Sveta” for 1927-1930, the article analyzes the images of the communist future. The main theoretical approaches to the construction of communism and popular science ideas are considered. An assessment of the

information potential of the magazine in terms of images of the future is given. A conclusion is made on how the materials of popular science periodicals contributed to the formation of the Soviet myth and strengthened faith in it.

Key words: magazine “Vokrug Sveta”, image of the future, socialism, communism, science, Soviet myth.

Alexey P. Mikhailov

Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg, Russia

**Transformation of the Garden Space of the “Small” and “Large”
Ryazanov’s Estates in the City of Ekaterinburg since the Middle
of the 19th Century 31**

This article offers a historical and cultural analysis of the garden space of the “Small” and “Large” Ryazanov’s estates in the period from the mid-19th century to the present in the context of the problem of preserving the cultural heritage of pre-revolutionary Russia. The main reasons and stages of transformation of the said monuments are revealed, the characteristics of their state changes are given from the point of view of practical use and historical value. Particular attention is paid to aspects of the garden and park landscape of the territory, for the first time an attempt is made to analyze it in the process of transformation.

Key words: estate, cultural heritage, Ekaterinburg, historical heritage.

Vera M. Khorkova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Life in a Historical Monument: Advantages and Disadvantages
(Using the Example of the T. M. Ryazanov’s Estate) 36**

The article examines the state of a monument of federal significance and analyzes the object, allowing to identify trigger points that determine its place in the urban environment. Since the city cannot preserve its original appearance from the moment of its emergence, its transformation leads to the loss of many of its former “faces”, but traces of history remain one way or another, disintegrating into separate objects of different eras. One of the tasks when choosing a vector of urban development is to determine the place of architectural heritage in a metropolis that is in constant motion. Such an object is the T. M. Ryazanov’s Estate in Ekaterinburg, built in the 19th century and today representing both a residential space and a cultural heritage site. The duality of its position becomes the main problem, which is the subject of this article. The main source of information are interviews with representatives of various groups of the population interacting with this place.

Key words: urban environment, cultural heritage site, Ryazanov’s Estate, interview.

Section 2 HISTORY OF RUSSIA AND THE URALS

Vyacheslav A. Korotin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Peter I as a Reformer in the Public Discourse of the First Quarter of the 18th Century 42

The article concerns the study of the process of formation of the image of Peter I as a reformer in the public discourse of the period of his reign. The emphasis is placed on the linguistic tools with which the authors constructed the image of Peter the reformer. The main sources for the work were panegyric works and solemn sermons, preambles to legislative acts and the historical work “History of the Swedish War”. The article examines rhetorical devices, historical characters and situations with which Peter the reformer was compared. The process of image formation is correlated with the historical context of the Peter the Great era. Based on the analyzed material, conclusions are made about the features of the image formed by the time of Peter’s death, as well as about his position within the framework of Peter’s ideology.

Key words: Peter I, public discourse, socio-political thought, the tsar-reformer, panegyrics, “History of the Swedish War”, Feofan Prokopovich, history of concepts, legislative acts.

Sardaana N. Kopyrina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Interaction of Church and Mining Authorities in the Urals in the 1720-40s (Based on the Documents of the State Archive of the Sverdlovsk Region) 52

The article analyzes the history of interaction between the church and mining authorities in the Urals in the 2nd quarter of the 18th century. The activities of the church in the territory of the mining Urals were controlled by the Metropolitan of Tobolsk and Siberia. The author analyzes the features of contacts between the bishop’s house of Tobolsk and the Ural Mining Administration. Based on archival documents, the issue of prohibiting state bodies from penetrating and influencing decision-making on certain issues in church affairs is considered. The legality of the inviolability of church affairs at the local level was guaranteed by the Synod, which in the 18th century was a state authority in charge of a wide range of issues related to the clergy. V. N. Tatishchev took measures to educate church children in secular schools, which interfered with the plans of their parents. In addition, his decree de-

terminated that the construction of the Church of St. Anna the Prophetess was started in the wrong place and with the wrong proportions, which served as the basis for the decision to demolish it. The work of Metropolitan Arseny (Matseevich) to restore the rights of the church in the 1740s, which gave rise to lengthy proceedings with the mining authorities of the Urals, is also considered.

Key words: Orthodox Church, Ural Mining Administration, Synod, Ekaterinburg, V. N. Tatishchev, Metropolitan Arseny (Matseevich).

Alevtina M. Safronova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Verbal and Arithmetic Schools of the Lyalinsky Plant (1735-42) 61

Thanks to V. N. Tatishchev who headed the state-owned plants of the Urals in 1734-39, verbal and as literate people were trained, arithmetic schools, were opened at nine plants and in Kungur, which allowed children to receive the basics of literacy and arithmetic at their place of residence. The article reconstructs the organization of schools at the Lyalinsky Plant, about which, in fact, there is no information in available studies. The history of the opening of these educational institutions, the appointment of teachers, the composition of students (their number, age, social affiliation, subsequent fate), reasons for the closure of schools in 1742 are revealed.

Key words: V. N. Tatishchev, Lyalinsky plant, verbal and arithmetic schools, teachers, students.

Kirill A. Ulanov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Organization of Cargo Transportation from State Factories of the Urals to the Pier in the First Half of the 18th Century (According to the Documents of the State Archive of the Sverdlovsk Region) 79

The Ural mining industry, which played a huge role in the country's economy, faced great difficulties in delivering finished products to the all-Russian market in the 18th-19th centuries. It was satisfied only by horse-drawn and river transport. If numerous problems of the history of the Urals have been studied quite thoroughly, then the delivery of products from factories to piers and their further route to Nizhny Novgorod, Moscow, St. Petersburg and other, both western and eastern regions of the country, remained outside the field of view of researchers.

Key words: caravan, Ural, *kolomenka*, Chusovaya, communications, transport, barge.

Anna K. Gagieva

Komi Republican Academy of Public Administration and Management,
Syktyvkar, Russia

**Role of the Peasant Land Community of the Komi Region
in the Fulfillment of Fiscal Duty. XVIII Century90**

The work concerns the study of the taxation system of peasants of the Komi region in the XVIII century. During this period, cardinal changes occurred in the entire tax system. The per capita taxation system replaced the household taxation system. In the payment of state taxes, there were regional peculiarities that were not reflected by researchers. The purpose of the article is to consider the collection of monetary taxes and fees on the territory of the Komi region. To achieve it, the following tasks were solved: the nomenclature of taxes and fees was determined, the dynamics of taxation was analyzed, the features of changes in tax policy were revealed, etc. It was established that the peasantry paid a capitation tax, a quitrent tax and all sorts of “secular” monetary taxes to the state. They did not remain unchanged and were constantly increasing. New extraordinary taxes and fees appeared. The increase in the tax pressure led not only to a deterioration in the economic situation of the peasants, but also stimulated the population to search for new sources of income. By the end of the period under study, the role of non-agricultural activities of the peasantry increased, the income from which gradually became the main source of funds for paying monetary taxes and fees.

Key words: quitrent tax, Yarensky district, Ust-Sysolsky district, capitation tax, taxes, peasants.

Alexander A. Bakshaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Problems of Fulfilling Military Orders by Ural Mining Plants
in the First Quarter of the 19th Century 100**

The article analyzes the difficulties in fulfilling military orders by state-owned Ural mining plants in the first quarter of the 19th century. It is noted that during the Napoleonic wars, mining plants could not cope with orders not only for guns and shells, but also for metals. By 1816, a significant debt had accumulated to the military and naval departments in iron, timber, anchors and other products manufactured under orders. On behalf of the leadership of the mining department, the Perm Berg Inspector identified the reasons for the disruption of product deliveries under orders, the main one being a significant increase in their volumes, which did not correspond to the technical capabilities of the enterprises. Measures were proposed to increase the production of military products, including the introduction of new industries, the redistribution of orders between factories, and their replenishment with workers.

Key words: military orders, mining factories, metals, guns, weapons factories, shells, the Ministry of War, the Ministry of the Navy, the Mining Department, the Urals.

Eduard A. Chernoukhov

Ural Federal University, Ural State Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia

**The First City Hospital of Ekaterinburg
in the XIX - Early XX Centuries 109**

The article provides a review analysis of the history of the first Ekaterinburg city hospital before its transformation into a Soviet medical institution. In the initial period of its activity, most of the patients were military personnel treated at government expense. The transfer of Ekaterinburg to the complete control of the mining authorities and the construction of a new building for the factory hospital led to the temporary closure of the hospital. In the new historical realities, it was restored in 1876, soon becoming the largest medical institution in the city. Particular attention is paid to the interaction of the City Duma leadership with other key actors in the medical sphere: the mining department and the Ekaterinburg district *zemstvo*. For the first time, information about all the doctors who served in the city hospital during the pre-revolutionary period of its activity is introduced into scientific circulation.

Key words: mining hospital, Ekaterinburg City Duma, Ekaterinburg district *zemstvo*, doctors.

Yulia V. Kuskalo

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Activities of the Russian League for Women's Equality (1907-17):
in the Struggle for Political Rights 119**

The article examines the activities of the Russian League for Women's Equality, which acted as a representative of all Russian women's organizations. Based on archival documents and annual reports of the League for Women's Equality, a qualitative analysis of the society's activities is conducted. A conclusion is made about the contribution of the League for Women's Equality to the process of women gaining voting rights.

Key words: feminism, women's public organizations, First All-Russian Women's Congress for Women's Education, fight against prostitution, suffrage, P. N. Shishkina-Yavein, M. A. Chekhova.

Lyudmila N. Mazur

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

“Not by Bread Alone...”: The Structure of the Nutrition of a Soviet Scientist in the 1920s (Based on the Materials of the Budget Survey of 1925) 128

The article examines the structure of nutrition and the daily menu of scientific workers. The source for studying the consumption of scientists were the primary materials of the budget survey conducted by the section of scientific workers together with the Central Statistical Office in 1925. Nutrition most fully characterizes the standard and way of life, the historical uniqueness of a moment in time and the problems existing in society. Budget statistics of the 1920s partially allow us to reconstruct the daily menu but need to be illustrated by narrative sources to obtain a more complete picture.

Key words: nutrition, budget survey of 1925, scientists, USSR, sample, standard of living.

Mikhail A. Feldman

Ural Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Konstantin D. Bugrov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The Successor of the Ural Region - Sverdlovsk Region: Personnel and Economic Aspects (On the 90th Anniversary of its Creation). Beginning: January 1934 - June 1941 139

The Soviet experience of planning the socio-economic development of regions made it possible to bring different territories of the USSR closer together in terms of their level of industrial development. Of particular importance is the implementation of the accelerated modernization of the Ural economic region, where a modern multi-sector industrial complex was formed during the pre-war five-year plans. The epicenter of the Ural economic region was the Ural region, and then, from February 1934, Sverdlovsk region, which absorbed most leading industrial enterprises, the bulk of higher educational and scientific institutions, and in the city of Sverdlovsk concentrated all the administrative structures (party, soviet, trade union, planning) of the Ural region. The proposed article reveals the stages of formation of the Sverdlovsk region: the evolution of the regional personnel corps; changes in plans for economic reconstruction; the role of the region in the defense-industrial potential of the Soviet country. The specifics of the implementation of sectoral and territorial development programs in each of the three pre-war five-year plans are noted. The

reasons for the failure to achieve the planned indicators of industrial growth in the Sverdlovsk region are highlighted.

Key words: Urals, Sverdlovsk region, industrialization, USSR, Communist Party, personnel, managers, capital investments, education.

Rashid Sh. Khakimov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

**Temptation of the *Nomenklatura* and the Heavy «Stalin's Hand».
1946-53 (On the Example of the Chelyabinsk Region) 152**

The article examines the practice of privileges and benefits of the party *nomenklatura* during the period of late Stalinism using the example of the Chelyabinsk region. It is shown that the system of privileges and benefits of the Communist Party *nomenklatura* changed, but in no way disappeared. The features of the functioning of this system in the post-war period are revealed: the ability to adapt, change and expansion of needs, resistance to the attempts of J. Stalin and the top party leadership to limit the selfish and material aspirations of the party *nomenklatura*, the fusion of the party and economic elite in an effort to ensure a privileged and comfortable life for themselves, the emergence of conditions for the formation of sustainable corruption in this environment. The author notes the typicality of these negative phenomena for all regions of the country.

Key words: Communist Party *nomenklatura*, benefits, privileges, Chelyabinsk region, Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), "Chelyabinsk Affair", I. M. Zaltsman, A. A. Beloborodov.

Andrey N. Toropov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**To the 100th Anniversary of Mikhail Efimovich Glavatsky:
Materials on the Biography of the Outstanding Scientist 168**

The article is dedicated to the 100th anniversary of the outstanding scientist Mikhail Efimovich Glavatsky, who worked at the Ural State University from 1950 to 2005. The scientific and teaching activities of M. E. Glavatsky are of great importance and require special research. This article concerns the characteristics of the historian's activities and the analysis of materials for his biography.

Key words: M. E. Glavatsky, Ural State University, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, history of the Urals.

Section 3

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AND INSTITUTIONS
OF MEMORY: STRATEGIES FOR INTERACTION*Dmitry I. Stogov*

Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia

**The Problem of Preserving Small Towns in Russia (Using the city
of Vetluga, Nizhny Novgorod Region, as an Example) 176**

The article analyzes the problems of the existence of small towns in Russia. It is noted that currently there are extremely unfavorable conditions for their development, which lead to a gradual reduction in the number of small urban settlements. Using the example of one of them, the ancient city of Vetluga, Nizhny Novgorod Region, the current situation with the architectural monuments of the city and the preservation of the rich cultural heritage of the Vetluga region is considered. It is noted that the efforts of individual enthusiasts (local historians, museum workers, libraries, clergy, etc.) are not enough to preserve small towns in Russia. It is necessary to create a comprehensive state program for the preservation of the historical and cultural heritage of small towns in Russia and stable funding. It is concluded that the future of small urban settlements lies in the development of the tourism industry with the necessary transformation of the local transport infrastructure and the revival of local industry.

Key words: small towns, urbanization, Vetluga, museum, industry, agriculture, culture.

*Mendyganym D. Shaimerdenova*Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts,
Almaty, Kazakhstan*Nursulu Zh. Shaimerdenova*Al-Farabi Kazakh National University, The Research Institute of Turkology
and Altaic Studies, Almaty, Kazakhstan**Megacities of Kazakhstan: Ethno-Linguistic Diversity
and Urbonyms 183**

The article examines megacities in the context of the onomastic space of Kazakhstan and draws attention to the universal features of the semantics of urbonyms, and considers regional specifics from the standpoint of their use.

The authors rely on the research of E. Khasenov, who was the first to raise the problem of urban linguistics as a new direction and presented an overview of Ka-

zakhstani research. At the same time, he identified research prospects and focused on urban objects, including urban names, godonyms and ergonyms. He also adjusted the metalanguage base of sociolinguistics, characterized the metalanguage of the study and gave his own definitions of some terms. These definitions were included in the “Dictionary of Sociolinguistic Terms” [Suleimenova et al., 2007] and are actively used today in scientific and pedagogical practice. Modern megalopolises are a special kind of city. They differ not only quantitatively, but also qualitatively, and have their own historical and cultural specifics. An important aspect of our study is the description of the ethnolinguistic diversity of the megalopolis in the historical and cultural paradigm of Kazakhstan. At the same time, there is some diversity and imprints of different time slices, since the analyzed corpus represents architectural objects, educational institutions, and landscape design elements erected at different times. Of interest are art objects that impart a special cognitive style to the city and characterize the population living in it. A comprehensive analysis of these components allows us to characterize the ethnolinguistic and socio-cultural composition of megacities. The analysis of onomastic units proposed in the article identifies several layers that differ in age and education, perception of the cognitive style of the city of residents based on the information embedded in the objects. The work also presents a systematic historical and linguistic description of the ethnolinguistic bi- and polylingual area of three megacities of Kazakhstan - Astana, Almaty, and Shymkent.

Key words: urbology, onomastics, megalopolis, art object, urbonyms, cognitive style.

Olga N. Shikhova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Attitude of Small-Town Residents to Museums:

Based on Online Research 198

The article provides an analysis of the materials of an online study from 2021-23, the participants of which were residents of three small towns aged 13 to 60 years, 433 respondents (using the example of Tikhvin in the Leningrad Region, Krasnoufimsk in the Sverdlovsk Region, and Mednogorsk in the Orenburg Region). The purpose of the analysis of empirical data is to identify the attitude of townspeople to museums in their native area. A modern museum is becoming an active participant in urban life and interactive work with different categories of visitors, and its focus on the service function is increasing. To what extent is this trend characteristic of small-town museums? How can the attitude of the local population to museums in their native area be studied?

Key words: museum, small town, native land, townspeople, online research, cultural and historical heritage, memory.

Tamara A. Dzhumantaeva

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Museumification of Oil Painting of the Spaso-Preobrazenskiy Temple as a Strategy for Developing the Cultural Heritage of a Historical City 209

The result of the museumification of the 19th century oil painting of the Spaso-Preobrazhensky Church of the Spaso-Euphrosyne Monastery in Polotsk was the creation of a stationary exhibition “Mural Painting of the 12th-19th Centuries of the Spaso-Preobrazhensky Church” in the Art Gallery of the National Polotsk Historical and Cultural Museum-Reserve. The implementation of this museumification project became possible thanks to a unique technology for peeling off oil paintings of the 18th-19th centuries, developed by Russian restorers. The experience of implementing this project is an example of a successful combination of restoration practices and museum innovations in museology and a promising direction in updating the cultural heritage of a historical city.

Key words: cultural heritage, museumification, historical city, restoration, peeling off paintings, toning.

Alina D. Spiridonova, Ksenia D. Tryasuchkina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Interview Transcription: New Opportunities and Features of Studying Small Towns in Russia 214

Interview transcription is an important part of qualitative research, allowing you to turn audio into text as a more convenient information carrier that can be studied and used for scientific purposes by all members of the research team. Since the role of the transcriber can be performed by researchers who did not conduct the interviews, they have the opportunity to evaluate the material only in a general form, constructing a picture of perception from the features of the conversation, understanding the behavior of all participants in the study, and filling in the gaps in the informant’s narrative with information from open sources. All these elements form an additional view of the interview conducted, direct the course of subsequent analysis and can influence the results of the research, create new themes and visions of the problem initially posed.

Key words: interview transcription, qualitative research, interview, denaturalized transcription.

Section 4
THEORY, HISTORY AND PRACTICE
OF DOCUMENT MANAGEMENT AND ARCHIVING

Marina V. Pletneva, Olga M. Zudova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Professional Growth of Young Specialists in the Sphere
of Documentation Support Management through the Development
of Soft Skills 221**

The article presents a study of the “soft skills” necessary for young specialists in document management for further growth in the profession. The results of a survey of correspondence students of the Ural Federal University in the training program “Documentation and Archival Science” are presented, which allow us to determine the most popular “soft skills” among young specialists.

Key words: document manager, “soft skills”, professional growth, career, document.

Section 5
PUBLICATION OF HISTORICAL SOURCES

Tatyana N. Kandaurova

Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia

**Economic, Social, and Cultural Space of the Okhtensky Military
Settlement District based on the Reporting Materials
of the Department of Military Settlements228**

In the 1810s, along with the military settlements of infantry and cavalry, a small military settlement district was formed at the Okhtensky gunpowder factory near St. Petersburg. This military settlement had its own peculiarities of organization and development. The published departmental reporting materials present the main characteristics of the economic development, social and cultural space of the Okhtensky military artillery settlement in the 1840-50s.

Key words: Okhtenskoye military settlement, Department of Military Settlements, Okhtensky gunpowder factory, settled companies, inspections, reporting materials, military settlers - owners-artisans, settlers - owners-plowmen.

Alexey P. Kilin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**«If Circumstances Work Out that We Find Ourselves with You Again,
it Means “Fate”, We will “Spin” Our Life in Ekaterinburg»:**

Letters of A. S. Kogan 257

The purpose of this work is to publish the private correspondence of the son of A. S. Kogan with his father S. O. Kogan, dedicated to the prospects of moving from Sochi to Ekaterinburg. The letters examine a wide range of everyday, industrial, and personal-psychological problems that allow us to reconstruct the history of everyday life of an ordinary city dweller and private entrepreneur during the transition from War Communism to the New Economic Policy, which makes these ego-documents a valuable historical source. The letters were confiscated during a search and were kept as part of a forensic investigation case opened in connection to the uncovered facts of illegal purchase and resale of platinum. The addressee of the published letters was a defendant in the criminal case.

Key words: private correspondence, ego-document, forensic investigation case, history of everyday life, NEP, private entrepreneurship, standard of living, logistics, family ties.

Научное издание

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 24

Издается с 2001 г.

Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
<http://clar.urfu.ru/>
<https://dais24-urgu.urfu.ru>

Редактор *Л. Н. Мазур*
Компьютерная верстка *О. В. Горбачева*

Дата подписания к использованию 09.09.2024. Формат 60х84/16
Гарнитура «Таймс». Усл. изд. л. 16,8. Объем 6,55 Мб

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
Сайт: <http://print.urfu.ru>